

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

Том 16 № 3 (2019)

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Шамионов Р.М.** Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубеждённости по отношению к Другим 309
- Протасова И.Н., Сычев О.А.** Моральные основы этнической толерантности 327
- Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А.** Разработка подхода к типологии сетевых сообществ на основе дискурсивных признаков коллективной субъектности 341
- Бочарова Е.Е.** Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи 359
- Шейнов В.П.** Взаимосвязи виктимизации и эмоционального интеллекта: половозрастные особенности 377

ПСИХОДИАГНОСТИКА

- Ардила А., Маслова О.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А., Агилар Ю.** Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России 393
- Бовин Б.Г., Федорова Е.М.** Психодиагностика психологической готовности кандидатов к управленческой деятельности в исправительных учреждениях 416

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Захарова А.Ю., Трусова А.В.** Временная перспектива личности при аффективных расстройствах: обзор научных исследований 435

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Сенашенко В.С., Стручкова Е.П.** Индивидуальные образовательные программы как новый механизм сопряжения высшего образования и сферы труда 451

ПЕРСОНАЛИИ

- Котова М.В., Малышева Н.Г., Соловьева О.В.** Путь Этнопсихолога: к 70-летию со дня рождения Татьяны Гавриловны Стефаненко 466

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Takooshian H., Denmark F.L.** Celebrating Psi Chi at Yale University (Чествование Psi Chi в Йельском университете) 474
- Ершова Р.В.** Психология: создаем будущее вместе – итоги XVI Европейского психологического Конгресса 480

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Крупнов Александр Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАНПО (Москва, Россия)

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии Хьюстонского университета, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека Бейлорского медицинского колледжа (Хьюстон, США); профессор Центра детских исследований Йельского университета, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс (Йель, США)

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор психологии Пэйс Университета (Нью-Йорк, США)

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия)

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств (Париж, Франция)

Кючуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Нью Вилльям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи Колледжа Белойта (Белойт, США)

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора МГИМО МИД России, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт (Джуно, Аляска, США)

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж» (Белград, Сербия)

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхэм (Нью-Йорк, США)

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем» (Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США)

Хархури Анатолий Владимирович, Ph.D., профессор психологии Американского университета Шарджи (Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты)

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Редактор Ю.А. Заикина

Компьютерная верстка Ю.А. Заикиной

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Психология и педагогика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 23.09.2019. Выход в свет 30.09.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,27. Тираж 500 экз. Заказ № 1107. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

VOLUME 16 NUMBER 3 (2019)

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

SOCIAL AND PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Shamionov R.M.** Individual Values and Ideological Attitudes as Predictors of Prejudice against Others 309
- Protasova I.N., Sychev O.A.** Moral Basis for Ethnic Tolerance 327
- Pavlova N.D., Voronin A.N., Grebenshikova T.A., Kubrak T.A.** Development of Approach to Typology of Internet Communities based on Discursive Markers of Collective Subjectivity 341
- Bocharova E.E.** Typical Spheres of Social Activity Manifestation in Modern Youth 359
- Sheinov V.P.** Relation between Victimization and Emotional Intelligence: Gender and Age Features 377

PSYCHODIAGNOSTICS

- Ardila A., Maslova O.V., Novikova I.A., Shlyakhta D.A., Aguilar Y.** Acculturation Scale to Russia (ASR) for International Students: Development and Psychometric Verification 393
- Bovin B.G., Fedorova E.M.** Psychodiagnostics of Psychological Readiness of Candidates for Management of Correctional Facilities 416

CLINICAL PSYCHOLOGY

- Zakharova A.Yu., Trusova A.V.** Time Perspective in Patients with Affective Disorders: Review of Scientific Research 435

PROBLEMS OF MODERN UNIVERSITY EDUCATION

- Senashenko V.S., Struchkova E.P.** Individual Educational Programs as New Mechanism of Integration between Higher Education and Labor Sphere 451

PERSONS

- Kotova M.V., Malysheva N.G., Solovyova O.V.** The Path of Ethnopsychologist: to the 70th anniversary of Tatiana G. Stefanenko 466

SCIENCE CHRONICLE

- Takooshian H., Denmark F.L.** Celebrating Psi Chi at Yale University 474
- Ershova R.V.** Psychology: Creating the Future Together – Results of 16th European Congress of Psychology 480

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander I. Krupnov, D.Sc. in Psychology, Professor, Professor of the Social and Differential Psychology Department (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia)

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology (University of Houston, Houston, USA), Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics (Baylor College of Medicine, Houston, USA), Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories (Yale University, Yale, USA)

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology (Pace University, New York, USA)

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology (Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia)

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art (Paris College of Art, Paris, France)

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology (American University of Sharjah, Sharjah, UAE)

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education (Silesian University in Katowice, Poland)

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies (Beloit College, Beloit, USA)

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science (University of Silesia in Katowice, Poland)

Lilia K. Raitskaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology (Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia)

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association (Juneau, Alaska, USA)

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council (Fordham University, New York, USA)

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher (Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA)

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair (Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus)

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor (College of Academic Studies "Dositej", Belgrade, Serbia)

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board series "Psychology and Pedagogics":

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): [http:// publicationethics.org](http://publicationethics.org)

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

Статьи публикуются на русском и английском языках.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки);

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

19.00.02 – Психофизиология (психологические науки);

19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки);

19.00.04 – Медицинская психология (психологические науки);

19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);

19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);

19.00.13 – Психология развития, акмеология (психологические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, а также индексируется в РИНЦ, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редакцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

ABOUT OUR JOURNAL

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate students.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>.

The Journal is also indexed in Russian Science Citation Index, DOAJ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial board by e-mail: psyj@rudn.ru

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326

УДК 159.9

Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим**Р.М. Шамионов**

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Рост социальной конкуренции и современные тенденции экономической и социальной интеграции в мире побуждают к изучению дискриминационных установок личности и группы как существенного барьера в реализации этих процессов. Несмотря на многочисленные попытки поиска различных оснований и факторов развития дискриминационных установок, остаются актуальными исследования специфичных установок и ценностей в отношении конкретных и обобщенных дискриминируемых групп. Цель исследования – изучить роль индивидуальных ценностей и идеологических установок в предикции предубежденности по отношению к Другим.

В исследовании приняли участие 217 человек (мужчин – 36 %), средний возраст – 28,9 лет, $SD = 11,2$. Использована анкета, направленная на оценку степени выраженности дискриминационной установки в отношении представителей ряда групп. Выраженность ценностей определена с помощью методики Ш. Шварца. Для оценки идеологических установок авторитаризма правого толка, социального доминирования, веры в опасный и конкурентный мир использовалась короткая версия методики Дж. Даккита, разработанная Д.С. Григорьевым. В результате конфирматорного факторного анализа выделены четыре обобщенные дискриминируемые группы: социально незащищенная, диссидентская, аутсайдерская и социально-статусная. Получены данные, характеризующие соотношение идеологических установок и выраженности дискриминации отдельных групп, а также обобщенных групп. На основе структурного моделирования выявлены общие и специфичные для каждой генерализованной дискриминируемой группы ценности.

Ключевые слова: дискриминационная установка; предубеждения; генерализованные дискриминируемые группы; идеологические установки; ценности; авторитаризм правого толка; ориентация на социальное доминирование

Введение

Проблема формирования и реализации дискриминационных установок актуализируется в связи с ростом социальной конкуренции и общими тенденциями экономической и социальной интеграции во всем мире. Особую актуальность данная проблема приобретает в России в силу ряда обстоятельств,

© Шамионов Р.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

имеющих первостепенное значение для социального и экономического развития страны. Это необходимость стимуляции и конкурентной среды, и социальной интеграции как основы устойчивости общества, а также низкий рост населения, привлечение трудовых мигрантов и т.п.

Исследования дискриминационных установок, проведенные в последние десятилетия, касаются анализа дискриминации конкретных социальных групп на основе возрастной дискриминации (Барсуков, 2018; Усова, 2018), сексуальной (Бескова, 2018a; LaCosse et al., 2019), религиозной (Бескова, 2018b; Moss et al., 2019), миграционной и расистской (Xenitidou, Sapountzis, 2018) и т.д. Необходимо также отметить, что отдельные направления дискриминационных установок расщепляются в соответствии с объективными и субъективными характеристиками. Таковой, например, является дискриминационная установка по возрасту. В результате исследований Н.В. Усовой установлено, что по отношению к детям, подросткам и пожилым эти установки приобретают совершенно четкие очертания, и, несмотря на их коренные различия, общим является то, что имеются повседневные трудности, приводящие к дополнительному напряжению и препятствующие благоприятному взаимодействию с представителями разных возрастных групп (Усова, 2018).

Эти исследования свидетельствуют о том, что дискриминационные установки представляют собой довольно размытые (по критериям, содержанию) целые группы переживаний по отношению к людям с весьма различным спектром особенностей, не соответствующих некоей внутренней норме, соотносимой с группой Своих, в порой весьма узкой, ограниченной области бытия. В исследованиях Дж. Даккита и К. Сиблей в 2007 г. (Duckitt, Sible, 2007), а затем К. Канталь с коллегами в 2014 г. (Cantal et al., 2014) проведена попытка классификации предубеждений с использованием математических методов. В результате выделены три группы дискриминируемых лиц: опасные, ущемленные и диссидентские группы. Такой шаг позволил обобщить столь разрозненные установки и выяснить общие мотивационные составляющие предубеждений.

Важнейшим шагом в понимании мотивационной основы дискриминации Другого стала разработка проблемы социальных верований и убеждений. Одним из первых исследователей-психологов, обратившихся к ней, стал М. Рокич, утверждавший, что ценности – это устойчивое убеждение в том, что конкретный способ поведения или конечное состояние существования является лично или социально предпочтительным по сравнению с противоположным или обратным способом поведения или конечным состоянием существования (Rokeach, 1979). Весьма близки к данной позиции взгляды С. Шварца, в соответствии с которыми ценности как верования образуют определенные мотивационные цепочки, объединенные в группы, обуславливающие определенное поведение (Шварц и др., 2014). Кроме того, исследователями установлено, что влияние отдельных ценностей на поведение неодинаково (Батхина, Лебедева, 2019; Tong, Chen, 2008). Это значит, что дискриминационные установки могут быть связаны с определенными ценностями или группами ценностей, тем самым обуславливая сложные формы поведения по отношению к Другим.

Одним из важнейших оснований дискриминационных установок являются идеологические установки – авторитаризм правого толка и социальное доминирование (Григорьев, 2017; Duckitt, Sible, 2007). Исследователи отмечают, что идеологические установки – это те же социальные верования, как и ценности, определяемые со стороны представлений человека о сущности людей, об их поведении и о том, каким образом необходимо реагировать на это (Гулевич и др., 2014). Таким образом, верования предопределяют выбор жизненных целей (например, к безопасности, сохранению порядка или доминированию). Соответственно, согласно концепции Дж. Даккита, вера в опасный мир порождает авторитаризм, а вера в конкурентный мир – ориентацию на социальное доминирование (Duckitt et al., 2007).

Важным шагом к пониманию дискриминационных установок в современном обществе стали исследования Дж. Даккита и К. Сиблей в Новой Зеландии (Duckitt, Sible, 2007) и К. Канталь с коллегами в Бразилии (Cantal, 2014), в которых установлено, что идеологические установки (авторитаризм правого толка и социальное доминирование) «специализируются» в своем влиянии на выраженность дискриминации отдельных групп (в частности, отношение к «опасным» группам значимо связано только с авторитаризмом, отношение к «ущемленным» – только с социальным доминированием, отношение к третьей, «диссидентской», группе было связано с обеими установками, но сильнее с авторитаризмом и слабее с доминированием). Однако, на наш взгляд, необходимо учитывать социокультурные условия, в которых эти данные получены. В условиях разных культур могут формироваться иные основания и предмет дискриминации. Например, в исследовании Л.Е. Тарасовой проведен детальный анализ возникновения дискриминационных установок в культурно-историческом контексте. Автором приводятся аргументы в пользу того, что определенные дискриминационные установки тесно связаны с длительной культурной эволюцией в разных странах, и никакие законы порой не способны автоматически решить долго копившиеся проблемы (Тарасова, 2018).

В результате эмпирического исследования Е.Е. Бочаровой выявлен значительный вклад в содержание дискриминационных признаков базовой установки «убежденность в необходимости контроля» в соотношении с «необычным поведением», описываемым испытуемыми как социально опасное (Бочарова, 2018). Иначе говоря, дискриминационная установка близка, с одной стороны, к идеологической установке авторитаризма, а с другой – социально доминирования. Это еще раз подтверждает наличие прямой связи между авторитаризмом – доминированием и дискриминацией.

Изучаются способы устранения дискриминационных установок, среди которых можно выделить исследования воображаемого контакта с представителями стигматизированных групп (Schuhl et al., 2007, 2019); имеются исследования, в которых показано, что более высокое качество контактов связано с более низкими уровнями межгрупповой враждебности (вне зависимости от различий по показателям предубежденности) (Kteily et al., 2007, 2019). Вместе с тем значительную роль в устранении дискриминационных установок играет государ-

ственная политика (направленная на интеграцию или неопределенная) (Silva et al., 2018). Также существуют исследования, в которых установлен факт снижения дискриминационных установок благодаря изменениям эмоционального или личностного порядка; например, Р.Р. Стиль с коллегами (Steele et al., 2019) показали, что регулирование негативных эмоциональных реакций на угрожающие события может помочь уменьшить предубеждение аутгруппы. Наконец, анализ конкретных вмешательств позволил установить причинно-следственную связь между предрассудками и внегрупповой идентификацией (например, на уровне практики ассоциирования позитивных концепций с чернокожими (Phills et al., 2019)). Это значит, что контакт с Другим может способствовать либо снижению, либо ограничению дискриминационных установок. Однако этот, казалось бы, универсальный способ, как выявилось в другом исследовании, может по-разному сработать в разных обществах (культурах) (Kende et al., 2018). Поэтому такая стратегия может использоваться избирательно, равно как и регуляция эмоциональных реакций в отношении различных событий или реальности.

В различных исследованиях реализацию дискриминационных установок в поведении связывают с разными обстоятельствами – характером межгрупповых отношений (Браун, 2001), экономическим статусом (Триандис, 2007), когнитивными способностями (De Keersmaecker et al., 2018), негативными аффективными явлениями (Steele et al., 2019) и даже воспринимаемой угрозой для собственной адаптации, источником которой является потенциально дискриминируемый (Григорьева, 2018), некоторыми эффектами социализации (Шамионов, 2018), социальными представлениями и их преломлением в разнообразных отношениях личности, подпитываемых переживаниями опасности и страха (Кленова, 2018), и, наконец, идеологическими и политическими установками (Anderson, Ferguson, 2018) и др.

Вместе с тем исследователи отмечают изменения, происходящие со временем в области исследований предубеждений (Ferguson et al., 2019), и трудности, возникающие в дифференциации самих дискриминируемых групп, а также в отношении их включения/исключения в исследования предрассудков.

Мы предполагаем, что, во-первых, классификация дискриминируемых групп (а по сути, классификация дискриминации по ее предмету) может быть расширена за счет социальных статусов индивида, и, во-вторых, ценности личности образуют более весомые комбинации взаимосвязей с этими группами дискриминируемых характеристик, нежели идеологические установки.

Таким образом, *цель настоящего исследования* – изучить роль индивидуальных ценностей и идеологических установок в предикции предубежденности по отношению к Другим.

Процедура и методы исследования

Участники. В исследовании приняли участие 217 человек (мужчин – 36 %), средний возраст $M = 28,9$; $SD = 11,2$; женаты/замужем – 64,5 %, не женаты/не замужем – 27 %, другое – 7,8 %; проживают в селе – 22 %, в малом городе –

12 %, в большом городе – 63 %; разного уровня образования, средний доход пропорционально распределен по всей выборке.

Для диагностики использованы следующие *методики*.

1. Специально разработанная шкала (с шагом 5 пунктов) на выявление степени выраженности дискриминационной установки к представителям различных групп (мигранты, бездомные, бомжи, лица с физическими недостатками и т.д.): «Оцените, пожалуйста, в какой степени вы испытываете неприятие и предрассудки к представителям перечисленных групп в разных обстоятельствах». Дискриминируемые группы были выявлены в результате теоретических и пилотажных исследований (Шамяионов, 2018; Шамяионов, Григорьева, 2018). Все шкалы прошли проверку на конструктивную валидность и согласованность с помощью коэффициента α Кронбаха (α Кронбаха составляет от 0,86 до 0,89).

Для оценки дискриминационной установки (неприятия и предубеждений в отношении представителей аутгрупп) использовались два основных показателя – обобщенная предметная (аутгрупповая) дискриминационная установка (на основании оценок испытываемой неприязни к представителям различных групп) (α Кронбаха = 0,89) и обобщенная дискриминационная установка по сферам дискриминации (на основании оценок выраженности неприязни к Другим в определенных сферах жизнедеятельности) (α Кронбаха = 0,89).

2. Выраженность ценностей определялась с помощью методики Ш. Шварца (Шварц, 2012). В соответствии с методикой определяется выраженность 19 ценностей: Самостоятельность – Мысли (VSdT); Самостоятельность – Поступки (VSdA); Стимуляция (VST); Гедонизм (VHD); Достижение (VA); Власть – Доминирование (VPD); Власть – Ресурсы (VPR); Репутация (VF); Безопасность – Личная (VSP); Безопасность непосредственного окружения (VSS); Традиция (VTR); Конформизм – Правила (VCR); Конформизм – Межличностный (VCI); Скромность (VH); Универсализм – Забота о других (VUN); Универсализм – Забота о природе (VUC); Универсализм – Толерантность (VUT); Благожелательность – Забота (VBC); Благожелательность – Чувство долга (VBD), которые располагаются на континууме: смежные ценности являются наиболее совместимыми, а противоположные – находятся в наибольшем конфликте друг с другом.

3. Для оценки авторитаризма правого толка, который отражает мотивацию и установки на поддержание социальной сплоченности, порядка, стабильности и коллективной безопасности, использовалась короткая версия методики Дж. Даккита, разработанная Д.С. Григорьевым (Григорьев, 2017). Она включает 16 вопросов, распределенных по ряду шкал: авторитарное подчинение ($\alpha = 0,62$), авторитарная агрессия ($\alpha = 0,75$), конвенционализм ($\alpha = 0,73$), доминирование ($\alpha = 0,79$), эгалитаризм ($\alpha = 0,71$), вера в опасный мир ($\alpha = 0,76$), вера в конкурентный мир ($\alpha = 0,64$). Данная методика использована в регрессионном анализе.

Логика и *процедура статистического анализа* следующие. В начале проводится предварительный эксплораторный факторный анализ (ЭФА) показателей дискриминируемости представителей различных групп. Затем строится

априорная модель конфирматорного факторного анализа (КФА). На основе факторного анализа вводятся новые переменные (в которых обобщены показатели дискриминации определенных групп). Затем проводится проверка надежности и согласованности этих шкал, корреляционный анализ показателей шкал дискриминации и идеологических установок. На следующем шаге исследования проводится структурное моделирование с определением путей и включением ценностей и обобщенных показателей дискриминации.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате факторного анализа методом максимального правдоподобия после Varimax-вращения выделены четыре фактора, объясняющие 53 % общей дисперсии (см. матрицу повернутых факторов в табл. 1).

Таблица 1/Table 1

Факторный анализ показателей дискриминации различных групп
[Factor analysis of the indicators of discrimination against different groups]

Дискриминируемые группы	Фактор			
	1	2	3	4
Мигранты (МГ)		0,516		
Бездомные (БЖ)			0,385	
Лица с физическими недостатками (ФН)	0,522		0,521	
Лица с психическими расстройствами (ПН)			0,573	
Лица с нетрадиционным сексуальным поведением (НС)		0,403		
Пенсионеры (ПС)	0,584			
Дети, подростки (ДП)	0,903			
Представители иных этнических групп (ЭТ)		0,863		
Представители иных религий (РГ)		0,665		
Жертвы преступлений (ЖП)	0,443			
Физически непривлекательные (ФП)	0,496		0,621	
Более успешные (ВС)		0,455		
Лица другой социальной общности, уровня, статуса (ДК)	0,531			0,539
Лица с низкими доходами (НД)			0,500	
Лица с высокими доходами (ВД)				0,849
Политические деятели (ПО)				0,721
Панки, хиппи, представители других субкультур (СК)			0,590	
Многодетные семьи (МС)	0,465			
Дисперсия (всего 52,5 %)	15,1	13,21	13,17	10,99

Как видно из табл. 1, первый фактор (15,1 % общей дисперсии) образуют предубеждения, испытываемые к лицам с физическими недостатками, пенсионерам, детям и подросткам, жертвам преступлений и многодетным семьям. Данный фактор можно назвать дискриминацией по отношению к *социально-незащищенным*. Второй фактор (13,21 % общей дисперсии) составляют

мигранты, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией, представители иных этнических групп, иных религиозных групп, которые можно обобщить в *диссидентские группы*. Третий фактор (13,17 % общей дисперсии) включает физически непривлекательных лиц, представителей различных субкультур, лиц с низкими доходами, лиц с психическими расстройствами, бездомных – *социальных аутсайдеров*. Наконец, четвертый фактор (10,99 % общей дисперсии) образовали *социально-статусные группы*, включающие лиц другой социальной общности, уровня, статуса, более успешных, лиц с высокими доходами и политических деятелей.

На следующем этапе нами построена априорная модель КФА. Поскольку использование множества индикаторов для каждого латентного конструкта позволяет представить степень, с которой каждая переменная объясняет латентную переменную, появляется возможность проверки внутренней согласованности четырехфакторной модели дискриминационной установки.

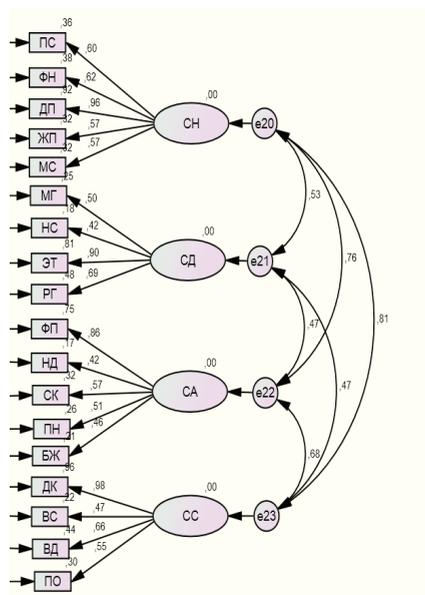

Рис. 1. Обобщенная структура дискриминируемых групп
[Figure 1. Generalized structure of discriminated groups]

Условные обозначения: МГ – мигранты; БЖ – бездомные; ФН – лица с физическими недостатками; ПН – лица с психическими расстройствами; НС – лица с нетрадиционным сексуальным поведением; ПС – пенсионеры; ДП – дети, подростки; ЭТ – представители иных этнических групп; РГ – представители иных религий; ЖП – жертвы преступлений; ФП – физически непривлекательные; ВС – более успешные; ДК – лица другой социальной общности, уровня, статуса; НД – лица с низкими доходами; ВД – лица с высокими доходами; ПО – политические деятели; СК – панки, хиппи, представители других субкультур; МС – многодетные семьи; СН – социально-незащищенные; СД – диссидентские; СА – социально-аутсайдерские; СС – социально-статусные.

Примечание. Пути являются стандартизированными коэффициентами максимального правдоподобия из подтверждающего факторного анализа.

Обобщенная структура дискриминируемых групп представлена на рис. 1. Показатели согласованности данной модели дают приемлемый результат (CFI = 0,987; AGFI = 0,884; GFI = 0,943; RMSEA = 0,40). Как видно из данной модели,

явные переменные, связанные с латентными, несколько отличаются от результатов ЭФА. Тем не менее качественный анализ переменных, объединенных в факторах, позволяет говорить о достаточной согласованности параметров, принадлежащих к одной латентной переменной. Таким образом, можно говорить о незначительной коррекции первоначальной структуры путем перемещения незначительного количества переменных, принадлежащих разным факторам (вывод переменных предубеждения в отношении физически непривлекательных и лиц другой социальной общности из первого фактора; более успешных – из второго фактора; лиц с физическими недостатками – из третьего фактора и ввод переменной предубеждений в отношении более успешных в четвертый фактор). Показатели модели, построенной на основе ЭФА, дали менее приемлемые результаты внутренней согласованности.

Полученные нами данные несколько отличаются от результатов, полученных в исследованиях Дж. Даккита и К. Сиблей (Duckitt et al., 2007), а также К. Канталь с коллегами (Cantal et al., 2014), где 24 группы объединялись в три обобщенные (генерализированные) группы – опасные, ущемленные и диссидентские группы. Если диссидентские и ущемленные (аутсайдерские) группы выделились и в нашем исследовании, то социально-незащищенные и социально-статусные выделились в отдельные группы, а опасные вовсе отсутствуют. Очевидно, в российской действительности дискриминируемые группы более дифференцированы, а социально-статусные группы занимают среди них особое место, заключающееся в общем недоверии к людям со статусом, сформировавшимся во многом благодаря социальным представлениям 90-х годов XX века.

Далее нами вычислены описательные статистики по получившимся шкалам и проведен корреляционный анализ.

Как видно из табл. 2, получившиеся шкалы характеризуются достаточной внутренней согласованностью по показателям α Кронбаха. Результаты корреляционного анализа также свидетельствуют в пользу внутренней согласованности данной структуры и подтверждают обоснованность выделения четырех шкал, объединяющих в определенные группы представителей дискриминируемых групп. Кроме того, отсутствие корреляций с показателями авторитаризма правого толка и социальным доминированием может свидетельствовать в пользу того, что даже незначительные в целом предрассудки, негативные чувства по отношению к представителям различных групп Других не связаны с мотивационными измерениями, характеризующими установки на социальную сплоченность, порядок, стабильность и коллективную безопасность (авторитаризм правого толка) и на групповое доминирование и превосходство (социальное доминирование). Вместе с тем социальное доминирование связано с дискриминационными установками в отношении представителей социально-статусных групп. Это говорит о том, что лица более успешные, с высокими доходами, политические деятели ассоциируются с социальным доминированием. В то же время вера в конкурентный мир отрицательно связана с дискриминационными установками в отношении представителей диссидентских групп. Это свидетельствует в пользу того, что в представлениях респондентов образы мигрантов, лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, представителей

иных этнических групп, иных религиозных групп не согласуются с их идеологическими представлениями о кооперативном мире, со стремлением к выравниванию результатов своей жизнедеятельности и других людей. Вполне очевидно, что в этих результатах проявляется достаточно сильная приверженность респондентов принципам социального равенства. Эти данные несколько отличаются от результатов, полученных К. Канталъ с коллегами (Cantal et al., 2014), где, в частности, было установлено, что предубеждения к диссидентским группам (участникам протестных акций, активистам за права ЛГБТ, феминисткам, атеистам, людям, которые ведут себя безнравственно, критикуют власть имущих) и «опасным» группам (преступники, наркоторговцы, люди, нарушающие безопасность, пьяные водители и др.) связаны с высоким уровнем авторитаризма правого толка; предубеждения к социальным аутсайдерам (проституткам, безработным, физически непривлекательным, неудачникам, умственно отсталым, пациентам психиатрических клиник и др.) связаны с социальным доминированием.

Таблица 2/ Table 2

Описательные статистики и корреляции между переменными
[Descriptive statistics and correlations between variables]

Пере- менные	M	SD	α	CH	CD	CA	CC	RWA-S	SDO-S	DW-S	CJW-S
CH	1,45	0,72	0,79	1,00							
CD	1,89	0,90	0,71	0,39**	1,00						
CA	1,73	0,72	0,73	0,63**	0,45**	1,00					
CC	1,60	0,77	0,79	0,55**	0,47**	0,53**	1,00				
RWA	4,96	1,42	0,69	-0,11	0,12	0,06	-0,01	1,00			
SDO-S	4,17	1,67	0,81	-0,03	0,02	0,03	0,15*	-0,03	1,00		
DW-S	4,51	1,19	0,76	-0,07	-0,05	0,12	0,04	0,32**	-0,07	1,00	
CJW-S	2,82	1,15	0,64	0,10	-0,20**	-0,08	-0,10	-0,12	-0,03	-0,12	1,00

Условные обозначения: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; α – α Кронбаха; генерализованные группы: CH – социально незащищенные, CD – диссидентские, CA – социально-аутсайдерские, CC – социально-статусные группы; идеологические установки: RWA-S – авторитаризм правого толка, SDO-S – социальное доминирование, DW-S – вера в опасный мир, CJW-S – вера в конкурентный мир.

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Из этих данных следует, что если конвенционализм как идеологическая установка связана с дискриминацией одних групп (аутсайдеров по преимуществу), то авторитарная агрессия связана, наоборот, с отказом от дискриминации других групп (более слабых и лишенных защиты). Эти различия могут проистекать, с од-

ной стороны, из непопулярности идеологии авторитарного подчинения (АП, $M = 4,37$) и более сильного проявления авторитарной агрессии (АА, $M = 5,82$) и конвенционализма (К, $M = 4,69$) (показатели первой значимо ниже следующих двух: $t(АП, АА) = 9,78$ при $p < 0,001$; $t(АП, К) = 6,51$ при $p < 0,001$). С другой стороны, вера в опасный мир ($M = 4,51$) выражена сильнее ($t = 13,40$ при $p < 0,001$), чем вера в конкурентный мир ($M = 2,81$). Эти данные свидетельствуют в пользу более сложного сочетания идеологических установок, в котором объединяются и традиционализм, и коллективизм, обуславливающие несколько иные основания для дискриминации Других, нежели в условиях других стран (Cantal et al., 2014). Поэтому и дискриминируемые группы несколько иначе группируются в отличие от исследований, к примеру, в Бразилии или Новой Зеландии (как показано в вышеобозначенном исследовании), и связи между идеологическими установками и дискриминацией отдельных групп обретают свою специфику. На это указывают и исследования других авторов, отмечающие существенные межстрановые различия в источниках и специфике дискриминационных установок (Shin et al., 2018).

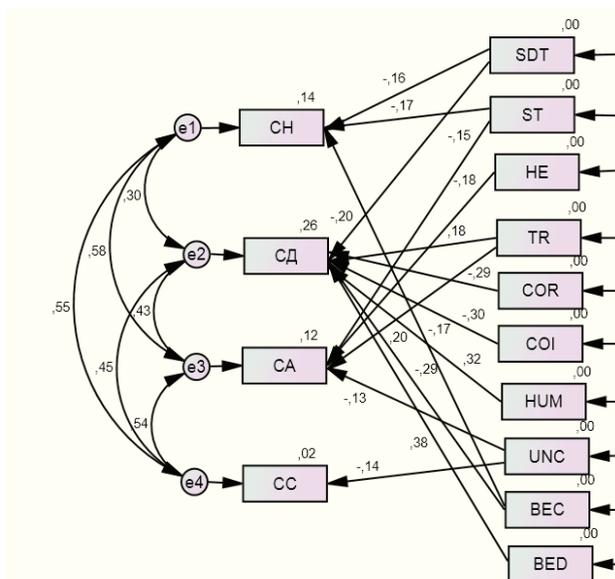

Рис. 2. Модель ценностей, объясняющих дифференцированное предубеждение против представителей социальных групп

[Figure 2. The model of values explaining differential prejudice against members of social groups]

Условные обозначения: группы: CH – социально незащищенные, CD – диссидентские, CA – социально-аутсайдерские, CC – социально-статусные; ценности по Шварцу: SDT – Самостоятельность – Мысли; ST – Стимуляция; HE – Гедонизм; VA – Достижение; VPD – Власть – Доминирование; VPR – Власть – Ресурсы; VF – Репутация; VSP – Безопасность – Личная; VSS – Безопасность непосредственного окружения; TR – Традиция; COR – Конформизм – Правила; COI – Конформизм – Межличностный; VH – Скромность; HUM – Универсализм – Забота о других; UNK – Универсализм – Забота о природе; BEC – Благожелательность – Забота; BED – Благожелательность – Чувство долга

Как видно из модели ценностей, объясняющей дифференцированное предубеждение против представителей социальных групп (рис. 2), наиболее сильно ценностно-детерминированными являются дискриминационные уста-

новки в отношении диссидентских групп. Это ценности (по Ш. Шварцу): Самостоятельность – Мысли, Безопасность – Личная, Конформизм – Межличностный, Конформизм – Правила) и Благожелательность – Забота (отрицательная связь), Традиции, Скромность, Благожелательность – Чувство долга (положительная связь), которые относятся к разным кластерам ценностей.

Из этих данных следует, что диссидентские группы дискриминируются личностью с мотивационными установками, направленными на традиции, преданность группе, стремление быть заслуживающим доверия членом группы при низко выраженной ценности свободы развивать собственные идеи, безопасность окружения, соблюдение правил и избегание причинения вреда, ценности скромности. Иначе говоря, вариации дискриминационных установок в отношении диссидентских групп (мигрантов, этнических и религиозных Других и т.п.) обусловлены ценностями коллективизма, где даже социальные и конвенциональные нормы становятся вторичными.

Детерминантами дискриминационных установок в отношении групп с недостатками являются ценности Самостоятельности – Мысли, Стимуляции, включенные в кластер открытости к изменениям, а также ценность Благожелательность – Забота (с отрицательным знаком).

Ценности Универсализм – Забота о других, Стимуляции, Гедонизма (отрицательно) и Традиций (положительно) связаны с дискриминацией социально-аутсайдерских групп. Это значит, что ценности, включенные в кластер самотрансцендентности и открытости к изменениям, характеризующие заботу о других, становятся барьером в предубеждениях и дискриминации социальных аутсайдеров.

Наконец, выраженность ценности Универсализма – Заботы препятствует вариациям дискриминационных установок в отношении социально-статусных групп.

В целом, как видно из приведенной модели, разным типам дискриминируемых групп соответствуют разные ценности. 73 % связей ценностей с дискриминационными установками в отношении представителей обобщенных групп (и, соответственно, признаков) являются отрицательными. Положительно связаны с дискриминационными установками ценности социального фокуса (сохранения и самотрансцендентности) – традиций, чувства долга и скромности.

Таким образом, «специализация» ценностей также выражается в их дифференцированном объяснении дискриминационных установок в отношении представителей различных групп. Эти данные согласуются с результатами исследований других авторов, в которых установлены различия связей ценностей и дискриминационных признаков (Бочарова, 2018; Шамяонов, 2018; Шамяонов, Григорьева, 2018).

Заключение

Исследование роли идеологических установок и ценностей в формировании дискриминационных установок позволило выявить неоднозначную картину этой детерминации в зависимости от различных признаков дискриминации. Это связано с очевидной спецификой отношения к Другим, сложившейся на достаточно большом историческом континууме в нашей стране.

На основе эксплораторного факторного анализа выделены четыре, обобщенные по признакам дискриминации, группы: социально незащищенная, диссидентская, аутсайдерская и социально-статусная.

В результате конфирматорного факторного анализа подтверждена четырехфакторная модель признаков дискриминации на основе предубеждений к представителям определенных социальных групп. Данные обобщенные группы отражают генерализацию определенных дискриминационных установок. С одной стороны, такая процедура позволяет сгруппировать основные дискриминационные установки, с другой – выявить факторы, одновременно обуславливающие несколько типов установок.

Идеологические установки неоднозначно детерминируют проявления предубежденности в отношении различных обобщенных групп. В результате корреляционного анализа установлено, что две стороны авторитаризма правого толка по-разному связаны с дискриминационными установками: конвенционализм – положительно (в отношении аутсайдеров в основном), а авторитарная агрессия – отрицательно (в отношении представителей незащищенных групп).

В результате структурного моделирования установлено, что ценности личностного фокуса способствуют отказу от дискриминации различных групп. Наиболее сильно ценности влияют на вариации дискриминационных установок в отношении диссидентских групп. Ценности объясняют дифференцированное предубеждение против различных групп: Гедонизм связан только с дискриминацией представителей аутсайдерских групп; Конформизм, Скромность и Благожелательность – Чувство долга (ценности социального фокуса) – только диссидентских групп; Самостоятельность – Мысли, Стимуляция, Традиции, Универсализм – Забота о других, Благожелательность – забота имеют двойственное «назначение», объясняя вариации дискриминации различных групп. Таким образом, нельзя утверждать, что ценности более высокого порядка (например, Сохранение, Самоопределение, Самоутверждение и Открытость к изменениям) «ответственны» за дискриминационные установки.

Теоретическое значение полученных результатов заключается в выявлении российской специфики классификации дискриминируемых групп, отличающейся от полученных ранее по двум категориям (социально незащищенные и социально-статусные группы). Важным результатом работы является установление ценностной предикции установок по отношению к обобщенным дискриминируемым группам. Эти данные позволяют понять не просто основания (ценностные) дискриминации, но определить широкий контекст ее социальной детерминации через разные уровни социализации личности. Кроме того, выявленные уровни ценностной детерминации предубеждений в отношении представителей обобщенных групп свидетельствуют об их дифференцированном включении в формирование дискриминационных установок.

Ограничения исследования. Данное исследование имеет ряд ограничений. Поскольку опросник на выявление дискриминационных установок был составлен на основе пилотажа и оценки специалистов-психологов, дискриминируемые группы оказались несколько ограничены. В частности, в опрос-

ник не вошли те группы, которые несут реальную или представляемую угрозу. Очевидно, в представлениях россиян члены угрожающих групп не могут быть как-то дискриминируемы. В последующих исследованиях необходимо учесть эту тенденцию и включить в опросник пункты, касающиеся пьяных водителей, преступников, наркодилеров и пр. Это позволит комплексно подойти к дифференциации дискриминируемых групп. Кроме того, в исследовании дискриминационных установок важно ввести переменные, характеризующие общие культурные установки, что позволит учесть тип общества и, соответственно, менталитета респондентов при анализе их предубеждений и дискриминационных установок.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00094 А.

Список литературы

- Барсуков В.Н.* Оценка распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестник Томского государственного университета. Серия: Социология и политология. 2018. № 429. С. 82–90. <https://doi.org/10.17223/15617793/429/10>
- Батхина А.А., Лебедева Н.М.* Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 70–91. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100105>
- Бескова Т.В.* Особенности отношения к представителям сексуальных меньшинств и его мотивы // Мир науки. 2018а. Т. 9. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/issue-6-2018.html> (дата обращения: 11.01.2019).
- Бескова Т.В.* Особенности отношения православных россиян к представителям других религий и его мотивы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018b. № 11 (86). С. 30–35.
- Бочарова Е.Е.* Содержательные характеристики «предметного поля» дискриминационных установок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 308–322. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322>
- Браун Р.* Межгрупповые отношения // Перспективы социальной психологии. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 548–577.
- Григорьев Д.С.* Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 30–44. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
- Григорьева М.В.* Теоретический анализ проблемы реализации дискриминационных установок личности в поведении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 305–310. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-310>
- Гулевич О.А., Аникеенко О.А., Безменова И.К.* Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 68–89.
- Кленова М.А.* Теоретические предпосылки исследования дискриминационных установок личности в изменяющемся обществе // Известия Саратовского университета.

- Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 3 (27). С. 245–249. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-3-245-249>
- Тарасова Л.Е.* Анализ дискриминационных установок в культурно-историческом контексте // Мир науки. 2018. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/75PSMN218.pdf> (дата обращения: 11.03.2019).
- Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.
- Усова Н.В.* Содержательные характеристики дискриминационных установок по возрасту // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2018. № 8. ART 2643. URL: <http://www.emissia.org/offline/2018/2643.htm> (дата обращения: 11.03.2019).
- Шамионов Р.М.* Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 2 (26). С. 129–135. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-135>
- Шамионов Р.М., Григорьева М.В.* Взаимосвязь дискриминационных установок личности и социально-демографических характеристик, социально-политических и социально-экономических предпочтений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4 (28). С. 326–332. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-326-332>
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
- Anderson J., Ferguson R.* Demographic and ideological correlates of negative attitudes towards asylum seekers: A meta-analytic review // Australian journal of psychology. 2018. Vol. 70. No. 1. Pp. 18–29. <https://doi.org/10.1111/ajpy.12162>
- Cantal C., Milfont T.L., Wilson M.S., Gouveia V.V.* Differential effects of Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation on dimensions of generalized prejudice in Brazil // European Journal of Personality. 2014. Vol. 29. No. 1. Pp. 17–27. <https://doi.org/10.1002/per.1978>
- De Keersmaecker J., Bostyn D.H., Fontaine J.R.J., Van Hiel A., Roets A.* Toward an Integrated Cognition Perspective on Ethnic Prejudice: An Investigation Into the Role of Intelligence and Need for Cognitive Closure // Social Psychological and Personality Science. 2018. Vol. 9. No. 6. Pp. 719–726. <https://doi.org/10.1177/1948550617722201>
- Duckitt J., Sible C.G.* Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice // European Journal of Personality. 2007. Vol. 21. No. 2. Pp. 113–130. <https://doi.org/10.1002/per.614>
- Ferguson M.A., Branscombe N.R., Reynolds K.J.* Social psychological research on prejudice as collective action supporting emergent ingroup members // British Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 58. No. 1. Pp. 1–32. <https://doi.org/10.1111/bjso.12294>
- Kende J., Phalet K., Van den Noortgate W., Kara A., Fischer R.* Equality Revisited: A Cultural Meta-Analysis of Intergroup Contact and Prejudice // Social Psychological and Personality Science. 2018. Vol. 9. No. 8. Pp. 887–895. <https://doi.org/10.1177/1948550617728993>
- Kteily N.S., Hodson G., Dhont K., Ho A.K.* Predisposed to prejudice but responsive to intergroup contact? Testing the unique benefits of intergroup contact across different types of individual differences // Group Process & Intergroup Relations. 2019. Vol. 22. No. 1. Pp. 3–25. <https://doi.org/10.1177/1368430217716750>
- LaCosse J., Plant E.A.* Imagined contact with famous gay men and lesbians reduces heterosexuals' misidentification concerns and sexual prejudice // European Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 49. No. 1. Pp. 141–156. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2391>

- Mildred I.L., Humberto G.G., Mercedes M.M.* Sociocultural and demographic characterization of trans people in Cuba. Discriminatory attitudes towards them // *Culturales*. 2017. Vol. 1. No. 1. Pp. 189–216.
- Moss A.J., Blodorn A., Van Camp A.R., O'Brien L.T.* Gender equality, value violations, and prejudice toward Muslims // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2019. Vol. 22. Issue 2. Pp. 288–301. <https://doi.org/10.1177/1368430217716751>
- Phills C.E., Kawakami K., Krusemark D.R., Nguyen J.* Does Reducing Implicit Prejudice Increase Out-Group Identification? The Downstream Consequences of Evaluative Training on Associations Between the Self and Racial Categories // *Social Psychological and Personality Science*. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 26–34. <https://doi.org/10.1177/1948550617732817>
- Rokeach M.* Understanding human values: Individual and societal. New York: Free Press, 1979.
- Schuhl J., Lambert E., Chatard A.* Can Imagination Reduce Prejudice Over Time? A Preregistered Test of the Imagined Contact Hypothesis // *Basic and Applied Social Psychology*. 2019. Vol. 41. No. 2. Pp. 122–131. <https://doi.org/10.1080/01973533.2019.1579719>
- Shin H., Dovidio J.F.* Differences, Threats, Values, and Country-Specific Prejudice toward Immigrants and Foreign Workers in Three Major Receiving Countries: The United States, Germany, and Australia // *Journal of Social Issues*. 2018. Vol. 74. No. 4 (Special Issue). Pp. 737–755. <https://doi.org/10.1111/josi.12296>
- Silva R.L., Oliveira J., Dias C., Pinto I.R., Marques J.M.* How inclusive policies shape prejudice versus acceptance of refugees: A Portuguese study // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2018. Vol. 24. No. 3 (Special Issue). Pp. 296–305. <https://doi.org/10.1037/pac0000314>
- Steele R.R., Rovenpor D.R., Lickel B., Denson T.F.* Emotion regulation and prejudice reduction following acute terrorist events: The impact of reflection before and after the Boston Marathon bombings // *Group Process & Intergroup Relations*. 2019. Vol. 22. No. 1. Pp. 43–56. <https://doi.org/10.1177/1368430217706182>
- Tong Y., Chen G.-M.* Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational // *Intercultural Communication Studies*. 2008. Vol. 17. No. 2. Pp. 149–161.
- Xenitidou M., Sapountzis A.* Admissions of racism in discourse on migration in Greece: Beyond the norm against prejudice? // *European Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 48. No. 6. Pp. 801–814. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2364>

История статьи:

Поступила в редакцию: 02 мая 2019 г.

Принята к печати: 25 июля 2019 г.

Для цитирования:

Шамионов Р.М. Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 309–326. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>

Сведения об авторе:

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии, образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. ORCID iD: 0000-0001-8358-597X. E-mail: shamionov@mail.ru

Individual Values and Ideological Attitudes as Predictors of Prejudice against Others

Rail M. Shamionov

Saratov State University
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation

Abstract. The growth of social competition and modern trends of economic and social integration in the world encourage the study of the discriminatory attitudes of individuals and groups as a significant barrier in the implementation of these processes. Despite the search for various grounds and factors for the development of discriminatory attitudes, studies of specific attitudes and values towards specific and generalized discriminated groups remain relevant. The aim of this research is to study the role of individual values and ideological attitudes in predicting the prejudice against Others.

The study involved 217 people (men – 36%), mean age $M = 28.9$; $SD = 11.2$. A questionnaire aimed at assessing the severity of the discriminatory attitude towards the representatives of a number of groups was used. The expression of values is determined by the Sh. Schwartz method. To assess the ideological attitudes of the right-wing authoritarianism, social domination, and belief in a dangerous and competitive world, we used a short version of J. Duckitt's methodology by D.S. Grigoriev. As a result of the confirmatory factor analysis, four generalized discriminated groups were identified: socially unprotected, dissident, outsider groups and social status groups. The data characterizing the ratio of ideological attitudes and the severity of discrimination of individual groups, as well as generalized groups was obtained. Based on structural modeling the common and specific values for each generalized discriminated group were identified.

Key words: discriminatory attitudes; prejudices; generalized discriminated groups; ideological attitudes; values; right-wing authoritarianism; orientation onto social domination

Acknowledgments and Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-013-00094 A.

References

- Anderson, J., & Ferguson, R. (2018). Demographic and ideological correlates of negative attitudes towards asylum seekers: A meta-analytic review. *Australian Journal of Psychology*, 70(1), 18–29. <https://doi.org/10.1111/ajpy.12162>
- Barsukov, V.N. (2018). Assessment of the prevalence of discriminatory attitudes towards older people in world. *Tomsk State University Journal*, (429), 82–90. <https://doi.org/10.17223/15617793/429/10>. (In Russ.)
- Batkina, A.A., & Lebedeva, N.M. (2019). Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict. *Social Psychology and Society*, 10(1), 70–91. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100105>. (In Russ.)
- Beskova, T.V. (2018a). Peculiarities of attitude to representatives of sexual minorities and its motives. *World of science*, 6(9). Retrieved from <https://mir-nauki.com/issue-6-2018.html>. (In Russ.)
- Beskova, T.V. (2018b). Features of the attitude of Orthodox Russians to representatives of other religions and its motives. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Knowledge*, 11(86), 30–35. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2018). Content Characteristics of the “Subject Field” of Discriminatory Attitudes. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(3), 308–322. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322>. (In Russ.)

- Brown, R. (2001). Intergroup relations. In *Perspectives of social psychology* (pp. 548–577). Moscow: EKSMO Press. (In Russ.)
- Cantal, C., Milfont, T.L., Wilson, M.S., & Gouveia, V.V. (2014). Differential Effects of Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation on Dimensions of Generalized Prejudice in Brazil. *European Journal of Personality*, 29(1), 17–27. <https://doi.org/10.1002/per.1978>
- De Keersmaecker, J., Bostyn, D.H., Fontaine, J.R.J., Van Hiel, A., & Roets, A. (2018). Toward an Integrated Cognition Perspective on Ethnic Prejudice: An Investigation into the Role of Intelligence and Need for Cognitive Closure. *Social Psychological and Personality Science*, 9(6), 719–726. <https://doi.org/10.1177/1948550617722201>
- Duckitt, J., & Sibley, C.G. (2007). Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice. *European Journal of Personality*, 21(2), 113–130. <https://doi.org/10.1002/per.614>
- Ferguson, M.A., Branscombe, N.R., & Reynolds, K.J. (2019). Social psychological research on prejudice as collective action supporting emergent ingroup members. *British Journal of Social Psychology*, 58(1), 1–32. <https://doi.org/10.1111/bjso.12294>
- Grigoriev, D.S. (2017). Development of a short version of the scales from the method of J. Dekita: right-wing authoritarianism, orientation towards social dominance, belief in a dangerous and competitive world. *National psychological journal*, 4(28), 30–44. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>. (In Russ.)
- Grigoryeva, M.V. (2018). Theoretical Analysis of the Problem of Realization of Discriminatory Attitudes of the Person in Behavior. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 18(3), 305–310. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-310>. (In Russ.)
- Gulevich, O.A., Anikeenok, O.A., & Bezmenova, I.K. (2014). Social beliefs: adaptation of methods of G. Dakkota. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 11(2), 68–89. (In Russ.)
- Kende, J., Phalet, K., van den Noortgate, W., Kara, A., & Fischer, R. (2018). Equality Revisited: A Cultural Meta-Analysis of Intergroup Contact and Prejudice. *Social Psychological and Personality Science*, 9(8), 887–895. <https://doi.org/10.1177/1948550617728993>
- Klenova, M.A. (2018). Theoretical Prerequisites for the Study of Discriminatory Attitudes of the Personal in the Changing Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(3), 245–249. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-3-245-249>. (In Russ.)
- Kteily, N.S., Hodson, G., Dhont, K., & Ho, A.K. (2019). Predisposed to prejudice but responsive to intergroup contact? Testing the unique benefits of intergroup contact across different types of individual differences. *Group process & intergroup relations*, 22(1), 3–25. <https://doi.org/10.1177/1368430217716750>
- LaCosse, J., & Plant, E. (2019). Ashby imagined contact with famous gay men and lesbians reduces heterosexuals' misidentification concerns and sexual prejudice. *European Journal of Social Psychology*, 49(1), 141–156. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2391>
- Mildred, I.L., Humberto, G.G., & Mercedes, M.M. (2017). Sociocultural and demographic characterization of trans people in Cuba. Discriminatory attitudes towards them. *Culturales*, 1(1), 189–216.
- Moss, A.J., Blodorn, A., van Camp, A.R., & O'Brien, L.T. (2019). Gender equality, value violations, and prejudice toward Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 22(2), 288–301. <https://doi.org/10.1177/1368430217716751>
- Phills, C.E., Kawakami, K., Krusemark, D.R., & Nguyen, J. (2019). Does Reducing Implicit Prejudice Increase Out-Group Identification? The Downstream Consequences of Evaluative Training on Associations Between the Self and Racial Categories. *Social Psychological and Personality Science*, 10(1), 26–34. <https://doi.org/10.1177/1948550617732817>
- Rokeach, M. (1979). *Understanding Human Values: Individual and Societal*. New York: Free Press.
- Schuhl, J., Lambert, E., & Chatard, A. (2019). Can Imagination Reduce Prejudice Over Time? A Preregistered Test of the Imagined Contact Hypothesis. *Basic and Applied Social Psychology*, 41(2), 122–131. <https://doi.org/10.1080/01973533.2019.1579719>

- Schwartz, S., Butenko, T.P., Sedova, D.S., & Lipatova, A.S. (2012). Refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(1), 43–70. (In Russ.)
- Shamionov, R.M. (2018). Formation of Discriminatory Personal Attitudes in the Process of Socialization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(2), 129–135. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-135>. (In Russ.)
- Shamionov, R.M., & Grigorieva, M.V. (2018). Interconnection between Discriminatory Attitudes of an Individual and Socio-Demographic Characteristics, Socio-Political and Socio-Economic Preferences. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(4), 327–332. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-326-332>. (In Russ.)
- Shin, H., & Dovidio, J.F. (2018). Differences, Threats, Values, and Country-Specific Prejudice toward Immigrants and Foreign Workers in Three Major Receiving Countries: The United States, Germany, and Australia. *Journal of Social Issues*, 74(4), Special Issue, 737–755. <https://doi.org/10.1111/josi.12296>
- Silva, R.L., Oliveira, J., Dias, C., Pinto, I.R., & Marques, J.M. (2018). How inclusive policies shape prejudice versus acceptance of refugees: A Portuguese study. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 24(3), Special Issue, 296–305. <https://doi.org/10.1037/pac0000314>
- Steele, R.R., Rovenpor, D.R., Lickel, B., & Denson, T.F. (2019). Emotion regulation and prejudice reduction following acute terrorist events: The impact of reflection before and after the Boston Marathon bombings. *Group Process & Intergroup Relations*, 22(1), 43–56. <https://doi.org/10.1177/1368430217706182>
- Tarasova, L.E. (2018). Analysis of discriminatory attitudes in the cultural and historical context. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2(6). Retrieved from <https://mir-nauki.com/PDF/75PSMN218.pdf>. (In Russ.)
- Tong Y., & Chen G.-M. (2018). Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational. *Intercultural Communication Studies*, 17(2), 149–161.
- Triandis, G.K. (2007). *Culture and Social Behavior*. Moscow: Forum Publ.
- Usova, N. (2019). Content characteristics of discrimination equipment by age. *Letters to Emissiya. Offline: Electronic Scientific Journal*, (8), ART 2643. Retrieved from <http://www.emissia.org/offline/2018/2643.htm>. (In Russ.)
- Xenitidou, M., & Sapountzis, A. (2018). Admissions of racism in discourse on migration in Greece: Beyond the norm against prejudice? *European Journal of Social Psychology*, 48(6), 801–814. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2364>

Article history:

Received: 02 May 2019

Revised: 23 July 2019

Accepted: 25 July 2019

For citation:

Shamionov, R.M. (2019). Individual Values and Ideological Attitudes as Predictors of Prejudice against Others. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 309–326. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>

Bio note:

Rail M. Shamionov, Doctor Sc. of Psychology, Professor, Head of the Chair of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University. ORCID iD: 0000-0001-8358-597X. E-mail: shamionov@mail.ru

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-327-340

УДК 316.6

Моральные основы этнической толерантности**И.Н. Протасова, О.А. Сычев**

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина
Российская Федерация, 659333, Бийск, ул. Владимира Короленко, 53

В статье рассматривается связь этнической толерантности с особенностями моральной сферы личности на основе теории моральных оснований Дж. Хайдта. В результате теоретического анализа была выдвинута гипотеза о том, что этническая толерантность хорошо соответствует нормам этики автономии (заботы/непричинения вреда, справедливости) и противоречит нормам этики сообщества (лояльности группе, уважения и чистоты/почитания святынь). Для проверки этой гипотезы было проведено исследование на выборке из 340 студентов. Испытуемые заполняли батарею методик, включающую опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова и колл.) и опросник моральных оснований (Дж. Грэхем и колл.). Результаты корреляционного анализа показали наличие прямой связи этнической толерантности с моральными основаниями «Забота» и «Справедливость», а также обратную связь с моральным основанием «Уважение». С помощью путевого анализа показано, что этническая толерантность прямо связана с этикой автономии и обратно – с этикой сообщества при контроле толерантности как черты личности, а также пола и возраста. В ходе исследования были получены данные о неудовлетворительной надежности шкалы «Социальной толерантности» из опросника «Индекс толерантности», указывающие на необходимость специального исследования психометрических характеристик данной методики. Полученные результаты подтверждают предложение о том, что этническая толерантность согласуется с этикой автономии, но противоречит этике сообщества. Этот факт демонстрирует противоречивость этнической толерантности в контексте моральных оснований.

Ключевые слова: этническая толерантность; мораль; теория моральных оснований; этика автономии; этика сообщества

Введение

Проблема толерантности, как отмечает Д.А. Леонтьев, возникла благодаря тому, что интолерантность стала слишком серьезным социальным вызовом (Леонтьев, 2009). Интолерантность, нетерпимость, является довольно распространенным и чрезвычайно актуальным социальным явлением, про-

© Протасова И.Н., Сычев О.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

будившим интерес к гораздо менее ясному явлению толерантности, смысл и границы которого проще всего определять через анализ форм и проявлений ее противоположности (Асмолов, Солдатова, Шайгерова, 2001). Отмечая, что формы и проявления интолерантности отличаются огромным разнообразием, к наиболее ярким проявлениям нетерпимости А.Г. Асмолов с соавт. отнесли этноцентризм, национализм, ксенофобию, геноцид. Согласно их оценке, либеральная ценность толерантности, призванная противостоять этим опасным социальным явлениям, не является глубоко укоренившейся традицией российского общества. Напротив, в современном российском обществе неприязнь к чужим группам – ксенофобия – носит массовый характер и является одной из серьезнейших проблем. В качестве наиболее распространенных в настоящее время форм ксенофобии авторы называли этнофобию, религиозную фобию, фобию к мигрантам (Асмолов и др., 2001).

Относительно недавние социологические исследования подтверждают такую оценку места толерантности в системе ценностей российского общества. Так, в проведенном в 2014 году исследовании межличностной толерантности в студенческой среде было установлено, что студенты знакомы с понятием толерантности (83,3 %), но не включают ее в перечень приоритетных ценностей (Касьянова, Виноградова, 2014). Авторы этого исследования также пришли к выводу о том, что толерантность не является приоритетной ценностью в российском обществе. Вместо этого типичным является понимание толерантности как импортированной зарубежной идеи, противоречащей образу мысли и образу жизни россиян. Это отношение проявляется в фольклорном творчестве, характеризующем восприятие термина (и самой идеи терпимости) в массовом сознании, через появление неологизмов «оттолерантить», «толерантизация», «толерасты» (Касьянова, Виноградова, 2014).

Трудности «пересаживания» толерантности на российскую почву могут быть связаны, наряду с другими причинами, с тем фактом, что толерантность является чрезвычайно сложным, не вполне определенным явлением с противоречивыми смыслами. Одним из самых ярких проявлений противоречивости толерантности является широко известный «парадокс толерантности» К. Поппера: «Если мы будем толерантными к радикальной нетолерантности, то мы провоцируем рост нетолерантности в обществе. Однако если мы нетерпимы к нетолерантности, то можно ли назвать нас толерантными?» (Поппер, 1992).

Аналогичное противоречие, сформулированное в более общей форме, М.Б. Хомяков рассматривает как проявление фундаментальной противоречивости толерантности: «С одной стороны, имеется то, что кажется нам морально ошибочным, а с другой – мы как субъекты морали должны допускать существование этого ошибочного» (Хомяков, 2011. С. 25). В результате анализа теоретических подходов к толерантности этот автор приходит к выводу о том, что содержание толерантности в очень высокой степени зависит от способа ее теоретического обоснования, в то время как при выходе за пределы узких подходов содержание толерантности размывается вплоть до превращения в ее собственную противоположность.

Неоднозначность в понимании сущности толерантности отражает проведенный Д.А. Леонтьевым анализ разных определений понятия «толерантность», продемонстрировавший их несопоставимость между собой. Разными авторами она достаточно произвольно отождествляется с разнообразными психологическими конструктами: с доброжелательностью, нравственностью, свободомыслием и др. Согласно мнению Д.А. Леонтьева, говоря о толерантности/интолерантности в разных сферах феноменологии, мы имеем дело с инвариантным содержанием и меняющейся формой проявления. Толерантность может выступать как установка, черта, идеология, форма поведения или социальная норма (Леонтьев, 2009).

Сложности в поисках непротиворечивой сущности толерантности приводят к тому, что некоторые авторы критикуют абстрактное понимание толерантности вне его связи с субъектом или ситуацией взаимодействия. Так, И.А. Новикова и Т.И. Ибадова полагают, что толерантность в общем виде не имеет смысла и обретает его только в контексте конкретного взаимодействия и его субъектов, что смещает акцент с исследования толерантности как таковой на субъект толерантных отношений (Новикова, Ибадова, 2009).

Не углубляясь в теоретический анализ сущности толерантности и ее внутренних противоречий, мы считаем необходимым констатировать тот факт, что отсутствие ясного и непротиворечивого понимания смысла толерантности в нашей культуре делает маловероятным широкое и искреннее принятие ценности толерантности. Особенно важным представляется то, что противоречивость толерантности не является исключительным продуктом специального теоретического анализа – подобная противоречивость присуща реальным жизненным проявлениям толерантности, оказывая влияние на имплицитные представления об этом явлении. Наиболее ярким и при этом доступным для эмпирического исследования примером является противоречивость этнической толерантности в контексте разных моральных норм, когда одни нормы ее поддерживают, а другие – отвергают.

Адекватной теоретической основой для такого исследования выступает теория моральных оснований (ТМО), разрабатываемая Дж. Хайдтом с группой коллег и соавторов (К. Джозеф, Дж. Грэхем, Б. Носек, С. Колева и др.) (Graham, Haidt, Nosek, 2009; Graham et al., 2011). Эта теория сложилась в результате интеграции данных междисциплинарных исследований в области психологии, антропологии, этологии, нейрокогнитивных наук и разрабатывалась для объяснения кросс-культурных инвариантов в моральной сфере. Понятие моральных оснований в этой теории обозначает набор базовых составляющих морали, выступающих в качестве обобщенных критериев (оснований) для нравственной оценки различных поступков и событий (Graham и др., 2011).

Одним из основных положений ТМО является кросс-культурная универсальность структуры морали, включающей ограниченный набор моральных оснований при разнообразии их конкретных культурно-специфичных проявлений. Выделенные авторами ТМО по целому ряду критериев пять моральных оснований делятся на две категории: индивидуализирующие и сплавивающие

моральные основания. Первая категория включает моральные основания «*Забота*» и «*Справедливость*», отражающие нормы, ориентированные на защиту прав и свобод личности, ее индивидуального благополучия. Вторая категория, включающая моральные основания «*Лояльность группе*», «*Уважение к авторитетам*» и «*Чистота/почитание святых*», отражает нормы, регулирующие отношение индивида к своей группе и участие в ее жизни. В отечественных публикациях нередко вместо понятий «индивидуализирующие» и «сплывающие моральные основания» используются более естественно звучащие на русском языке словосочетания «*этика автономии*» и «*этика сообщества*», восходящие к близкой к ТМО концепции Р.А. Шведера (Shweder, Much, Mahapatra, Park, 1997).

Необходимо отметить, что трудности с подтверждением пятифакторной структуры опросника моральных оснований (MFQ) (см., например, Nilsson, Erlandsson, 2015) привели к тому, что распространенной практикой стало преимущественное использование обобщенных показателей по двум категориям моральных оснований (как, например, в Hadarics, Kende, 2018a, 2018b). Русскоязычная версия методики MFQ также не избавлена от проблемы подтверждения пятифакторной структуры (Сычев, Беспалов, Прудникова, Власов, 2016; Сычев, Протасова, Белоусов, 2018), поэтому в дальнейшем представляется наиболее оправданным использование двух обобщенных показателей, соответствующих этике автономии и этике сообщества. Такой подход хорошо соответствует сложившейся в ТМО традиции обобщенного анализа моральных оснований.

Поскольку толерантность обычно рассматривается в качестве либеральной ценности (Асмолов и др., 2001), интерес представляют данные о различиях в профиле моральных оснований у либералов и консерваторов (Graham и др., 2009). Консервативные убеждения показывают связь с высокой оценкой как индивидуалистических, так и сплывающих моральных оснований, в то время как для лиц с либеральными взглядами характерна низкая оценка сплывающих моральных оснований. Если рассматривать толерантность как один из важных элементов либеральных взглядов, то можно предположить ее обратную связь с этикой сообщества.

О связи моральных оснований с отношением к другим этническим и религиозным группам свидетельствуют результаты недавних исследований. Венгерскими психологами была проанализирована связь моральных оснований с позитивными (оказание помощи) и негативными (причинение вреда) намерениями по отношению к мусульманам (Hadarics, Kende, 2018a) и установлены обратная связь индивидуализирующих моральных оснований с негативными намерениями и прямая связь – с позитивными намерениями. Напротив, сплывающие моральные основания показывали прямую связь с негативными намерениями и обратную – с позитивными. Другое исследование тех же авторов продемонстрировало, что индивидуализирующие моральные основания ослабляют предубеждения по отношению к любым группам, в то время как сплывающие моральные основания избирательно усиливают

предубеждения по отношению к чуждым и опасным группам, не оказывая влияния на установки в отношении уязвимых групп (Hadarics, Kende, 2018b).

Сплачивающие моральные основания показали прямую связь с враждебными установками в отношении иммигрантов в другом исследовании, проведенном в США (Kugler, Jost, Noorbaloochi, 2014). Одновременно индивидуализирующие моральные основания были обратно связаны с такими установками. Связь негативного, нетолерантного отношения к чужим этническим группам не удивительна, поскольку нормы сплачивающих моральных оснований ориентируют на сохранение собственных традиций и поддержание сложившегося порядка, закрытость по отношению к влиянию чужих культур и сообществ.

Таким образом, краткий обзор прошлых исследований свидетельствует об обоснованности предположения о противоречивой связи этнической толерантности с моральными основаниями. В частности, есть основания ожидать, что этническая толерантность хорошо согласуется с этикой автономии, но при этом противоречит этике сообщества. Иными словами, внутренняя противоречивость толерантности в моральном аспекте должна проявляться в наличии противоположных связей с разными составляющими моральной сферы: прямых связей – с этикой автономии, обратных – с этикой сообщества.

В данном исследовании мы учитывали и тот факт, что этническая толерантность опирается на более глубокое психическое явление – толерантность как черту личности (Олпорт, 2011), вероятно, также связанную с особенностями моральной сферы, а потому требующую контроля. Имеющиеся данные о связи толерантности и моральных оснований с полом и возрастом (Пузанова, 2010; Сычев и др., 2018 и др.), в свою очередь, предполагают необходимость учета этих характеристик для контроля их возможного влияния на результаты.

Организация и методы исследования

Цель и гипотеза. Целью работы стал анализ связи этнической толерантности с этикой автономии и этикой сообщества. В данном исследовании была проверена гипотеза о том, что этническая толерантность хорошо согласуется с этикой автономии, но при этом противоречит этике сообщества. С учетом возможных связей этнической толерантности и моральных оснований с толерантностью как чертой личности, а также полом и возрастом данная гипотеза проверялась при контроле этих переменных.

Выборка. Выборку составили 340 человек – студенты очного и заочного отделений разных факультетов педагогического вуза в возрасте от 17 до 52 лет ($M = 25,34$; $SD = 7,02$), из них 271 девушка (80 %), 68 юношей, 1 испытуемый пол не указал. Исследование проводилось в групповой форме, испытуемым гарантировалась конфиденциальность ответов.

Методики. Для диагностики моральной сферы использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. (Graham и др., 2011) в адаптации О.А. Сычева, И.Н. Протасовой и К.И. Белоусова (Сычев и др., 2018). Опросник состоит из двух частей по 15 заданий, образующих пять шкал первого уров-

ня, соответствующих моральным основаниям: «Забота», «Справедливость», «Лояльность», «Уважение», «Чистота». При обработке результатов подсчитываются средние баллы для каждого испытуемого по шкалам первого уровня, а также средние показатели по шкалам второго уровня: этики автономии («Забота», «Справедливость») и этики сообщества («Лояльность», «Уважение», «Чистота»). В данном исследовании в опубликованную ранее версию методики (Сычев и др., 2018) были внесены отдельные изменения, направленные на уточнение формулировок с целью повышения внутренней согласованности шкал. Коэффициенты надежности (α Кронбаха) в этом исследовании находились в пределах от 0,69 до 0,78.

Для диагностики толерантности использовался опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова) (Шайгерова, Прокофьева, Кравцова, Солдатова, 2003), в структуре которого представлены субшкалы этнической толерантности, социальной толерантности и толерантности как черты личности. Суммарный показатель по этим трем шкалам характеризует общий уровень толерантности. В субшкале «Этническая толерантность» отражается отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия. Субшкала «Социальная толерантность» отражает отношение к различным социальным группам (меньшинства, преступники, психически больные) и установки личности по отношению к социальным процессам. В субшкале «Толерантность как черта личности» диагностируются личностные черты, установки и убеждения, определяющие отношение человека к окружающему миру в наиболее обобщенной форме (Шайгерова и др., 2003).

Хотя данная методика пользуется популярностью среди отечественных психологов, нам не удалось обнаружить сведения о ее психометрических характеристиках, поэтому предварительная оценка надежности шкал данной методики стала одной из основных задач исследования.

Методы анализа данных. В процессе количественной обработки данных использовались методы анализа надежности (коэффициент α Кронбаха), корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона), сравнительного анализа (t -критерий Стьюдента для независимых выборок), а также путевого анализа с использованием статистического программного обеспечения Jamovi 0.9 и Mplus 7.

Результаты

Анализ надежности опросника «Индекс толерантности» показал, что величина коэффициентов α Кронбаха, характеризующих внутреннюю согласованность шкал, не достигает минимально допустимых значений (не менее 0,65 (DeVellis, 1991), желательно 0,70) ни для одной из трех шкал (табл. 1). Чтобы повысить надежность опросника, было предпринято сокращение шкал за счет удаления наименее согласованных пунктов, демонстрирующих наименьшую корреляцию между пунктом и шкалой, до достижения максимальных показате-

телей надежности. Итоговые показатели, приведенные в табл. 1, указывают на то, что только одна шкала – этническая толерантность – в результате показала приемлемую надежность. Надежность шкалы «Толерантность как черта личности», равная после сокращения 0,60, может рассматриваться как минимально приемлемая для использования шкалы в исследовательских целях с осторожной интерпретацией ее результатов. Шкала социальной толерантности, для которой коэффициент α Кронбаха не достиг 0,5, не использовалась в данном исследовании вследствие низкой надежности.

Таблица 1/Table 1

Результаты анализа надежности шкал опросника «Индекс толерантности»
[Results of reliability analysis of tolerance scales]

Шкала	α Кронбаха для исходных шкал	α Кронбаха после сокращения	Состав сокращенных шкал (номера пунктов)
Этническая толерантность	0,63	0,69	–7, 11, 14, –18, 21
Социальная толерантность	0,25	0,42	12, 15, 16, 20
Толерантность как черта личности	0,35	0,60	–3, –5, 9, –13, –17

Примечание. Знак «–» означает, что ответы на данный пункт должны быть инвертированы перед суммированием.

Таблица 2/Table 2

Описательная статистика и корреляции по шкалам толерантности и моральных оснований
[Descriptive statistics and correlations on tolerance and moral foundations scales]

Шкала	1	2	3	4	5	6	7
1. Этническая толерантность	1,00						
2. Толерантность как черта личности	0,32***	1,00					
3. Забота	0,20***	0,20***	1,00				
4. Справедливость	0,26***	0,28***	0,63***	1,00			
5. Лояльность	–0,01	0,03	0,31***	0,38***	1,00		
6. Уважение	–0,16**	–0,06	0,15**	0,21***	0,60***	1,00	
7. Чистота/почитание святынь	0,04	0,17**	0,48***	0,50***	0,50***	0,52***	1,00
Средние значения	4,07	4,45	3,27	3,65	3,07	2,62	3,28
Стандартные отклонения	0,85	0,67	0,79	0,69	0,74	0,82	0,74

Примечания. Номера переменных в столбцах соответствуют номерам в строках таблицы.
 * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Корреляционный анализ, результаты которого представлены в табл. 2, позволяет сделать вывод о наличии прямых статистически значимых связей показателей толерантности со шкалами заботы и справедливости. В то же время, шкала уважения продемонстрировала обратную корреляцию с этнической толерантностью, а шкалы лояльности и чистоты не показали подобной связи. Выявленная слабая прямая связь толерантности как черты личности со шкалой чистоты/почитания святынь может означать, что эти моральные нормы в большей мере присущи людям, отличающимся большей терпимостью, толерантностью в целом. Однако отсутствие связи этого морального основания с этнической толерантностью означает, что такие моральные нормы никак не влияют на отношение к другим народам и культурам.

Переходя к анализу шкал второго уровня, можно отметить, что этика автономии показала значимые прямые связи как с этнической толерантностью ($r = 0,25$; $p < 0,001$), так и с толерантностью как чертой личности ($r = 0,26$; $p < 0,001$), в то время как этика сообщества не показала статистически значимых корреляций с показателями толерантности.

Анализ корреляций толерантности и моральных оснований с демографическими характеристиками выявил, что возраст статистически значимо связан с лояльностью группе ($r = 0,17$; $p < 0,01$), уважением ($r = 0,18$; $p < 0,01$), чистотой/почитанием святынь ($r = 0,20$; $p < 0,001$), а также с этикой сообщества в целом ($r = 0,22$; $p < 0,001$). Кроме того, возраст также показал слабую, но статистически значимую связь с толерантностью как чертой личности ($r = 0,12$; $p < 0,05$). Анализ гендерных различий (табл. 3) выявил, что девушки статистически значимо выше оценивают моральные основания «Забота», «Справедливость» и «Чистота/почитание святынь», демонстрируя при этом более высокие оценки по этике автономии в целом и толерантности как черте личности. Юноши показали большие оценки только по шкале лояльности.

Для углубленного анализа связей между различными коррелятами этнической толерантности был проведен путевой анализ. В ходе анализа использовался робастный алгоритм MLR, устойчивый по отношению к отклонению от нормальности распределения. В качестве психологических предикторов этнической толерантности рассматривались коррелирующие между собой показатели: толерантность как черта личности, этика автономии и этика сообщества. С учетом рассмотренных выше связей этих переменных с демографическими характеристиками для их контроля в модель были введены переменные пола и возраста, предсказывающие толерантность как черту личности, этику автономии и этику сообщества. В результате предварительной оценки модели незначимые пути от пола к этике сообщества и от возраста к этике автономии были удалены. Итоговая модель показала отличное соответствие данным: $\chi^2 = 3,23$; $df = 6$; $p = 0,78$; CFI = 1; NNFI = 1,038; RMSEA = 0,001; 90-процентный доверительный интервал для RMSEA: 0,000–0,047; PCLOSE = 0,959; $N = 340$ (см. рисунок). Предикторами в данной модели объясняется 16 % дисперсии этнической толерантности.

Таблица 3/ Table 3

**Гендерные различия по шкалам толерантности и моральных оснований
[Gender differences on tolerance and moral foundations scales]**

	Средние значения		t-критерий	df	p-уровень	N (девушки)	N (юноши)	d Коэна
	Девушки	Юноши						
Этническая толерантность	4,07	4,03	0,37	338	незначим	271	68	0,05
Толерантность как черта личности	4,49	4,25	2,70	338	$p < ,01$	271	68	0,37
Забота	4,32	4,10	2,04	337	$p < ,05$	271	68	0,28
Справедливость	4,71	4,43	2,97	337	$p < ,001$	271	68	0,40
Лояльность	4,03	4,23	-2,10	337	$p < ,05$	271	68	0,28
Уважение	3,59	3,72	-1,18	337	незначим	271	68	0,16
Чистота/почитание святынь	4,32	4,12	1,97	337	$p < ,05$	271	68	0,27
Этика автономии	4,51	4,26	2,75	337	$p < ,01$	271	68	0,37
Этика сообщества	3,98	4,03	-0,54	337	незначим	271	68	0,07

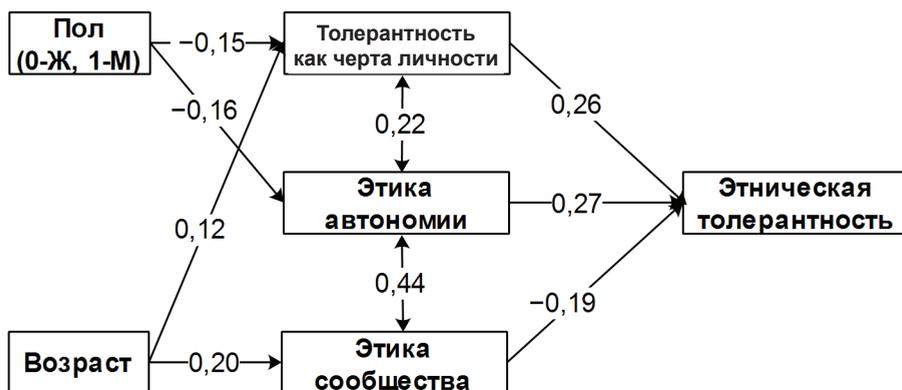

Рисунок. Путь модель связей этики автономии и этики сообщества с показателями толерантности при контроле пола и возраста (все приведенные коэффициенты статистически значимы при $p < 0,05$)

[Figure. Path model of relations of individualizing and binding moral foundations with indicators of tolerance under the control of gender and age (all coefficients are significant at $p < 0.05$)

Представленная на рисунке модель наглядно демонстрирует наличие независимых связей этнической толерантности и с этикой автономии, и с этикой сообщества. Несмотря на прямую связь этики автономии и этики сообщества между собой, первая поддерживает этническую толерантность, в то время как последняя ей противоречит. Этот факт свидетельствует о противоречивости этнической толерантности в ее моральных аспектах.

Толерантность как черта личности, так же как и этническая толерантность, показывает прямую связь с этикой автономии, однако в отличие от последней, не связана с этикой сообщества. Следовательно, противоречие меж-

ду этнической толерантностью и этикой сообщества является специфической особенностью данного типа толерантности.

Обсуждение результатов и выводы

Полученные коэффициенты надежности шкал опросника «Индекс толерантности» характеризуют надежность шкал лишь в данной молодежной выборке. Однако, учитывая недостаток данных о психометрических характеристиках рассмотренной методики в литературе, можно констатировать необходимость анализа надежности опросника в новых исследованиях.

В соответствии с ожиданиями, основанными на предыдущих исследованиях (Nadarics, Kende, 2018a, 2018b), моральные основания, образующие этику автономии, продемонстрировали прямые связи с этнической толерантностью. Связь этики сообщества с интолерантностью оказалась не столь высока, как можно было ожидать на основе прошлых исследований. Интересно, что только одно из моральных оснований («Уважение») показало обратную связь с этнической толерантностью, в то время как шкала «Лояльность», характеризующая преданность своей группе/стране, не показала подобной ожидаемой связи. Факт отсутствия связи между моральным основанием «Лояльность» и этнической толерантностью нуждается в проверке и дальнейшем исследовании.

Противоречие этнической толерантности этике сообщества присуще только данному типу толерантности, но не наблюдается в отношении толерантности как черты личности. Вероятным объяснением противоречия этнической толерантности и этики сообщества является тот факт, что открытость контактам с другими этническими группами плохо согласуется с нормами сплывающих моральных оснований, ориентирующими на сохранение традиций своей группы, поддержание сложившегося порядка, уважение групповых святынь и авторитетов, преданность своей национальной группе и стране. В контексте норм сплывающих моральных оснований (ярким выразителями которых являются представители консервативно-патриотических движений) толерантность к другим этническим группам скорее выступает как угроза, а не добродетель.

Корреляционный дизайн исследования не позволяет с уверенностью сделать выводы о зависимости этнической толерантности от этики автономии и этики сообщества, тем не менее такая интерпретация представляется наиболее правдоподобной. Хотя нельзя отвергать существование общих факторов, оказывающих влияние на мораль и толерантность, необходимо принимать во внимание, что моральные нормы являются более глубоким явлением, регулирующим отношения между людьми в целом. В этой связи разумно предполагать, что частный случай отношений – отношение к представителям других этнических групп – также должен быть основан на базовых моральных нормах, несмотря на наличие в таких отношениях некоторой специфики. Интерпретация полученных результатов на основе этого предположения позволяет сделать вывод о том, что этническая толерантность основывается на неспецифической толерантности как черте личности, а также на нормах этики автономии: заботе о

благе окружающих, запрете на причинение им вреда, справедливом отношении к людям. При этом нормы этики сообщества (в первую очередь уважение к традициям, авторитетам и власти) подрывают этническую толерантность.

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».

Список литературы

- Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. Научно-публицистический вестник. 2001. № 1–2. С. 8–19.
- Касьянова Е.И., Виноградова Н.И. Теоретический анализ коммуникативной толерантности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2014. № 4. С. 28–34.
- Леонтьев Д.А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3–16.
- Новикова И.А., Ибадова Т.И. Проблема комплексного исследования субъекта толерантности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2009. № 4. С. 25–30.
- Олпорт Г.У. Толерантная личность // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 155–159.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
- Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности (учебно-методическая разработка) / сост. Л.А. Шайгерова, Т.Ю. Прокофьева, О.А. Кравцова, Г.У. Солдатова. М.: Центр СМИ МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003. 112 с.
- Пузанова Ж.В. Исследование этнической толерантности в полиэтничной молодежной среде РУДН // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 4. С. 119–126.
- Сычев О.А., Беспалов А.М., Прудникова М.М., Власов М.С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120109>
- Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>
- Хомяков М.Б. Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 25–33.
- DeVellis R.F. Scale development : theory and applications. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1991. 121 p.
- Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96. No. 5. Pp. 1029–1046. <https://doi.org/10.1037/a0015141>
- Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. Pp. 366–385. <https://doi.org/10.1037/a0021847>
- Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: Moral exclusion fills the gap // International Journal of Intercultural Relations. 2018a. Vol. 64. Pp. 67–76. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.03.006>

- Hadarics M., Kende A.* The Dimensions of Generalized Prejudice within the Dual-Process Model: the Mediating Role of Moral Foundations // *Current Psychology*. 2018b. Vol. 37. No. 4. Pp. 731–739. <https://doi.org/10.1007/s12144-016-9544-x>
- Kugler M., Jost J.T., Noorbaloochi S.* Another Look at Moral Foundations Theory: Do Authoritarianism and Social Dominance Orientation Explain Liberal-Conservative Differences in “Moral” Intuitions? // *Social Justice Research*. 2014. Vol. 27. No. 4. Pp. 413–431. <https://doi.org/10.1007/s11211-014-0223-5>
- Nilsson A., Erlandsson A.* The Moral Foundations taxonomy: Structural validity and relation to political ideology in Sweden // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 76. Pp. 28–32. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.11.049>
- Shweder R.A., Much N.C., Mahapatra M., Park L.* The “big three” of morality (autonomy, community, divinity) and the “big three” explanations of suffering // *Morality and health*. New York: Routledge, 1997. Pp. 119–169.

История статьи:

Поступила в редакцию: 04 июня 2019 г.

Принята к печати: 26 августа 2019 г.

Для цитирования:

Протасова И.Н., Сычев О.А. Моральные основы этнической толерантности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 3. С. 327–340. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-327-340>

Сведения об авторах:

Протасова Ирина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина. ORCID iD: 0000-0002-7728-705X; eLIBRARY SPIN-код: 1550-7557. E-mail: protasovain@mail.ru

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина. ORCID iD: 0000-0002-0373-6916; eLIBRARY SPIN-код: 2849-5161. E-mail: osn1@mail.ru

Research article

Moral Basis for Ethnic Tolerance

Irina N. Protasova, Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy
55 Korolenko St., Biysk, 659333, Russian Federation

Abstract. The article deals with the relation between ethnic tolerance and the moral sphere features on the basis of Moral Foundations Theory by J. Haidt. As a result of theoretical analysis we put forward a hypothesis that ethnic tolerance is entirely compatible with individualizing moral foundations (caring/not doing harm and fairness) but contradicts the binding moral foundations (loyalty, authority, sanctity). To test this hypothesis the research was carried out on a sample of 340 university students. The participants completed a questionnaire

packet containing the “Tolerance index” questionnaire by G.U. Soldatova et al. and the “Moral foundations questionnaire” by J. Graham et al. The correlations between variables showed that ethnic tolerance was positively correlated with moral foundations ‘Care’ and ‘Fairness’ and negatively correlated with moral foundation ‘Authority’. Using path analysis we showed that ethnic tolerance is positively correlated with individualizing moral foundations and negatively correlated with binding moral foundations under the control of tolerance as a trait, gender and age. Our results also revealed unsatisfactory reliability of the “Social tolerance” scale of the “Tolerance index” questionnaire indicating the need for further investigation of the psychometric properties of this questionnaire. Our results support the hypothesis that ethnic tolerance is compatible with individualizing moral foundations, but contradicts the binding moral foundations. This fact demonstrates the moral inconsistencies of ethnic tolerance in the context of the individualizing and binding moral foundations.

Key words: ethnic tolerance; moral; moral foundations theory; individualizing moral foundations; binding moral foundations

Acknowledgements and Funding. The study received the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-013-00119 “Values and moral foundations as a basis for social world view of youth”.

References

- Allport, G.W. (2011). Tolerant personality. *National Psychological Journal*, 2(6), 155–159. (In Russ.)
- Asmolov, A.G., Soldatova, G.U., & Shaigerova, L.A. (2001). O smyslakh ponyatiya “tolerantnost’”. *Vek tolerantnosti. Nauchno-publitsisticheskii vestnik*, (1–2), 8–19. (In Russ.)
- DeVellis, R.F. (1991). *Scale development: theory and applications*. Retrieved from <https://trove.nla.gov.au/version/45409194>
- Graham, J., Haidt, J., & Nosek, B.A. (2009). Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(5), 1029–1046. <https://doi.org/10.1037/a0015141>
- Graham, J., Nosek, B.A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva, S., & Ditto, P.H. (2011). Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101, 366–385. <https://doi.org/10.1037/a0021847>
- Hadarics, M., & Kende, A. (2018a). Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: Moral exclusion fills the gap. *International Journal of Intercultural Relations*, 64, 67–76. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.03.006>
- Hadarics, M., & Kende, A. (2018b). The Dimensions of Generalized Prejudice within the Dual-Process Model: the Mediating Role of Moral Foundations. *Current Psychology*, 37(4), 731–739. <https://doi.org/10.1007/s12144-016-9544-x>
- Kasyanova, E.I., & Vinogradova, N.I. (2014). Theoretical analysis of communicative tolerance. *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Philosophy, Cultural Studies, Sociology, Social Work*, (4), 28–34. (In Russ.)
- Khomyakov, M.B. (2011). Tolerance and its boundaries. *National Psychological Journal*, 2(6), 25–33. (In Russ.)
- Kugler, M., Jost, J.T., & Noorbaloochi, S. (2014). Another Look at Moral Foundations Theory: Do Authoritarianism and Social Dominance Orientation Explain Liberal-Conservative Differences in “Moral” Intuitions? *Social Justice Research*, 27(4), 413–431. <https://doi.org/10.1007/s11211-014-0223-5>
- Leontev, D.A. (2009). K operatsionalizatsii ponyatiya “tolerantnost’”. *Voprosy psikhologii*, (5), 3–16. (In Russ.)

- Nilsson, A., & Erlandsson, A. (2015). The Moral Foundations taxonomy: Structural validity and relation to political ideology in Sweden. *Personality and Individual Differences*, 76, 28–32. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.11.049>
- Novikova, I.A., & Ibadova, T.I. (2009). The problem of integrated research of the subject of tolerance. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 25–30. (In Russ.)
- Popper, K. (1992). *The Open Society and Its Enemies*. Moscow: Feniks Publ., Mezhdunarodnyi fond “Kul’turnaya initsiativa”. (In Russ.)
- Puzanova, Zh.V. (2010). The research on ethnic tolerance in polyethnic youth environment. *RUDN Journal of Sociology*, (4), 119–126. (In Russ.)
- Shaigerova, L.A., Prokof’eva, T.Yu., Kravtsova, O.A., & Soldatova, G.U. (2003). *Praktikum po psikhodiagnostike i issledovaniyu tolerantnosti lichnosti (uchebno-metodicheskaya razrabotka)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Shweder, R.A., Much, N.C., Mahapatra, M., & Park, L. (1997). The “big three” of morality (autonomy, community, divinity) and the “big three” explanations of suffering. In *Morality and health* (pp. 119–169). Retrieved from <http://psycnet.apa.org/psycinfo/1997-05770-006>
- Sychev, O.A., Bespalov, A.M., Prudnikova, M.M., & Vlasov, M.S. (2016). Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents. *Cultural-Historical Psychology*, 12(1), 85–96. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120109>. (In Russ.)
- Sychev, O., Protasova, I., & Belousov, K. (2018). Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire. *Russian Psychological Journal*, 15(3), 88–115. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>. (In Russ.)

Article history:

Received: 04 June 2019

Revised: 18 August 2019

Accepted: 26 August 2019

For citation:

Protasova, I.N., & Sychev, O.A. (2019). Moral Basis for Ethnic Tolerance. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 327–340. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-327-340>

Bio notes:

Irina N. Protasova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor, Associate Professor of Chair of Pedagogy and Psychology, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy. ORCID iD: 0000-0002-7728-705X; eLIBRARY SPIN-code: 1550-7557. E-mail: protasovain@mail.ru

Oleg A. Sychev, Ph.D. in Psychology, is Research Fellow, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy. ORCID iD: 0000-0002-0373-6916; eLIBRARY SPIN-code: 2849-5161. E-mail: osn1@mail.ru

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-341-358

УДК 159.99

**Разработка подхода к типологии сетевых сообществ
на основе дискурсивных признаков
коллективной субъектности****Н.Д. Павлова, А.Н. Воронин, Т.А. Гребенщикова, Т.А. Кубрак***Институт психологии Российской академии наук
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1*

В статье рассматриваются проблемы типологии сетевых сообществ, представляющих новую социальную реальность современного цифрового общества. Методология комплексного изучения социальных сообществ на основе социально-психологического и психолингвистического методов, использование дискурсивного подхода и малоизученной применительно к большим социальным группам категории субъекта определяют новизну исследования. Согласно основной исследовательской гипотезе различные формы субъектности группы, определяющие ее готовность к совместной деятельности, проявляются в дискурсе сетевого сообщества, конституирующем сообщество, опосредующем взаимодействие его членов, транслирующем представления о мире, ценности, отношения, установки и задающем модели поведения. Рассматриваются дискурсивные характеристики сообществ, релевантные различным формам субъектности группы и критериям субъектности – взаимосвязанности, направленности на совместную деятельность и пр. Представлена процедура выявления дискурсивных характеристик субъектности сетевого сообщества различных уровней (лексического, процессуального, семантического) и приведены их примеры. На этой основе осуществляется сравнительное изучение сетевых сообществ, предусматривающее в перспективе создание их психологической типологии.

Ключевые слова: сетевое сообщество; социальные медиа; интернет-дискурс; взаимодействие; коллективный субъект; субъектность сообщества; дискурсивные маркеры

Введение

Появление Интернета наряду с глобализацией информационной среды привело к возникновению особых сетевых сообществ, представляющих новую социальную реальность эпохи социальных медиа. Эта реальность так масштабна и динамична, что на общение в сети все больше ориентируются политики, профессиональный и деловой мир. Интернет может объединять пользователей по самым разнообразным основаниям, формируя сообщества для обмена знаниями, обучения, взаимной поддержки, создания микроми-

© Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ров, предоставления услуг. Благодаря постоянному совершенствованию технологий формы сетевого общения развиваются и видоизменяются гораздо быстрее, чем в обычной, «несетевой» коммуникации. Именно такие дискурсивные практики, возникающие в современных условиях и приспособляющиеся к решению актуальных задач, особенно важны для понимания закономерностей формирования и детерминации дискурса, социальных процессов, происходящих в обществе.

Новые виды дискурса, связанные с образованием социальных сетей и интернет-сообществ, как и сами сетевые сообщества, являются сегодня предметом множества научных дисциплин, связанных с изучением Homo informaticus – человека информационной эпохи.

Исследователями раскрываются особенности коммуникации в социальных сетях, такие как редуция анонимности, выраженность самопрезентации, спонтанность, эмоциональная включенность (Курьянович, 2018; Кирилина, 2015; Каменский, Гримов, 2014 и др.). Выявляется специфика сетевых сообществ, касающаяся отсутствия между участниками обязательной связи и знакомства в реальной жизни, добровольности включения в сообщество, наличия общего интереса или цели общения (Каменский, Гримов, 2014; Патаракин, 2017). Внимание исследователей привлекают негативные явления, вызванные расширением формата социальных сетей: «темная триада» личности пользователей, распространение негативных эмоций и слухов, поляризация сообществ, «эхо-камеры» и пр. (Vicario et al., 2015; Yardi, Boyd, 2010; Cheung, Thadani, 2012). Анализируются специфические для данной среды агрессивные формы поведения: троллинг, флейминг, кибербуллинг (Курьянович, 2018; Воронцова, 2016; Neigman et al., 2015). Получают распространение исследования обсуждения событий и модификации постсобытийного дискурса на различных этапах сетевых дискуссий (Радина, 2016; Гребенщикова, 2018, Павлова и др., 2018; Вежновец, 2016). Большой интерес вызывает механизм дискурсивного исключения, связанный с поддержанием групповой идентичности и служащий сохранению принятых способов выражения, тематики, сложившегося отношения к «своим» и «чужим» (Сергеева и др., 2016). Разработаны математические модели социальной динамики, позволяющие предсказывать распространение информации, социальные связи и групповое внимание (Galuba et al., 2010; Zhang et al., 2017 и др.).

Поскольку Интернет, в силу присущей ему интерактивности, все активнее выступает средством, способствующим возникновению новых социальных групп, актуальность приобретает вопрос сравнительного изучения интернет-сообществ и создания их типологии.

Сообщества в сети описываются и классифицируются с точки зрения направленности деятельности (экономические, социокультурные, политические и пр.), по линии подготовленности членов сообщества к работе с интернет-технологиями (Вышегородцев, 2002). Выделяют сетевые сообщества на основе платформ, которые позволяют достигать решения различных задач – социальной поддержки (Facebook, Twitter), самовыражения и творчества

(Instagram, Youtube), обмена мнениями и знаниями (открытые сообщества и форумы в социальных сетях, форумах и чатах (French, Vazarova, 2017)). В соответствии с целевыми установками социокультурной деятельности выделяются сообщества научно-профессиональные, творческие, развлекательно-досуговые, гражданско-политические (Каменский, Гримов, 2014). Многообразны практические сообщества, для которых ключевым выступает разграничение по условиям создания: через усилия менеджмента или путем самоорганизации (Журавлев, Нестик, 2010). Выраженность процессов самоорганизации и ориентации на создание общности является основанием для типологии образовательных сообществ (Патаракин, 2017). Сетевые сообщества могут быть дифференцированы по степени открытости (открытые, полуоткрытые, закрытые), по характеру социальных связей (неконтактные, контактные), по виду общения («физические», виртуальные, частично виртуальные, онлайн- и офлайн-сообщества) (Вышегородцев, 2002; Hammond, 2017). Среди контактных сообществ выделяются сообщества, основанные на организации общего социального пространства (например, форум), и массово-контактные (публичная социальная сеть), где важны организация личного социального пространства и возможности самопрезентации (Кончаковский, 2010). Наиболее универсальной признается классификация сообществ по количественному составу: макро- и микросоциальные сообщества (Бондаренко, 2004).

Вместе с тем если подходить к рассмотрению сетевых сообществ со стороны формирующей их дискурсивной практики, встает вопрос типизации сетевого дискурса.

Развивая восходящую к М.М. Бахтину концепцию жанра, типологию дискурса в Интернете разрабатывает активно развивающееся виртуальное жанроведение (Е.И. Горошко, Л.Ф. Компанцева, Л.Ю. Щипицина, А.В. Кирилина, S.C. Herring и многие другие). Исследователи описывают варианты дискурса, обладающие определенной прагматической направленностью, сходной структурой, тематикой, лингвостилистическими параметрами. В качестве дополнительных при описании жанров дискурса привлекаются временные характеристики (синхронность/асинхронность коммуникации), регламентированность общения, массовость адресата и др. В числе интернет-жанров, наряду с рекламным, массово-информационным, политическим и другими, выделяется персональный интернет-дискурс, опосредующий личностно-ориентированное общение и представленный самостоятельной системой жанров. К составляющим эту систему жанровым формам одни исследователи относят чаты, личные веб-страницы, форумы, социальные сети (Горошко, Полякова, 2015), другие – дифференцируют жанры личного блога, персонального сайта, социальной сети и интернет-комментария (Сидорова, 2011). При классификации интернет-жанров на основе их функциональности выделяют коммуникативные (чаты, электронные письма, новостные группы, форумы) и презентационные (личные страницы и блоги). Отмечается одновременное существование в Интернете принципиально новых жанров (чат, форум), жанров традиционных (реклама, реферат) и гибридных; примером последних мо-

жет служить блог – жанр, связанный с традиционным ведением дневников, но претерпевший значительную эволюцию в условиях Интернета (Горошко, Полякова, 2015; Кириллов, 2017).

В целом отмечаются большое разнообразие критериев выделения жанров и сложность построения типологии, отвечающей требованиям постоянно изменяющегося коммуникативного контекста. В этой связи предметом активного научного поиска становятся подходы к описанию жанровой системы интернет-дискурса как многоуровневой и динамической. Помимо жанров как таковых, предлагается выделять факультативные варианты их реализации, так называемые субжанры (пост, комментарий, микроблог) и комплексные гипержанры (сайт, блог, социальная сеть) (Горошко, Полякова, 2015; Кириллов, 2017 и др.). Получает распространение понимание интернет-жанра как «динамического объекта», который, сохраняя основные критериальные признаки, непрерывно развивается и обнаруживает тенденцию выхода за пределы Интернета (Кирилина, 2015). Такая трактовка особенно актуальна в связи со стремительным преобразованием интернет-дискурса не только в ходе коммуникации, но и в результате модернизации информационных технологий.

Важно подчеркнуть, что понятие жанра при всей подвижности устанавливаемых разграничений структурирует социокоммуникативное пространство Интернета, дифференцируя дискурсы, протекающие в рамках стандартной последовательности действий, заданных правил общения, определенных социальных норм и отношений. Поскольку дискурс – необходимый атрибут функционирования сетевого сообщества, обнаруживается возможность такой постановки исследовательских задач, при которой выявление дискурсивных характеристик выступает инструментом сравнительного изучения сообществ и создания их типологии.

Продвижение в данном направлении предполагает разработку подхода к эмпирическому изучению сетевых сообществ, сочетающего социально-психологические и психолингвистические методы. При этом, поскольку механизмы формирования и функционирования сообщества могут быть охарактеризованы через анализ феномена субъектности и выделены признаки, позволяющие оценить субъектность группы, перспективным представляется использование именно этой малоизученной применительно к большим социальным группам психологической категории.

Существует несколько подходов к изучению субъектности сообществ: «совокупный субъект» (Б.Ф. Ломов, И.А. Зимняя и др.), «групповой субъект» (А.В. Брушлинский, К.М. Гайдар и др.), «субъект совместной деятельности» (А.В. Брушлинский, В.В. Рубцов и др.), «коллективный субъект» (А.Л. Журавлев, И.В. Вачков, К.М. Гайдар и др.), «полисубъект» (В.И. Панов, И.В. Вачков и др.) и др. Наиболее полно феномен субъектности на уровне групп раскрывается через анализ коллективного субъекта и таких его атрибутов, как совместная активность, взаимосвязанность/взаимозависимость, рефлексия (Журавлев, 2018). Именно свойства коллективного субъекта, которые могут иметь разный уровень развития (от предусубъектности до максимального проявления

субъектности), позволяют раскрыть механизмы формирования и функционирования сетевого сообщества как группы людей, взаимодействующих в дискурсивном пространстве Интернета, объединенных особыми связями и отношениями и способных к совместным формам активности и саморефлексии.

В соответствии с положением о множественности проявлений коллективного субъекта (Емельянова, Журавлев, 2009) указываются такие его свойства или признаки, как сплоченность – разобщенность, удовлетворенность – неудовлетворенность, конфликтность – бесконфликтность, устойчивость – изменчивость. Большое место в описании субъектности занимают характеристики общения: целенаправленность – бесцельность, контактность – неконтактность, компетентность – некомпетентность и др. В числе свойств, присущих большим социальным группам, называются социальная ответственность, навыки совершения согласованных групповых действий, развитая гражданская идентичность и др. При этом вопрос о субъектности сетевых сообществ и критериях ее оценки до последнего времени не рассматривался.

В этой связи необходимо отметить, что разработка подхода к изучению сетевых сообществ, опирающегося на оценку коллективной субъектности, актуальна не только в плане построения типологии сообществ, но и как продвижение в изучении нового вида социальной группы и развитие самой концепции.

Подход, который предполагается разработать, ориентирован на сравнительное изучение интернет-сообществ на основе агрегированных социально-психологических и дискурсивных показателей с привлечением современных моделей и методов искусственного интеллекта. На настоящем этапе предусматривалось проведение *пилотажного исследования* с целью определения дискурсивных характеристик сетевых сообществ, релевантных различным критериям коллективной субъектности, и формирование базовых предпосылок типологии субъектности сообществ. Ставились следующие задачи:

- мониторинг социальных сетей, форумов, блогов, чатов и отбор эмпирического материала;
- психолингвистический анализ сетевых дискуссий и выявление дискурсивных признаков коллективной субъектности;
- соотнесение дискурсивных характеристик с социально-психологическими критериями субъектности и их последующая кластеризация;
- сравнительный анализ признаков коллективной субъектности, выраженных в дискурсе исследуемых сетевых сообществ, и создание профилей этих сообществ.

В дальнейшем на этой основе предусматривалось развернутое сравнительное изучение интернет-сообществ и разработка их психологической типологии. Согласно основной исследовательской *гипотезе* различные формы субъектности группы, определяющие ее готовность к совместной деятельности, проявляются в дискурсе сетевого сообщества, конституирующем сообщество, опосредующем взаимодействие его членов, транслирующем представления о мире, ценности, отношения, установки и задающем модели поведения.

Процедура и методы

На предварительном этапе исследования шестью экспертами было изучено двенадцать сетевых сообществ, различавшихся по тематике (гражданско-политическая, информационно-развлекательная, творческая, проблемноориентированная), решаемым задачам (обмен знаниями, мнениями, организация гражданской активности, поиск социальной поддержки, общение с единомышленниками, самовыражение), наличию лидеров (один, несколько, без лидера) и платформам (Facebook, ВКонтакте, Telegram, LiveJournal, d3.ru и др.).

В эмпирическую базу исследования были отобраны материалы шести сообществ, предположительно, с различной выраженностью коллективной субъектности:

- политическое сообщество politota.d3.ru (нацелено на поиск единомышленников, обмен мнениями, имеет несколько лидеров);
- популярный персональный блог Антона Долина в Facebook (поиск единомышленников, информационно-развлекательная страница, один лидер);
- сообщество гражданских активистов «Синие ведерки» в Facebook (поиск единомышленников, организация гражданской активности, несколько лидеров);
- форум автовладельцев auto.ru (проблемная ориентация, обмен мнениями, несколько лидеров);
- тематическое развлекательное сообщество «Страдающее Средневековье» в социальной сети «ВКонтакте» (самовыражение, обмен мнениями, информационно-развлекательная страница, несколько лидеров);
- чат сообщества для обсуждения проблем взаимоотношений «Прогрессисты» в Telegram (проблемная ориентация, обмен мнениями, поиск единомышленников, без лидера).

Были отобраны популярные дискуссии за последний месяц, которые являются типичными для дискурса сообществ, всего проанализировано по одному посту с комментариями в каждом сообществе (70, 40, 41, 30, 31, 69 комментариев соответственно). На данном материале проходила процедура согласования выделенных признаков субъектности и оценка их приемлемости и адекватности для дальнейшего использования. Пять экспертных сессий с учетом метода обоснованной теории (Glaser, 1978) позволили выявить способы кодировки материала.

Для изучения дискурса сообществ использовались следующие **методы**:

1) *интент-анализ* (Т.Н. Ушакова, Н.Д. Павлова, В.В. Латынов, И.А. Зачесова и др.) – техника интент-анализа диалоговых форм дискурса, методика интент-анализа конверсативных тактик; эмпирические типологии интенций в разных видах дискурса; дискурсивные маркеры речевых интенций (Павлова, Гребенщикова, 2017; Павлова и др., 2011);

2) *конверсативный анализ* (Н. Sacks, J. Heritage, E. Schegloff и др.) – приемы выявления согласованности реплик (*adjacency pairs* и др.), дискурсивных показателей эффективности коммуникации, уважительности, толерантности, способов «очерчивания границ» сообщества и др.;

3) *дискурс-анализ* в школе дискурсивной психологии и критическом дискурс-анализе (J. Potter, M. Wetherel, T. van Dijk, R. Wodak и др.) – способы описания в дискурсе событий и фактов, групповых и межгрупповых отношений, самоидентичности и пр. Выявление дискурсивных характеристик осуществлялось на основе психолингвистического анализа корпуса текстов сетевых сообществ и экспертной оценки, которая реализовывалась четырьмя экспертами-психолингвистами.

В качестве социально-психологических критериев субъектности рассматривались три блока свойств, описанных А.Л. Журавлевым (Журавлев, 2018):

– *свойства большой социальной группы* (взаимосвязанность, совместная активность, рефлексия жизни, взаимодействие с участниками других сообществ и пр.);

– *динамические свойства* (наличие общего языка, проявление социальной инициативы со стороны сообщества, наличие относительно устойчивой системы идей и взглядов и пр.);

– *свойства полисубъектности* (в виде дихотомий: сплоченность – разобщенность, открытость – закрытость, совместимость – несовместимость, конфликтность – бесконфликтность).

Соотнесение дискурсивных характеристик с социально-психологическими критериями субъектности достигалось через экспертные оценки с применением процедуры иерархического кластерного анализа в программе PASW Statistics 18 (методом межгрупповой связи на основе метрики «Квадрат евклидова расстояния»). Эксперты оценивали по 5-балльной шкале, в какой степени дискурсивный признак определяется конкретным социально-психологическим свойством субъектности. После проверки согласованности работы экспертов (во внимание принимались данные со значением α Кронбаха более 0,7) было проведено усреднение экспертных оценок, на основе которых проводился кластерный анализ.

Сравнительный анализ частот дискурсивных признаков, присущих тому или иному сообществу, проводился с помощью критерия χ^2 Пирсона (парные сравнения, $df = 1$, с поправкой Холма на их множественность).

Результаты

На основании психолингвистической экспертизы постов и комментариев, а также функционально-семантического анализа текстов выделены 63 дискурсивные характеристики субъектности сетевых сообществ, проявляющиеся на различном уровне – отдельный комментарий, согласующиеся реплики, дискурс в целом. По форме выделенные дискурсивные характеристики могут быть отнесены к трем группам: *лексическо-грамматические показатели, процессуальные и семантические*. Остановимся на каждой из этих групп последовательно.

Маркерами коллективной субъектности выступают многие *лексические единицы*, такие как лексика совместности, побудительные глаголы, парольные слова, жаргонная, обценная, эмоционально-оценочная лексика и др. Так, психологическая готовность к совместной активности проявляется в призы-

вах к действию, представленных побудительными глаголами («*приходите*», «*позвоните*»), в выраженности непосредственно-реактивной составляющей дискурса и эмоционального побуждения к немедленному действию («*в ответ на эту писульку подаем в суд за ответ не по сути*»), маркируемых междометиями, частицами («*что ж я только что увидел и услышал!?*»), окказиональными номинациями, категоричными модальными предикатами («*обязан*», «*должен*», «*надо*»). Защита границ сообщества проявляется в предупреждении нежелательной активности, индикаторами которой выступают глаголы и их производные с семантикой запрещения («*нельзя*»), пермиссивные глаголы с показателями отрицательности («*не следует*»).

Важны также дискурсивные характеристики *процессуального плана*: нарастание сходства тем, наличие цепочек комментариев, их длина, пространственность и пр. Среди характеристик этого плана видное место занимают характеристики, относящиеся к общению, выступающему важнейшим проявлением коллективного субъекта. Постановка вопросов, запрос/оспаривание мнения, выражение согласия или несогласия, просьбы, предложения и т.п. обнаруживают направленность на партнера и иллюкутивную связанность реплик.

Вместе с тем большое место в перечне дискурсивных характеристик субъектности занимают *семантические категории*, которые не получают конкретной формы реализации, но надежно идентифицируются экспертами по смыслу: способность следовать организационным и управляющим воздействиям, отображение группового образа цели, информирование о текущем состоянии дела или проблемы и пр. Для примера приведем фрагмент, в котором реализована последняя из названных категорий: «*Новости по поводу митинга, которого мы с вами так ждали. Поскольку государство ничего нам не должно и вообще не просило нас рождаться, мы для него бастарды, то ожидаемо на наше уведомление мэрия ответила отказом. Заявленная нами площадка на Суворовской площади отклонена*».

Выделенные дискурсивные признаки, описывающие социально-психологическую субъектность, группируются в девять кластеров (или шкал), предназначенных для оценки выраженности субъектности сетевых сообществ.

Шкала «Языковая и понятийная идентификация» включает шесть дискурсивных признаков субъектности: общность языка, метафор; общность референциальных объектов; «парольные» слова и выражения, разделяющие «своих» и «чужих»; приверженность определенному семантико-тематическому полю; идентификация себя и других как членов сообщества; наличие программы вхождения в сообщество и ее фрагментов.

Шкала «Готовность действовать» предусматривает: призывы к действию; формулы причастности, призывы к сплоченности и констатации единства; призывы к акциям за рамками сетей; создание эмоционального настроения воодушевления, уверенности и пр.; выраженность непосредственно-реактивной составляющей дискурса, эмоционального побуждения к немедленному действию; сообщение о готовности что-либо сделать; нарастание, учащение схожих тем; привлечение внимание сообщества.

Характеристики, составляющие объемную третью шкалу, касаются транслирования образа сетевого сообщества. В их числе: сообщение о значимости сообщества, выражение удовлетворенности/неудовлетворенности своим участием в сообществе; указание на многочисленность/малочисленность сообщества; оценочные суждения по поводу сообщества; отсылка к другим участникам сообщества, цитирование собеседников; фатическое общение; сообщения о своем опыте; акцентированная самопрезентация; транслирование установок; внутренняя критика сообщества, отказ, отклонение; ирония, юмор; приведение ссылок.

В шкале «*Групповые нормы и ценности*» объединены пять характеристик: создание и поддержание традиций сообщества; формулирование коммуникативных норм, правил разрешения разногласий, выявление запретов, желательных и нежелательных тем; формулирование групповых ценностей, установок, притязаний; создание общей истории (рассказы о сообществе, ссылки на совместный опыт общения); коллективный символический коупинг (акции памяти, совместные и обоюдные жалобы).

Дискурсивные признаки субъектности в составе пятой шкалы сопряжены с планированием и результатами совместных действий. К данной шкале относятся такие характеристики, как: формулирование и обсуждение цели сообщества; сообщение о совершенных действиях; отчет о совместной деятельности и ее результатах; готовность следовать организационным и управляющим воздействиям; обсуждение способов достижения цели; планируемая деятельность (напоминания, оповещения); обсуждение планов; подведение итогов деятельности, ее результаты; информирование о текущем состоянии дела, проблемы; распределение ролей, предложение, принятие; обратная связь и информирование.

Важной тенденцией в жизни сообществ выступает дистанцирование в отношениях с «другими». Шестая шкала, отражающая эту направленность, включает следующие дискурсивные характеристики: маркирование социальной дифференциации и социокультурной инородности; умаление значимости «других», дискредитация; генерализация оценок; оскорбление, осуждение «других».

Шкала «Позитивная поддержка коммуникации» касается поддержки «унисона» (в терминологии В.В. Дементьева) в коммуникации со «своими». В числе представленных здесь признаков субъектности: одобрение, поощрение, поддержка «своих»; направленность на партнера: вовлечение в коммуникацию, постановка вопросов, запрос/оспаривание мнения, выражение согласия; запрос помощи, просьбы, жалобы, обращения; поддержание диалога; поддержка собеседников, в том числе похвала, реакция на просьбы, жалобы, обращения; регулирование внутренних конфликтов, снижение напряженности; подчеркивание общности и групповая рефлексия; формулирование и поддержание формальных правил общения (приветствия, поздравления, формулы вежливости); совпадение эмоционального отношения к одним и тем же объектам.

Восьмая шкала «Защита границ сетевого сообщества» образована следующими характеристиками: защита границ, спор с «другими», агрессия по отношению к «другим»; предупреждение нежелательной активности (запреты, запугивание); возбуждение недоверия и враждебности к «другим».

Наконец, последняя, *девятая шкала «Гражданская идентичность»* предусматривает: декларацию и обсуждение гражданской идентичности; переживание потребности в принадлежности к какой-либо гражданской общности; обсуждение социальной защищенности; активную жизненную и гражданскую позицию, установку на изменения.

Сообщества различаются по выраженности дискурсивных характеристик субъектности и их сочетанию друг с другом. Если рассматривать степень выраженности дискурсивных характеристик и их констелляции как проявление различных форм коллективной субъектности, намечается перспектива разработки на этой основе психологической типологии сетевых сообществ.

Обратимся к данным сравнительного анализа признаков коллективной субъектности в дискурсе исследуемых сообществ. Результаты носят предварительный характер, но позволяют представить общую картину того, какие из девяти групп дискурсивных характеристик наиболее выражены в данном сообществе, в каких из них преимущественно проявляется субъектность группы.

Общее количество выявленных признаков субъектности в дискурсах сообществ, имеющих неодинаковый объем, составило: «Синие ведерки» – 291, politota.d3.ru – 177, auto.ru – 121, персональный блог Антона Долина (Facebook) – 179, чат «Прогрессисты» (Telegram) – 107, «Страдающее Средневековье» (ВКонтакте) – 33. Распределение относительных частот дискурсивных признаков в сообществах представлено на рисунке.

В сообществе гражданских активистов «Синие ведерки» показатели планирования и результатов совместных действий значимо более выражены по сравнению с сообществом, имеющим лидера (персональный блог Антона Долина): $\chi^2 = 12,84$, здесь и далее $p < 0,001$ (уровень значимости выбран, исходя из множественности сравнений). Для других сообществ такие соответствия согласно требованиям критерия χ^2 установить невозможно из-за незначительной представленности признаков; можно сказать, что в них характеристики данной шкалы выражены минимально.

На первом месте по выраженности для большинства сообществ, за исключением сообществ auto.ru и ВКонтакте, находится шкала «Позитивная поддержка коммуникации». По данной шкале были получены следующие значимые различия: собеседники в большей степени направлены друг на друга в групповом чате по сравнению с сообществами politota.d3.ru ($\chi^2 = 12,48$) и «Синие ведерки» ($\chi^2 = 13,01$), а также в сообществе Facebook по сравнению с группой auto.ru. Чат лидирует по выраженности показателей данной шкалы (в сравнении с auto.ru $\chi^2 = 23,51$).

Шкала «Языковая и понятийная идентификация» в большей степени характеризует сообщество auto.ru. В этом сообществе доля признаков данной шкалы выше, чем во всех других сообществах, кроме сообщества ВКонтакте,

для которого нельзя сделать расчет (в сопоставлении с сообществом гражданских инициатив «Синие ведерки» $\chi^2 = 71,91$, с группой politota.d3.ru – $\chi^2 = 48,11$, с сообществом Facebook – $\chi^2 = 60,88$, с групповым чатом – $\chi^2 = 68,73$).

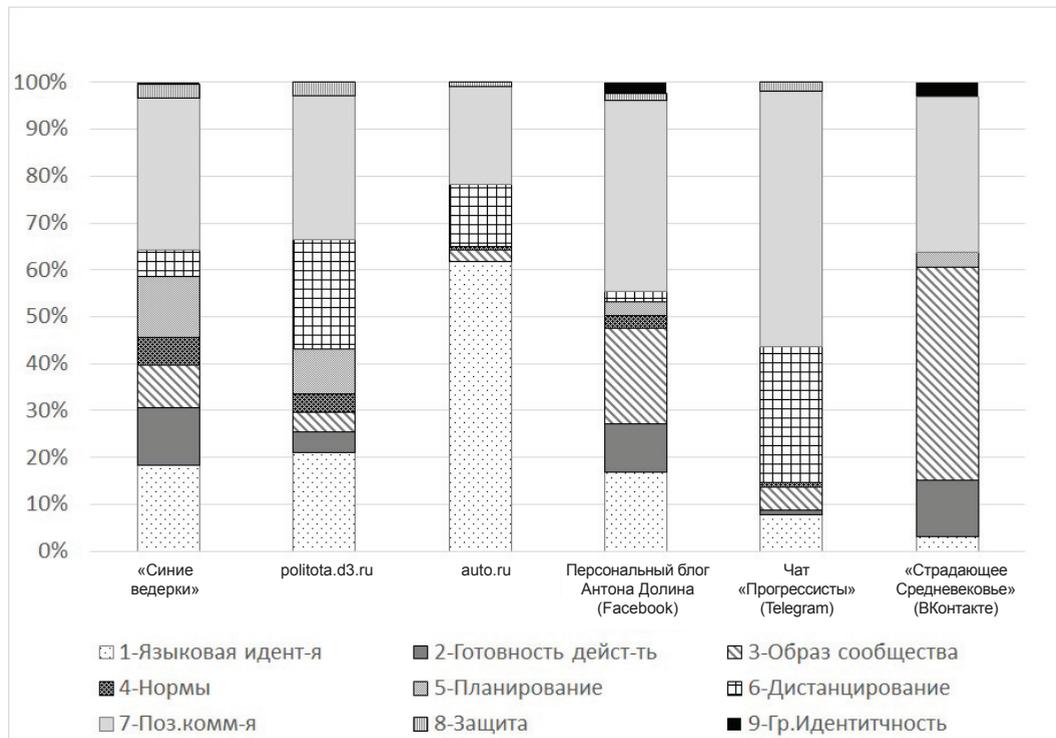

Рисунок. Доли дискурсивных признаков субъектности, представленных в различных сообществах [Figure. The percentage of the discursive markers of subjectivity represented in various communities]

Дистанцирование в отношениях с «другими» наиболее характерно для политического сообщества (доля выше, чем для сообщества «Синие ведерки», $\chi^2 = 30,48$) и для группового чата (доля даже выше, чем в politota.d3.ru, $\chi^2 = 36,70$). Для других сообществ или не было получено различий, или их невозможно рассчитать ввиду недостаточности наблюдений.

По долям дискурсивных признаков, относящихся к защите границ, групповым нормам и ценностям, а также к готовности действовать, анализируемые сообщества не различаются между собой. Данные шкалы не входят в тройку наиболее выраженных во всех сообществах, за исключением сообщества «Синие ведерки», где готовность действовать делит 3-е место с показателями планирования и результатов совместных действий. В сообществе социальной сети ВКонтакте готовность действовать выражена недостаточно для сравнения – всего 4 проявления.

Транслирование образа сетевого сообщества имеет наибольшую выраженность в группе Facebook: в сравнении с сообществом «Синие ведерки» $\chi^2 = 11,13$, с группой politota.d3.ru – $\chi^2 = 20,38$, с групповым чатом – $\chi^2 = 11,77$. В сообществе auto.ru данный дискурсивный признак не реализован в доста-

точной для сравнения степени. Между сообществами *politota.d3.ru* и «Синие ведерки» нет значимых различий по данному признаку. Для развлекательного сообщества в социальной сети «ВКонтакте», в котором в наименьшей степени выражены признаки субъектности, на транслирование образа сетевого сообщества приходится половина всех признаков субъектности.

Шкала «Гражданская идентичность» не представлена в достаточной для анализа степени ни в одном сообществе.

Следует оговорить, что приведенные данные частотного анализа свидетельствуют не о том, что в одном сообществе определенных характеристик субъектности больше, а только о распределении их внутри сообщества. Выраженность дискурсивных признаков субъектности зависит в первую очередь не от объема наблюдений, но от свойств сетевого сообщества и «насыщенности» его дискурса.

Таким образом, согласно предварительным результатам исследования можно говорить о том, что гражданско-политические сообщества отличаются от других выраженным планированием и ориентацией на результаты деятельности. Блок «Позитивная коммуникация» остается высоко выраженным во всех сообществах, что можно считать базовым дискурсивным признаком субъектности. При этом в сообществе гражданских активистов он сочетается с блоками «Планирование и результаты деятельности» и «Готовности действовать», а в политических – с «Дистанцированием в отношениях с “другими”». Транслирование образа сообщества обнаруживается в персональном блоге на Facebook и в развлекательном сообществе в социальной сети «ВКонтакте». Субъектность сообщества группового чата, коммуникация которого представлена дискуссиями на тему межличностных отношений, проявляется как в позитивной коммуникации, так и в дистанцировании собеседников от «других». В сообществе автовладельцев совместная деятельность ограничивается обменом накопленным опытом, однако в наибольшей степени проявляется языковая и понятийная идентификация.

Заключение

Разработке типологии сетевых сообществ может способствовать методология комплексного изучения сообществ на основе социально-психологического и психолингвистического методов, предусматривающая использование дискурсивного подхода и малоизученной применительно к большим социальным группам категории субъекта.

Выделены 63 дискурсивные характеристики субъектности сетевых сообществ, проявляющиеся на уровне отдельных комментариев, цепочек комментариев, дискурса в целом. Наряду с лексическими маркерами коллективной субъектности (лексика совместности и др.) описаны характеристики процессуального плана (нарастание сходства тем и пр.), а также содержательные категории, не получающие конкретной формы реализации (способность следовать организационным и управляющим воздействиям и пр.).

Выделенные дискурсивные характеристики группируются в девять шкал, предназначенных для оценки субъектности сетевых сообществ: «Язы-

ковая и понятийная идентификация», «Готовность действовать», «Транслирование образа сетевого сообщества», «Групповые нормы и ценности», «Защита границ сообщества» и др.

Степень выраженности дискурсивных характеристик субъектности и их сочетание друг с другом позволяют дифференцировать сообщества и ставить вопрос о различных формах коллективной субъектности.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00606 (18-00-00605).

Список литературы

- Бондаренко С.В.* Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. 324 с.
- Вежновец Е.* Комментарии в социальных сетях: производство и воспроизводство интернет-дискурса // Современный дискурс-анализ. 2016. № 2 (15). С. 35–58.
- Воронцова Т.А.* Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 109–116.
- Вышегородцев Д.Е.* Особенности сетевых сообществ Интернета: русскоязычный сегмент: дис. ... канд. социол. н. М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2002. 123 с.
- Горошко Е.И., Полякова Т.Л.* К построению типологии жанров социальных медиа // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
- Градосельская Г.В., Пильгун М.А.* Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 44–58.
- Гребенищикова Т.А., Кубрак Т.А., Воронин А.Н., Павлова Н.Д.* Построение структурно-функциональной модели трансформации представлений о социально-значимом событии в ходе сетевой активности пользователей // Восьмая Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 2018. С. 304–306.
- Емельянова Т.П., Журавлев А.Л.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Психология управления совместной деятельностью. Новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 248 с.
- Каменский Е.Г., Гримов О.А.* Сетевые сообщества в социальных сетях как фактор развития личностной субъектности // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (34). С. 62–67.
- Кирилина А.В.* Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 1 (17). С. 67–76.
- Кириллов А.Г.* Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 260–267.
- Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116–161.
- Кончаковский Р.В.* Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: дис. ... канд. социол. н. Екатеринбург: Ур. гос. ун-т имени А.М. Горького, 2010.
- Курьянович А.В.* Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке) // Вестник ТГПУ. 2018. № 2 (191). С. 127–142.

- Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенищикова Т.А., Кубрак Т.А. и др. Дискурс в современном мире. Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 368 с.
- Павлова Н.Д., Гребенищикова Т.А., Воронин А.Н., Зачесова И.А., Кубрак Т.А. Постсобытийный дискурс в Интернете // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1845–1851.
- Павлова Н.Д., Гребенищикова Т.А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 150 с.
- Патаракин Е.Д. Макроскопический подход к анализу совместной сетевой деятельности // Образовательные технологии. 2017. № 2. С. 51–65.
- Радина Н.К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала «ИноСМИ.ру») // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2238>
- Сергеева А.С., Кириллов Б.А., Воронина Е.Ю. Комментарий как форма дискурса профессионального виртуального сообщества (на примере IT) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–101.
- Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 154–159.
- Cheung M.K., Thadani D.R. The Impact of Electronic Word-of-Mouth Communication: A Literature Analysis and Integrative Model // Decision Support Systems. 2012. Vol. 54. No. 1. Pp. 461–470. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2012.06.008>
- French M., Bazarova N.N. Is Anybody Out There?: Understanding Masspersonal Communication Through Expectations for Response Across Social Media Platforms // Journal of Computer-Mediated Communication. 2017. Vol. 22. No. 6. Pp. 303–319. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12197>
- Galuba W., Aberer K., Chakraborty D., Despotovic Z., Kellerer K. Outtweeting the Twitterers: Predicting Information Cascades in Microblogs // Proceedings of the 3rd International Conference on OnLine Social Networks. USENIX Association, 2010. P. 33. URL: https://www.usenix.org/legacy/event/wosn10/tech/full_papers/Galuba.pdf (access: 10.08.2018).
- Glaser B. Theoretical sensitivity. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978.
- Hammond M. What is an online community? A new definition based around commitment, connection, reciprocity, interaction, agency, and consequences // International Journal of Web Based Communities. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 118–136.
- Heirman W., Angelopoulos S., Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S., Walrave M. Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. Vol. 20. No. 3. Pp. 260–277. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12111>
- Vicario M., Bessi A., Zollo F., Petroni F., Scala A., Stanley H.E., Quattrocioni W. Echo chambers in the age of misinformation. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1509.00189> (access 11.08.2018).
- Yardi S., Boyd D. Dynamic Debates: An Analysis of Group Polarization Over Time on Twitter // Bulletin of Science, Technology & Society. 2010. Vol. 30. No. 5. Pp. 316–327. <https://doi.org/10.1177/0270467610380011>
- Zhang X., Han D.-D., Yang R., Zhang Z. Users' participation and social influence during information spreading on Twitter // PLoS ONE. 2017. Vol. 12. No. 9. e0183290. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0183290>

История статьи:

Поступила в редакцию: 23 мая 2019 г.

Принята к печати: 26 августа 2019 г.

Для цитирования:

Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенищикова Т.А., Кубрак Т.А. Разработка подхода к типологии сетевых сообществ на основе дискурсивных признаков коллективной субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 341–358. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-341-358>

Сведения об авторах:

Павлова Наталья Дмитриевна, доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук. ORCID iD: 0000-0002-5120-4404; eLIBRARY SPIN-код: 2357-2891. E-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Воронин Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук. ORCID iD: 0000-0002-6612-9726; eLIBRARY SPIN: 2852-2031. E-mail: voroninan@bk.ru

Гребенищикова Таисия Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук. ORCID iD: 0000-0002-1815-4572; eLIBRARY SPIN-код: 7146-6411. E-mail: gretiya@mail.ru

Кубрак Тина Анатольевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук. ORCID iD: 0000-0002-0701-1736; eLIBRARY SPIN-код: 4443-1814. E-mail: kubrak.tina@gmail.com

Research article

Development of Approach to Typology of Internet Communities based on Discursive Markers of Collective Subjectivity

Natalya D. Pavlova, Anatoly N. Voronin,
Taisiya A. Grebenshikova, Tina A. Kubrak

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
13 Yaroslavskaya St., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract. The article discusses the problems of the typology of network communities, representing the new social reality of modern digital society. The methodology of a comprehensive study of social communities based on socio-psychological and psycholinguistic methods, the use of the discursive approach and the subject category, little studied in relation to large social groups, determine the novelty of the research. According to the main research hypothesis, various forms of group subjectivity, which determine its readiness for joint activities,

are manifested in the discourse of the network community, which constitutes it by mediating the interaction of its members, transmitting ideas about the world, values, relations, attitudes and setting patterns of behavior. We defined discursive features of internet communities relevant to the various forms of group subjectivity and subjectivity criteria – interconnectedness, focus on joint activities, etc. A procedure for identifying discursive characteristics of the subjectivity of a network community of various levels (lexical, procedural, semantic) was presented and their examples were given. On this basis, a comparative analysis of network communities, providing for the future creation of their psychological typology was carried out.

Key words: network community; social media; online discourse; interaction; collective subject; community subjectivity; discursive markers

Acknowledgments and Funding. The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-00-00606 (18-00-00605).

References

- Bondarenko, S.V. (2004). *Sotsial'naya struktura virtual'nykh setevykh soobshchestv*. Rostov-na-Donu, Rostov State University. (In Russ.)
- Cheung, M.K., & Thadani, D.R. (2012). The Impact of Electronic Word-of-Mouth Communication: A Literature Analysis and Integrative Model. *Decision Support Systems*, 54(1), 461–470. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2012.06.008>
- Emelyanova, T.P., & Zhuravlev, A.L. (2009). Psihologiya bol'shih social'nyh grupp kak kollektivnyh sub'ektov. *Psihologicheskij zhurnal*, 30(3), 5–15. (In Russ.)
- French, M., & Bazarova, N.N. (2017). Is Anybody Out There?: Understanding Masspersonal Communication Through Expectations for Response Across Social Media Platforms. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 22(6), 303–319. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12197>
- Galuba, W., Aberer, K., Chakraborty, D., Despotovic, Z., & Kellerer, K. (2010). Outtweeting the Twitterers: Predicting Information Cascades in Microblogs. *OnLine Social Networks: Proceeding of the 3rd International Conference* (p. 33). USENIX Association. Retrieved from https://www.usenix.org/legacy/event/wosn10/tech/full_papers/Galuba.pdf
- Glaser, B. (1978). *Theoretical Sensitivity*. Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Goroshko, E.I., & Polyakova, T.L. (2015). K postroeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh media. *Zhanry Rechi*, (2), 119–127. (In Russ.)
- Gradoselskaya, G.V., & Pilgun, M.A. (2015). Communicative Processes in the Network Environment: the Interdisciplinary Analysis of Politically Active Communities on Facebook. *Journal of Psycholinguistics*, (4), 44–58. (In Russ.)
- Grebenshchikova, T.A., Kubrak, T.A., Voronin, A.N., & Pavlova, N.D. (2018). Postroenie struktarno-funktsional'noi modeli transformatsii predstavlenii o sotsial'no-znachimom sobytii v khode setevoi aktivnosti pol'zovatelei. *Proceedings of Vos'maya Mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke* (pp. 304–306). Svetlogorsk. (In Russ.)
- Hammond, M. (2017). What is an online community? A new definition based around commitment, connection, reciprocity, interaction, agency, and consequences. *International Journal of Web Based Communities*, 13(1), 118–136.
- Heirman, W., Angelopoulos, S., Wegge, D., Vandebosch, H., Eggermont, S., & Walrave, M. (2015). Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 20(3), 260–277. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12111>
- Kamensky, E.G., & Grimov, O.A. (2014). Online communities at social networking services as factor of personal subjectness development. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2(34), 62–67. (In Russ.)

- Kirilina, A.V. (2015). The Internet Genre of “Reader Comments”. *Vestnik Moscow City Teacher Training University*, (1), 67–76. (In Russ.)
- Kirillov, A.G. (2017). Transformatsiya zhanra bloga v programmakh obmena mgnovennymi soobshcheniyami. *Zhanry Rechi*, (2), 260–267. (In Russ.)
- Konchakovskij, R.V. (2010). *Setevoe internet-soobshchestvo kak sociokul'turnyj fenomen*. Ph.D. in Sociology Thesis. Ekaterinburg: The Ural State University. (In Russ.)
- Kuryanovich, A.V. (2018). Experience of linguistic and legal personality characteristics of conflict language personality (on the example of analysis of communicative behavior of troll in the network correspondence). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (2), 127–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-127-142>. (In Russ.)
- Patarakin, E.D. (2017). Makroskopicheskie podkhod k analizu sovmestnoi setevoi deyatelnosti. *Obrazovatel'nye Tekhnologii*, (2), 51–65. (In Russ.)
- Pavlova, N.D., Grebenshchikova, T.A., Voronin, A.N., Zachesova, I.A., & Kubrak, T.A. (2018). Postsobyitiyni diskurs v Internete. In V.V. Znakov & A.L. Zhuravlev (Eds.), *Psikhologiya Cheloveka kak Sub'ekta Poznaniya, Obshcheniya i Deyatel'nosti* (pp. 1845–1851). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Pavlova, N.D., & Grebenshchikova, T.A. (2017). *Intent-analiz. Osnovaniya, protsedura, opyt ispol'zovaniya*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Pavlova, N.D., Voronin, A.N., Grebenshchikova, T.A., Kubrak, T.A. et al. (2011). *Diskurs v Sovremennom Mire. Psikhologicheskie Issledovaniya*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Radina, N.K. (2016). Intention Analysis of Online Discussions (based on the example of comments on the materials of the Internet portal “InoSMI.ru”). *Mediascope 4*. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/2238>. (In Russ.)
- Sergeeva, A.S., Kirillov, B.A., & Voronina, E.Yu. (2016). Kommentarii kak forma diskursa professional'nogo virtual'nogo soobshchestva (na primere IT). In A.L. Zhuravlev, N.D. Pavlova & I.A. Zachesova (Eds.), *Psikhologiya Diskursa: Problemy Determinatsii, Vozdeistviya, Bezopasnosti* (pp. 84–101). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Sidorova, I.G. (2011) Pragmatic communication characteristics of personal and interpersonal genres in the internet discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2(14), 154–159. (In Russ.)
- Vezhnovets, E. (2016). Kommentarii v sotsial'nykh setyakh: proizvodstvo i vosproizvodstvo internet-diskursa. *Sovremenniy diskurs-analiz*, (2), 35–58. (In Russ.)
- Vicario, M., Bessi, A., Zollo, F., Petroni, F., Scala, A., Stanley, H.E., & Quattrociocchi, W. (2015). Echo chambers in the age of misinformation. Retrieved from <https://arxiv.org/abs/1509.00189>
- Vorontsova, T.A. (2016). Trolling i fleiming: rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 26(2), 109–116. (In Russ.)
- Vyshegorodtsev, D.E. (2002). *Osobennosti Setevykh Soobshchestv Interneta: Russkoyazychnyi Segment*. Ph.D. in Sociology. Moscow: Moscow Humanitarian and Social Academy. (In Russ.)
- Yardi, S., & Boyd, D. (2010). Dynamic Debates: An Analysis of Group Polarization Over Time on Twitter. *Bulletin of Science. Technology & Society*, 30(5), 316–327. <https://doi.org/10.1177/0270467610380011>
- Zhang, X., Han, D.-D., Yang, R., Zhang, Z. (2017). Users' participation and social influence during information spreading on Twitter. *PLOS ONE*, 12(9), e0183290. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0183290>
- Zhuravlev, A.L. (2018). Kollektivnyi sub'ekt kak fenomen i ponyatie v sovremennoi psikhologii. In A.L. Zhuravlev & E.A. Sergienko (Eds.), *Razrabotka Ponyatii Sovremennoi Psikhologii* (pp. 116–161). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L., & Nestik, T.A. (2010). *Psikhologiya Upravleniya Sovmestnoj Deyatel'nost'yu. Noveye Napravleniya Issledovanij*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 23 May 2019

Revised: 15 August 2019

Accepted: 26 August 2019

For citation:

Pavlova, N.D., Voronin, A.N., Grebenshikova, T.A., & Kubrak, T.A. (2019). Development of Approach to Typology of Internet Communities Based on Discursive Markers of Collective Subjectivity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 341–358. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-341-358>

Bio notes:

Natalya D. Pavlova, Doctor Sc. of Psychology, is Head of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. ORCID iD: 0000-0002-5120-4404; eLIBRARY SPIN-code: 2357-2891. E-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Anatoly N. Voronin, Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, is Chief Researcher of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. ORCID iD: 0000-0002-6612-9726; eLIBRARY SPIN-code: 2852-2031. E-mail: voroninan@bk.ru

Taisiya A. Grebenshikova, Ph.D. in Psychology, is Senior Researcher of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. ORCID iD: 0000-0002-1815-4572; eLIBRARY SPIN-code: 7146-6411. E-mail: gretiya@mail.ru

Tina A. Kubrak, Ph.D. in Psychology, is Senior Researcher of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. ORCID iD: 0000-0002-0701-1736; eLIBRARY SPIN-code: 4443-1814. E-mail: kubrak.tina@gmail.com

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376

УДК 316.62

Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи**Е.Е. Бочарова**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Целью исследования, представленного в статье, является эмпирическое изучение типичных жизненных сфер проявления социальной активности личности. Эмпирическое исследование выполнено на выборке учащейся молодежи ($N = 236$), в которой представлены старшеклассники общеобразовательных школ ($n = 118$) и студенты вузов ($n = 118$) Саратова и Саратовской области, с применением анкеты, направленной на регистрацию различных форм социальной активности и степени их выраженности (Р.М. Шамионов, И.В. Арендачук, Е.Е. Бочарова, М.В. Григорьева, А.И. Заграничный, М.А. Кленова, Н.В. Усова, О.А. Черкаева, А.А. Шаров, 2018), и методики «Морфологический тест жизненных ценностей» (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина, 2001) для исследования жизненных сфер. В качестве гипотезы выступило предположение о наличии типичных сфер проявления разных форм социальной активности, отличающихся содержательной направленностью.

В результате исследования установлено, что типичными сферами проявления социальной активности молодежи являются сферы профессиональной (учебно-профессиональной) жизни, общественной активности, образования и увлечений. Выявлены типичные сферы проявления различных форм социальной активности: сфера профессиональной (учебно-профессиональной) жизни – досуговая, альтруистическая, социально-экономическая, духовная, интернет-сетевая, социально-политическая, гражданская формы активности; сфера общественной активности – досуговая, альтруистическая, социально-экономическая, социально-политическая формы активности; сфера образования – досуговая, альтруистическая, образовательно-развивающая, протестная формы активности; сфера увлечений – досуговая, альтруистическая, духовная, гражданская; сфера семейной жизни – альтруистическая, субкультурная формы активности. Зафиксированы противоречивые тенденции функционального проявления в развертывании одних форм социальной активности в различных жизненных сферах и ограничении других форм социальной активности, сфер их проявления. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке программ молодежной политики.

Ключевые слова: личность; социальная активность; формы социальной активности; жизненные сферы; мотивы; учащаяся молодежь

© Бочарова Е.Е., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В условиях транзитивных изменений российского общества теоретическое развитие проблемы социальной активности личности, группы и ее эмпирическая разработка являются одним из приоритетных направлений различных отраслей психологической науки. Это связано прежде всего с пониманием и признанием социальной активности в качестве существенного фактора в определении и росте субъектных возможностей человека, в преобразовании (или создании) им окружающей действительности и самого себя. В этом ключе выполнено множество исследований, среди которых особого внимания заслуживают работы К.А. Абульхановой-Славской (2001), И.Г. Дубова (2010), А.Л. Журавлева (2007; 2018), А.И. Крупнова (1984), С.И. Кудинова, С.Р. Айбазовой (2015), А.Б. Купрейченко (2007), Д.А. Леонтьева (1996), Б.Ф. Ломова (1981), Т.А. Нестика (2018), А.В. Петровского (1996), Е.А. Сергиенко (2008), Р.М. Шамионова (2018), А.Г. Григорьева (в соавторстве с Р.М. Шамионовым: Shamionov, Grigoryev, 2019) и ряда других исследователей.

В используемых и разрабатываемых отечественными исследователями концепциях социальной активности личности и группы (Кудинов, 2014; Лабунская, Волгина, 2016; Левшина, Лунин, 2015; Леонтьев, 2004; Ситаров, Маралов, 2015; Троцук, Сохадзе, 2014; Шамионов, 2018; Shamionov, Grigoryev, 2019 и др.) центральным объектом становится не столько деятельность, сколько человек с его потенциальностью к активной, целенаправленной, свободной реализации в сферах жизнедеятельности. Акцентируя внимание на активной роли субъекта жизнедеятельности, исследователи признают ее творческий характер, способность к самостоятельности, саморегуляции и самоорганизации. При этом следует учитывать, что имеют место быть не только изменения объекта социальной действительности, но и постоянные изменения самого субъекта, в частности, через промежуточные цели, в процессе поиска и уточнения целей социальной жизнедеятельности. Являясь ключевой характеристикой субъекта, социальная активность не только детерминируется социальной деятельностью, но также сама обуславливает и регулирует ее (Журавлев, 2007, 2018; Нестик, 2018; Шамионов, 2018, 2019; Brown et al., 2012).

На разном эмпирическом материале установлены и подтверждены факты, свидетельствующие о том, что сегодня в условиях динамично меняющейся социальной реальности социальная активность личности и группы все больше становится действенным фактором регуляции процессов самоопределения и самореализации (Арендачук, 2018; Бочарова, 2018; Кудинов, 2014) и в целом определяет траекторию развития личности и реализации своего социального «Я» в разных сферах социальной жизнедеятельности, в соответствии с которой она реализует свой субъектный потенциал. Таким образом, современный контекст понимания социальной активности связан с индивидуальной или групповой деятельностью, направленной на изменение личностью своего социального «Я», места в обществе (социуме), а также общества (социума) в целом (Купрейченко, 2007; Моисеев, 2013).

Необходимо принять во внимание, что изменения, затрагивающие все сферы жизни общества, создают новую социальную ситуацию, определяющую особенности жизнедеятельности человека и специфику его функционирования в разнообразных жизненных сферах, связанных со стремлением к реализации своих жизненных ценностей, отражающих потребности индивида во включении в то или иное пространство жизнедеятельности. Не исключено, что в этом случае происходит изменение содержательных характеристик социальной активности, ее форм и их субъективных оценочных значений, раскрывающих общую направленность личности в ответ на социальные перемены. При этом направленность личности являет собой обобщенную репрезентацию развития субъекта «...как способного осознанно и планомерно реализовывать свою социальную сущность сообразно социальным представлениям, нормам, ценностям и ролевым позициям, усвоенным в процессе социализации» (Шамионов, 2018. С. 385). Безусловно, в этом случае является особенно важным определение системы способов общественного бытия личности в органичном единстве с индивидуальным.

Обращаясь к изучению социальной активности, исследователи достаточно часто уточняют направленность ее проявления, сферы локализации – жизненная сфера, сфера жизнедеятельности, сфера бытия, сфера социальных практик и т.д., связанные, очевидно, с попытками структурирования жизни человека. Заметим, что при изучении конструкта жизнедеятельности исследователи склонны рассматривать его как форму деятельно-преобразующего отношения субъекта к собственной жизни в целом (Карпинский, 2010; Левшина, Лунин, 2015). В ряде исследований постулируется, что жизнедеятельность не прибавляется в качестве еще одного вида к тому репертуару деятельностей, который присущ конкретной личности. Она выступает метасистемным уровнем организации всех видов деятельности, которые практикуются личностью в ее индивидуальной жизни (Карпинский, 2010). Достаточно часто в контексте жизнедеятельности человека понятие «сфера» используется для обозначения частного вида или области деятельности, отличающейся содержательной «нагруженностью» (к примеру, сфера профессиональной жизнедеятельности, образовательной, увлечений и т.д.) или релевантной тем или иным жизненными ценностями (Леонтьев, 1981). В ряде случаев исследователями предпринимаются попытки концептуализации конструкта «сфера жизнедеятельности» через категорию «ограничение», фиксирующую границы активности субъекта, связанную с удовлетворением его тех или иных потребностей, реализацией мотивов (Бочарова, 2012).

Важным обстоятельством является понимание того, что социальная активность имеет тесные взаимосвязи со структурой мотивационно-потребностной сферы человека. Данную взаимосвязь наиболее детально рассматривал В.В. Новиков, который выделил три подструктуры мотивов социальной активности: подструктуру потребностей, подструктуру внутреннего контроля, подструктуру целей. Эти подструктуры состоят из различных мотивационных компонентов, обуславливающих социальную активность личности.

В процессе формирования мотивов социальной активности происходит актуализация тех или иных мотивационных компонентов (Новиков, 1998). Примечательно, что мотивы участия личности в социально-значимой деятельности, как показано в ряде исследований (Журавлев, Купрейченко, 2007; Левшина, Лунин, 2015; Троцук, Сохадзе, 2014), варьируют от искреннего желания помочь (милосердия) до преследования рациональных и вполне прагматичных целей самореализации.

Весьма существенным является признание исследователями (Арендчук, 2018; Бочарова, 2018) социальной активности как особой формы связывания, координации и интеграции доступных для личности видов деятельности, проявляющейся как полидеятельностное образование, наделенное характеристиками полинаправленности, разноуровневости и избирательности функционального проявления в развертывании социальной деятельности. В этой связи можно полагать, что социальная активность разворачивается в разных сферах жизнедеятельности человека, а не ограничивается релевантной ей деятельностью (к примеру, актуализация образовательно-развивающей активности в профессиональной сфере жизнедеятельности, физической активности, сфере семейных отношений и т.д.). Однако в большинстве случаев направленность современных исследований связана со «специализацией» изучения той или иной формы социальной активности без уточнения диапазона сфер ее проявления либо с фиксацией соответствующей ей деятельности.

В целом вполне объяснимо пристальное внимание исследователей к изучению проблемы социальной активности молодежи, форм ее проявления в разных сферах жизнедеятельности, значимость которой определяется не только социально-возрастной спецификой развития этой группы, но и прогнозированием перспектив общественного развития.

Цель эмпирического исследования, представленного в данной статье, заключается в изучении типичных сфер проявления социальной активности учащейся молодежи. Предполагается наличие типичных сфер проявления разных форм социальной активности, отличающихся содержательной направленностью.

Процедура и методы

Участники исследования. Исследование выполнено на выборке учащейся молодежи ($N = 236$), преимущественно женского пола (72,7 %), из них: студенты вузов Саратова ($n = 118$) (СГУ имени Н.Г. Чернышевского и СГТУ имени Ю.А. Гагарина), средний возраст которых соответствует 18,22 ($SD = 0,87$), и старшеклассники общеобразовательных школ Саратова и Саратовской области ($n = 118$), средний возраст которых – 16,43 ($SD = 0,53$).

Методики. Для изучения различных форм социальной активности и степени их выраженности применена специально разработанная коллективом авторов (Р.М. Шамионов, И.В. Арендчук, Е.Е. Бочарова, М.В. Григорьева,

А.И. Заграничный, М.А. Кленова, Н.В. Усова, О.А. Черкаева, А.А. Шаров) анкета, включающая 12 утверждений. Подробное описание анкеты опубликовано ранее (Бочарова, 2018). Испытуемым предлагалось оценить проявление своей активности (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) по 5-балльной шкале Лайкерта (где несогласие – 1 балл, максимальное согласие – 5 баллов).

Для изучения предпочтений жизненных сфер в реализации социальной активности респондентов, а также фиксации их мотивов актуализации применен «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной (Сопов, Карпушина, 2002), включающий 112 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале. Согласно мнению авторов, под жизненной сферой следует понимать социальную сферу, где осуществляется деятельность человека. В перечень жизненных сфер отнесены: сфера профессиональной жизни, сфера образования, сфера семейной жизни, сфера общественной активности, сфера увлечений, сфера физической активности (Сопов, Карпушина, 2002). Соотношение выраженности форм социальной активности в той или иной жизненной сфере позволяет выделить типичные сферы проявления социальной активности с фиксацией актуальных мотивационных паттернов «социальная активность – сфера-ценность».

Статистические методы. Первичные данные исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательная статистика, корреляционный анализ (r Пирсона) с помощью программного пакета Statistica for Windows.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего необходимо отметить, что данные ранее предпринятого нами исследования различных форм социальной активности учащейся молодежи свидетельствуют о доминировании таких ее форм, как досуговая, интернет-сетевая, образовательно-развивающая. Данный факт подтвержден результатами попарного сравнительного анализа показателей разных форм социальной активности молодежи, различия которых соответствуют t -критерию Стьюдента от 2,58 до 3,23 при $p \leq 0,01$ (Бочарова, 2018). Кстати, нужно отметить, что аналогичные результаты были получены и И.В. Арендачук (Арендачук, 2018), предпринявшей анализ различных форм социальной активности и их выраженности на выборке учащейся и работающей молодежи.

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о наличии 155 статистически значимых взаимосвязей между параметрами социальной активности и жизненными сферами, а также паттернами «сфера-ценность».

Взаимосвязь параметров социальной активности, жизненных сфер и паттернов «сфера-ценность» (N = 236)
[Interconnection between parameters of social activity, life spheres and “sphere-value” patterns (N = 236)]

Формы социальной активности	Жизненные сферы, их ценностное содержание
Альтруистическая 22 связи (14,19 %)	<i>Сфера профессиональной жизни</i> (.148*): социальные контакты (.179**), достижения (.234***), сохранение индивидуальности (.159*)
	<i>Сфера образования</i> (.155*): социальные контакты (.158*), собственный престиж (.151*), сохранение индивидуальности (.144*)
	<i>Сфера семейной жизни</i> (.183**): духовное удовлетворение (.245***), креативность (.180*), собственный престиж (.210**)
	<i>Сфера общественной активности</i> (.168*): саморазвитие (.136*), креативность (.167*), социальные контакты (.193**)
	<i>Сфера увлечений</i> : саморазвитие (0.133*), духовное удовлетворение (-.134*), социальные контакты (.153*), достижения (.206**)
	<i>Сфера физической активности</i> : духовное удовлетворение (.143*), социальные контакты (.186**)
Досуговая 29 связей (18,7 %)	<i>Сфера профессиональной жизни</i> (.295***): духовное удовлетворение (.203**), социальные контакты (.247***), собственный престиж (.163*), достижения (.283***), сохранение индивидуальности (.318***)
	<i>Сфера образования</i> (.278***): креативность (.223***), социальные контакты (.287***), собственный престиж (.245***), достижения (.236***), сохранение индивидуальности (.194**)
	<i>Сфера семейной жизни</i> (.208**): саморазвитие (.215**), духовное удовлетворение (.349***)
	<i>Сфера общественной активности</i> (.048***): саморазвитие (.173**), духовное удовлетворение (.172**), креативность (.240***), социальные контакты (.228***), собственный престиж (.193**), материальное положение (.130*)
	<i>Сфера увлечений</i> (.233***): саморазвитие (.245***), креативность (.277***), социальные контакты (.154*), собственный престиж (.219***), достижения (.197**)
	<i>Сфера физической активности</i> : собственный престиж (-.176**)
Социально-политическая 11 связей (7,1 %)	<i>Сфера профессиональной жизни</i> (.168*): саморазвитие (.190**), духовное удовлетворение (.162*), социальные контакты (.165*), сохранение индивидуальности (.132*)
	<i>Сфера образования</i> : креативность (.186**)
	<i>Сфера семейной жизни</i> : саморазвитие (.153*)
	<i>Сфера общественной активности</i> (.156*): духовное удовлетворение (.182**), социальные контакты (.180**), достижения (.202**)
Интернет-сетевая 16 связей (10,3 %)	<i>Сфера профессиональной жизни</i> (.295***): саморазвитие (.223***), креативность (.129*), социальные контакты (.200**), собственный престиж (.140*), материальное положение (.210**)
	<i>Сфера образования</i> (.151*): достижения (.183**), материальное положение (.204**)
	<i>Сфера семейной жизни</i> : достижения (.277**), материальное положение (.206**)
	<i>Сфера общественной активности</i> : материальное положение (.183**)
	<i>Сфера увлечений</i> : духовное удовлетворение (-.226***), собственный престиж (.139*)
	<i>Сфера физической активности</i> : социальные контакты (.138*), материальное положение (.183**)

Продолжение табл.

Формы социальной активности	Жизненные сферы, их ценностное содержание
Гражданская 6 связи (3,87 %)	<p>Сфера профессиональной жизни: саморазвитие (–.164*), достижения (.131*)</p> <p>Сфера семейной жизни: Собственный престиж (.204**)</p> <p>Сфера увлечений: духовное удовлетворение (–.171**), достижения (.199**)</p> <p>Сфера физической активности: социальные контакты (.266***)</p>
Социально-экономическая 23 связи (14,84 %)	<p>Сфера профессиональной жизни (.195**): саморазвитие (.171**), духовное удовлетворение (.162*), социальные контакты (0.171**), достижения (.176**), сохранение индивидуальности (.173**)</p> <p>Сфера образования: креативность (.139*)</p> <p>Сфера семейной жизни (.206**): саморазвитие (.276***), креативность (.219***)</p> <p>Сфера общественной активности (.213**): духовное удовлетворение (.168*), социальные контакты (.202**), собственный престиж (.211**), достижения (.207**)</p> <p>Сфера увлечений (.201**): саморазвитие (.137*), духовное удовлетворение (0.158*), креативность (.132*), социальные контакты (.210**), достижения (.149*), сохранение индивидуальности (.154*)</p> <p>Сфера физической активности: достижения (.197**)</p>
Образовательно-развивающая 14 связей (9 %)	<p>Сфера профессиональной жизни: саморазвитие (–.293***), креативность (–.178**), материальное положение (.159*)</p> <p>Сфера образования (.169**): духовное удовлетворение (.192**), собственный престиж (.140*), достижения (.174**), материальное положение (.236***)</p> <p>Сфера семейной жизни: Саморазвитие (–.362***)</p> <p>Сфера общественной активности (–.129*): духовное удовлетворение (–.147*), достижения (–.171**)</p> <p>Сфера увлечений: духовное удовлетворение (.230***), материальное положение (–.231***)</p>
Духовная 22 связи (14,2 %)	<p>Сфера профессиональной жизни (.215***): духовное удовлетворение (.165*), креативность (.170**), собственный престиж (.163*), достижения (.171**), сохранение индивидуальности (.191**)</p> <p>Сфера образования (.203**): духовное удовлетворение (.170**), креативность (.251***), социальные контакты (.203**)</p> <p>Сфера семейной жизни: духовное удовлетворение (.203**)</p> <p>Сфера общественной активности (.155*): социальные контакты (.170**), сохранение индивидуальности (.177**)</p> <p>Сфера увлечений (.257***): саморазвитие (.224***), духовное удовлетворение (.181**), креативность (.290***), социальные контакты (.174**), достижения (.200**), сохранение индивидуальности (.227***)</p> <p>Сфера физической активности: сохранение индивидуальности (.130*)</p>
Религиозная 0 связей	–
Протестная 4 связи (2,6 %)	<p>Сфера образования (–.136*): достижения (–.298***)</p> <p>Сфера семейной жизни: достижения (–.130*)</p> <p>Сфера увлечений: достижения (–.141*)</p>
Радикально-протестная 0 связей	–

Формы социальной активности	Жизненные сферы, их ценностное содержание
Субкультурная 8 связей (5,2 %)	Сфера образования: духовное удовлетворение (–.143*), социальные контакты (.130*)
	Сфера семейной жизни: социальные контакты (.168*), достижения (–.183**), сохранение индивидуальности (.158*)
	Сфера общественной активности: сохранение индивидуальности (.156*)
	Сфера увлечений: социальные контакты (.195**)
	Сфера физической активности: собственный престиж (.130*)

Примечания. Нули в коэффициентах опущены.

* – $p < .05$; ** – $p < .01$; *** – $p < .001$.

Согласно данным, представленным в таблице, типичными сферами проявления альтруистической активности являются сферы профессиональной жизни, образования, семейной жизни, общественной активности и увлечений – в отношении каждой из них выявлено по 4 связи из 22 установленных (по 18 %). Сфера физической активности менее предпочитаема в реализации альтруистической активности молодежи, свидетельством того является наличие всего 2 взаимосвязей из 22 установленных (9 %). Мотивом реализации альтруистической активности как безвозмездной помощи в большинстве случаев выступает устремленность молодых людей к проявлению своих творческих возможностей, расширению социальных контактов, самосовершенствованию, признанию окружающими. Примечательно, что отсутствие духовного удовлетворения в сфере увлечений актуализирует альтруистическую активность в этой же жизненной сфере ($r = -0,134^*$).

Доминирующее количество взаимосвязей обнаружено между параметрами досуговой активности и жизненными сферами молодежи (29 связей, 18,7 % от общего количества). Наиболее типичными сферами ее проявления являются: сфера общественной активности (7 связей из 29 выявленных, 24,1 %), сферы профессиональной жизни, образования и увлечений (по 6 связей, по 20,7 %). Меньшим количеством взаимосвязей представлены сферы семейной жизни (3 связи из 29, 10,3 %) и физической активности (1 связь, 3,4 %). Вполне вероятно, что реализация досуговой активности связана с поиском единомышленников, интересных людей в сферах общественной жизни ($r = 0,228^{***}$), профессиональной (учебно-профессиональной) жизни ($r = 0,247^{***}$), образования ($r = 0,287^{***}$) и увлечения ($r = 0,154^*$). Кроме того, весьма существенной для молодежи является возможность самореализации своих творческих способностей, внесения нововведений в области методов и организации деятельности, творческих преобразований в сферах образования ($r = 0,223^{***}$), общественной активности ($r = 0,240^{***}$), увлечений ($r = 0,277^{***}$), обретения духовного удовлетворения в сферах профессиональной (учебно-профессиональной) жизни ($r = 0,203^{**}$) и общественной активности ($r = 0,172^{**}$). Вне сомнений значимость мнений окружающих, их оценок достижений молодых людей, подтверж-

дающих престиж последних в сферах общественной активности ($r = 0,193^{**}$), профессиональной (учебно-профессиональной) жизни ($r = 0,163^*$), образования ($r = 0,245^{***}$) и увлечений ($r = 0,219^{***}$).

Наиболее типичными сферами проявления социально-политической активности, отличающейся наличием 11 связей (7,1 %), являются сферы профессиональной и общественной жизни. Данный факт подтверждается наличием наибольшего количества выявленных взаимосвязей социально-политической активности и паттернов «сфера-ценность» (5 связей, 45,4 % и 4 связи, 36,4 % соответственно). Можно полагать, что мотивом актуализации социально-политической активности (участие в деятельности политической партии или объединения, в политических митингах, шествиях, акциях и других подобных формах политической активности) в этих сферах выступает стремление к расширению социальных контактов ($r = 0,165^*$ и $r = 0,180^{**}$ соответственно) и духовному удовлетворению ($r = 0,162^*$ и $r = 0,182^{**}$ соответственно) от сопричастности с Другими, желающими, вероятно, сделать жизнь общества более благополучной, отстаивая при этом собственное мнение, взгляды, убеждения ($r = 0,132^*$).

Типичной сферой проявления интернет-сетевой активности, связанной с участием молодежи в различных сетевых группах и сообществах, интерактивном коллективном взаимодействии, а также с открытым выражением собственного мнения и позиции в виртуальной среде и т.п., является сфера профессиональной (учебно-профессиональной) жизни, на которую выпадает наибольшее количество взаимосвязей: 6 из 16 выявленных (37,5 %). Вполне очевидно, что мотивами ее реализации, согласно данным корреляционного анализа, являются стремления к саморазвитию ($r = 0,223^{***}$), расширению круга общения ($r = 0,200^{**}$), творческой самореализации ($r = 0,129^*$) и самоутверждению, признанию окружающих ($r = 0,140^*$), не исключается при этом поиск источников своей финансовой самостоятельности и способов возможного улучшения материального положения ($r = 0,210^{**}$).

Достаточно «диффузное распределение» наблюдается относительно сфер проявления гражданской активности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданских позиций по вопросам общественной жизни, максимальная выраженность которых не превышает 2 из 6 установленных взаимосвязей (33,3 %), – это сферы профессиональной жизни (2 связи из 6 установленных, 33,3 %) и увлечений (2 связи из 6, 33,3 %). Не исключено, что мотивы реализации гражданской активности, как свидетельствуют данные корреляционного анализа, связаны с достижением узколичностных целей, решением локальных проблем в сфере профессиональной жизни ($r = 0,131^*$) и сфере увлечений ($r = 0,199^{**}$). Однако актуализация гражданской активности молодых людей в сферах профессиональной жизни и увлечений может сопровождаться ограничениями в их саморазвитии, сужением круга интересов, увлечений (обратные связи: «сфера профессиональной жизни – саморазвитие» ($r = -0,164^*$); «сфера увлечений – духовное удовлетворение» ($r = -0,171^{**}$)). Иначе говоря, стремление к наиболее полной реализации своих способностей в сферах профессиональной жизни и увлече-

ний, а также к удовлетворению духовных потребностей является фактором дезактуализации гражданской активности в этих сферах жизнедеятельности.

Наиболее типичными сферами проявления социально-экономической активности, предполагающей совмещение работы и учебы, работы во время каникул, различные формы заработка через интернет, участие в экономических объединениях и организациях с целью зарабатывания денег и распоряжения ими и другие виды экономической деятельности, согласно данным корреляционного анализа, выявившего 23 значимые корреляционные связи, являются сферы увлечений (7 связей, 30,43 %), профессиональной (6 связей, 26 %) и общественной жизни (5 связей, 21,7 %). Стоит обратить внимание на то, что увлечения, хобби учащейся молодежи становятся одним из источников поддержания или укрепления их материального благополучия ($r = 0,201^{**}$). При этом наблюдается стремление к творческой реализации своих потенциальных возможностей в сфере увлечений ($r = 0,132^*$) и получению удовлетворения от этого процесса ($r = 0,158^*$), поиску единомышленников ($r = 0,210^{**}$), отличающихся социально-экономической активностью, и взаимодействию с ними, не исключая в этом случае подтверждения своей уникальности и индивидуальности ($r = 0,154^*$) («не хуже, а может быть, и лучше других»). Проявление социально-экономической активности в сфере профессиональной (учебно-профессиональной) жизни связано с заинтересованностью в информации о своих профессиональных способностях и возможности их развития ($r = 0,171^{**}$), со стремлением к получению интересной, содержательной работы или профессии ($r = 0,162^*$), к расширению круга единомышленников ($r = 0,171^{**}$) и подтверждению индивидуального своеобразия и неповторимости ($r = 0,173^{**}$). Важным является и тот факт, что реализация социально-экономической активности молодежи в сфере профессиональной (учебно-профессиональной) жизни сопряжена со стремлением к достижению конкурентных и существенных результатов ($r = 0,176^{**}$); в сфере общественной жизни – с реализацией узколичностных целей, в частности, достижения конкретных результатов, обеспечивающих повышение самооценки ($r = 0,176^{**}$) и собственного престижа ($r = 0,207^{**}$), расширения полезного круга общения ($r = 0,202^{**}$). Примечательно, что в этом случае реализация социально-экономической активности в сфере общественной жизни приносит молодым людям моральное удовлетворение ($r = 0,168^*$).

Наиболее типичной сферой проявления образовательно-развивающей активности учащейся молодежи является сфера образования, отличающаяся наибольшим количеством взаимосвязей: 5 из 14 выявленных (35,7 %). Можно полагать, что актуализация образовательно-развивающей активности в сфере образования ($r = 0,169^*$) определяется, прежде всего, стремлением молодежи к получению морального удовлетворения в процессе повышения своего образовательного уровня ($r = 0,192^{**}$), его признанием, высокой оценкой в обществе ($r = 0,140^*$). Весьма существенной является ориентация учащихся и на конкретный результат своей образовательно-развивающей деятельности ($r = 0,174^{**}$), достижение которого (получение знаний, высшего образования, профессии и т.д.)

во многом определяет возможность последующего трудоустройства, перспективы профессионального роста и материального благополучия ($r = 0,236^{**}$). Важно отметить проявление образовательно-развивающей активности в сфере профессиональной (учебно-профессиональной) жизни, выраженность которой определяется меньшим количеством взаимосвязей (3 из 14 установленных, 21,4 %). Кроме того, сосредоточенность молодых людей на самосовершенствовании в профессиональной (учебно-профессиональной) сфере ($r = -0,293^{***}$) и на творческой самореализации ($r = -0,178^{**}$) выступает, на наш взгляд, фактором ограничения их образовательно-развивающей активности в сфере профессиональной (учебно-профессиональной) жизни. Исключение составляет стремление к финансовой независимости ($r = 0,159^*$).

Доминирующими сферами проявления духовной активности молодежи являются сфера увлечений (7 взаимосвязей из 22 выявленных, 32 %) и сфера профессиональной жизни (6 связей из 22 выявленных, 27,2 %). Актуализация этой активности связана со стремлением молодежи использовать свое увлечение, хобби для максимального раскрытия своих возможностей ($r = 0,224^{***}$), получения духовного удовлетворения ($r = 0,181^{**}$), творческой самореализации ($r = 0,290^{***}$), расширения круга общения ($r = 0,174^{**}$), проявляя при этом целеустремленность в достижении ($r = 0,200^{***}$) и независимость ($r = 0,227^{***}$). В сфере профессиональной жизни духовная активность молодежи ($r = 0,215^{***}$) раскрывается во взаимосвязи со стремлением к получению интересной, содержательной работы или профессии, отличающейся возможностями получения духовного удовлетворения ($r = 0,165^*$), творческой самореализации ($r = 0,170^{**}$), признания и уважения в обществе ($r = 0,163^*$), высоких достижений ($r = 0,171^{**}$), проявления социальной независимости и поддержания собственной индивидуальности ($r = 0,191^{**}$).

Проявление протестной активности в сфере образования, отличающееся наибольшим количеством взаимосвязей (2 связи из 4 выявленных, 50 %), характеризуется наличием противоречивых тенденций. С одной стороны, по мнению молодых людей, не вполне приемлемым является проявление протестной активности в сфере образования, подтверждением тому служит наличие обратной взаимосвязи ($r = -0,136^*$). С другой стороны, отсутствие возможностей самореализации в сфере образования, достижения ожидаемых результатов образовательного процесса, определяющих возможные перспективы реализации других жизненных целей, приводит к актуализации протестной активности в сфере образования ($r = -0,298^{***}$). Примечательно, что неудовлетворенность своими достижениями в сферах семейной жизни и увлечений также ведет к открытому выражению протестной позиции ($r = -0,130^*$ и $r = -0,141^*$ соответственно), в том числе и через средства коммуникации и сети Интернет. Приведенные данные можно объяснить тем, что молодые люди, ожидания которых не соответствуют реальным достижениям, будут проявлять протестную активность в различных жизненных сферах по компенсаторному механизму.

Выраженной сферой проявления субкультурной активности молодежи выступает сфера семейной жизни (3 взаимосвязи из 8 выявленных, 37,5 %).

Возможно, активность молодых людей, связанная с демонстрацией своей субкультурной приверженности, обусловлена потребностью расширения круга общения ($r = 0,168^*$), поиском подтверждения своей уникальности и индивидуальности членами семьи и ближайшими родственниками ($r = 0,158^*$). При этом чем больше семейное окружение признает успехи и достижения молодежи, тем в меньшей степени молодые люди проявляют субкультурную активность (обратная связь). Вероятно, что в случае признания семейным окружением уникальности и индивидуальности наблюдается дезактуализация субкультурной активности представителей молодежи.

Отметим, что разные формы социальной активности обладают различной степенью значимости в жизненных сферах, где личность проявляет свою активность. Не исключено, что данный факт и является объяснением отсутствия проявлений религиозной и радикально-протестной форм активности в тех или иных жизненных сферах, очевидно, не имеющих какое-либо значение для молодежи.

Особое внимание заслуживает частота выраженности значимых взаимосвязей между различными формами социальной активности и сферами их реализации, что позволяет в целом уточнить типичные сферы проявления социальной активности молодежи. Наибольшее количество взаимосвязей различных форм социальной активности выпадает на сферу профессиональной (учебно-профессиональной) жизни – 38 связей из 155 установленных (24,5 %); сфера увлечений отличается наличием 32 связей из 155 (20,6 %); сферы образования и общественной активности характеризуются паритетной выраженностью выявленных взаимосвязей – по 28 из 155 (по 18,1 %). Обнаружено 20 связей из 155 между сферой семейной жизни и разными формами социальной активности, что соответствует 12,9 %. Наименьшее количество взаимосвязей различных форм социальной активности приходится на сферу физической активности – 9 из 155 установленных (5,8 %). Данный факт позволяет прийти к заключению, что типичными сферами проявления социальной активности молодежи являются сферы профессиональной (учебно-профессиональной) жизни, увлечений, образования и общественной активности.

Весьма существенным является и уточнение потребностей молодежи, которые могут составлять структуру мотивов ее социальной активности. Так, в их число, например, входят потребности в достижении – 23 связи из 133 зафиксированных «различные формы активности – ценность» (17,55 %); расширении социальных контактов, круга общения (22 связи из 133, 16,79 %); духовном удовлетворении, реализации своих морально-нравственных принципов (21 связь из 133, 16 %); самоизменении, саморазвитии (15 связей из 133, 11,45 %); признании и уважении, собственном престиже (14 связей из 133, 10,68 %); реализации творческих способностей, готовности к новому опыту (14 связей из 133, 10,68 %); сохранении собственной индивидуальности (13 связей из 133, 9,92 %); материальном благополучии (9 связей из 133, 6,87 %). Данный факт мы склонны интерпретировать как проявление тенденции нравственно-деловой направленности социальной активности молодежи. Однако

следует принимать во внимание, что в зависимости от социально-возрастных, социо-этнокультурных, социально-территориальных и прочих характеристик индивида совокупность потребностей и, стало быть, структура мотивов социальной активности может меняться.

Заключение

Выполненный анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы.

Социальная активность учащейся молодежи выступает как полидеятельностное образование, наделенное характеристиками полинаправленности, разноуровневости и избирательности функционального проявления в развертывании социальной деятельности. Данный факт подтверждается разным количеством выявленных взаимосвязей между жизненными сферами и разными формами социальной активности.

Максимальное количество взаимосвязей обнаруживают досуговая, социально-экономическая, альтруистическая и духовная формы активности, очевидно, имеющие особую значимость для молодежи в их реализации и характеризующиеся наличием разного диапазона проявления типичных сфер. Досуговая активность молодежи разворачивается в весьма широком диапазоне типичных жизненных сфер: общественной активности, профессиональной (учебно-профессиональной) жизни, образования, увлечений. К числу типичных сфер проявления альтруистической активности отнесены сферы профессиональной (учебно-профессиональной) жизни, образования, семейной жизни, общественной активности и увлечений. Диапазон типичных сфер проявления социально-экономической активности ограничен двумя сферами – профессиональной (учебно-профессиональной) жизни и общественной активности. Сферы увлечений и профессиональной (учебно-профессиональной) жизни являются наиболее типичными сферами проявления духовной активности.

Интернет-сетевая, образовательно-развивающая и социально-политическая формы активности отличаются меньшим количеством взаимосвязей с жизненными сферами. В целом зафиксировано достаточно явное ограничение выраженности диапазона типичных сфер проявления: интернет-сетевая активность – сфера профессиональной (учебно-профессиональной) жизни; образовательно-развивающая активность – сфера образования; социально-политической активности – сферы профессиональной (учебно-профессиональной) жизни и общественной активности.

Минимальное количество взаимосвязей обнаруживают субкультурная активность, типичной сферой проявления которой является сфера семейной жизни, гражданская активность, типичным проявлением которой выступают сферы профессиональной (учебно-профессиональной) жизни и увлечений, и протестная активность, типичная локализация которой связана со сферой образования.

В ряде случаев зафиксированы противоречивые тенденции функционального проявления в развертывании одних форм социальной активности

в различных жизненных сферах и ограничении других форм социальной активности, сфер их проявления. К примеру, стремление к творческой самореализации молодежи в сферах профессиональной жизни и увлечений является фактором дезактуализации гражданской активности в этих сферах жизнедеятельности; отсутствие желаемых результатов в процессе образовательно-развивающей активности в сфере образования актуализирует протестную активность в различных жизненных сферах (по компенсаторному механизму).

Принимая во внимание количественно-качественные характеристики выраженности типичных сфер проявления разных форм активности, можно обобщить, что типичными сферами проявления социальной активности молодежи являются сферы профессиональной (учебно-профессиональной) жизни, общественной активности, образования и увлечений.

В целом отметим, что выполненное исследование развивает междисциплинарное теоретическое знание современной социальной психологии, расширяет границы проблемного поля социальной активности личности, группы и сфер ее реализации. Перспективы исследования заявленной проблематики связаны с уточнением типичных сфер проявления социальной активности личности в зависимости от ее социально-возрастного статуса.

Полагаем, что прикладной аспект разрабатываемой проблемы может быть реализован в подготовке программ молодежной политики.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298).

Список литературы

- Абульханова-Славская К.А. Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические философские, социокультурные аспекты. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. С. 36–52.
- Арендачук И.В. Ценностно-смысловые факторы социальной активности молодежи в разных условиях жизнедеятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 4 (28). С. 346–358. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358>
- Бочарова Е.Е. Границы социальной активности и субъективное благополучие молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 3. С. 5–11.
- Бочарова Е.Е. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 4. С. 333–345. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345>
- Дубов И.Г. Содержание категории «активность» в отечественной психологии // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 40–61.
- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2007. 408 с.
- Карпинский К.В. Жизнедеятельность как форма активности субъекта жизни // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 1. С. 184–202.

- Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 25–32.
- Кудинов С.И., Айбазова С.Р. Субъектная детерминация самореализации личности // Акмеология. 2015. № 2. С. 90–97.
- Кудинов С.С. Социальная активность как основа самореализации личности // Акмеология. 2014. № 1–2. С. 124–125.
- Лабунская В.И., Волгина С.В. Социальная активность молодежи как детерминанта социально-экономического развития среднего города (на примере города Волгодонска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3. С. 147–155.
- Левшина А.А., Лунин С.Л. Общественная деятельность молодежи: мотивы участия // Российский психологический журнал. 2015. № 2. С. 55–65.
- Леонтьев В.Г. Психологические источники активности личности // Психологические источники активности личности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 3–11.
- Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
- Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–13.
- Моисеев А.С. Психологический подход к определению понятия «социальная активность» // Социально-экономические и психологические проблемы управления. Ч. 1 / под общ. ред. М.Г. Ковтунович. М.: МГППУ, 2013. URL: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63212.shtml (дата обращения: 13.05.2019)
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 402 с.
- Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука. М.: Изд-во Института психотерапии, 1998. 464 с.
- Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 512 с.
- Сергиенко Е.А. Развитие идей психологии субъекта А.В. Брушлинского: системно-субъектный подход // Личность и бытие: субъектные подходы / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 54–58.
- Ситаров В.А., Маралов В.Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176. <http://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.15>
- Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей: руководство по применению: методическое пособие. Самара: Изд-во СамИКП – СНИЦ РАН, 2002. 56 с.
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–74.
- Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Brown C.L., Gibbons L.E., Kennison R.F., Robitaille A., Lindwall M., Mitchell M.B., Shirk S.D., Atri A., Cimino C.R., Benitez A., MacDonald S.W.S., Zelinski E.M., Willis S.L., Schaie Warner K., Johansson B., Dixon R.A., Mungas D.M., Hofer S.M., Piccinin A.M. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies // Journal of Aging Research. 2012. Article ID 287438. 12 p. <http://doi.org/10.1155/2012/287438>
- Shamionov R.M., Grigoryev A.V. The image of socially active individual in the representations of student youth // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). 2019. Vol. 7. No. 1. Pp. 15–20. <http://doi.org/10.5937/ijcrsee19010155>

История статьи:

Поступила в редакцию: 01 июня 2019 г.

Принята к печати: 25 июля 2019 г.

Для цитирования:

Бочарова Е.Е. Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 359–376. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>

Сведения об авторе:

Бочарова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. ORCID iD: 0000-0001-7814-158; eLIBRARY SPIN-код: 8715-9400. E-mail: bocharova-e@mail.ru

Research article

Typical Spheres of Social Activity Manifestation in Modern Youth

Elena E. Bocharova

Saratov State University

83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation

Abstract. The purpose of the study presented in the article is the empirical study of the typical life spheres where social activity of young people is manifested. The empirical study was carried out on a sample of student youth ($N = 236$), which included high school students from secondary schools ($n = 118$) and students from higher educational institutions ($n = 118$) from Saratov and the Saratov region. We used the questionnaire aimed at registering various forms of social activity and the degree of their manifestation (by R.M. Shamionov, I.V. Arendachuk, E.E. Bocharova, M.V. Grigorieva, A.I. Zagranichniy, M.A. Klenova, N.V. Usova, O.A. Cherekayeva, A.A. Sharov, 2018) and the technique called “Morphological Test of Life Values” (by V.F. Sopov, L.V. Karpushina, 2001) to study various life spheres. Presumably, there are typical spheres of manifestation of various forms of social activity, differing in content orientation. It has been established that the typical spheres of social activity manifestation in young people are the spheres of professional (educational and professional) life, social activity, education and hobbies. The study revealed the typical spheres for various forms of social activity manifestation. Among them are the sphere of professional (educational and professional) life, i.e. leisure, altruistic, socio-economic, spiritual, Internet-network, socio-political, and civil forms of activity; the sphere of social activity, i.e. leisure, altruistic, socio-economic, and socio-political forms of activity; the sphere of education, i.e. leisure, altruistic, educational and developmental, protest forms of activity; the hobby-related sphere, i.e. leisure, altruistic, spiritual, civil forms of activity; the sphere of family life, i.e. altruistic and subcultural forms of activity. We have discovered contradictory tendencies regarding functional manifestation in some forms of social activity in various life spheres and the restriction of other forms of social activity and areas of their manifestation. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the development of youth policy programs.

Key words: personality; social activity; social activity forms; life spheres; motives; student youth

Acknowledgments and Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-18-00298.

References

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (2001). Problema opredeleniya sub'yekta v psikhologii. *Sub'yekt deystviya, vzaimodeystviya, poznaniya (Psikhologicheskiye filosofskie, sotsiokul'turnyye aspekty)* (pp. 36–52). Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK" Publ. (In Russ.).
- Arendachuk, I. V. (2018). Value-Based Meaningful Factors of Social Activity of Youth under Different Conditions of Life Activities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(4), 346–358. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358>. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2012). Frontiers of social activity and subjective well-being of youth. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, (3), 5–11. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2018). Regulatory and Worldview Factors of Various Forms of Social Activity of Young People. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(4), 333–345. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345>. (In Russ.)
- Brown, C.L., Gibbons, L.E., Kennison, R.F., Robitaille, A., Lindwall, M., Mitchell, M.B., Shirk, S.D., Atri, A., Cimino, C.R., Benitez, A., MacDonald, S.W.S., Zelinski, E.M., Willis, S.L., Schaie Warner, K., Johansson, B., Dixon R.A., Mungas, D.M., Hofer, S.M., & Piccinin, A.M. (2012). Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies. *Journal of Aging Research*. Article ID 287438. <http://doi.org/10.1155/2012/287438>
- Dubov, I.G. (2010). Contents of the "action" category in Russian psychology. *Social Psychology and Society*, (1), 40–61. (In Russ.)
- Karpinskiy, K.V. (2010). Zhiznedeyatel'nost' kak forma aktivnosti sub'yekta zhizni. *Metodologiya i Istoriya Psikhologii*, 5(1), 184–202. (In Russ.)
- Krupnov, A.I. (1984). Psikhologicheskiye problemy issledovaniya aktivnosti cheloveka. *Voprosy psikhologii*, (3), 90–97. (In Russ.)
- Kudinov, S.S. (2014). Social activity as the basis of self-identity. *Akmeology*, (1–2), 124–125. (In Russ.)
- Kudinov, S.I., & Aybazova, S.R. (2015). Subject determination of self-realization of the personality. *Akmeology*, (2), 90–97. (In Russ.)
- Labunskaya, V.I., & Volgina, S.V. (2016). Youth social activity as a determinant of socio-economic development of the middle city (on example of city Volgodonsk). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, (3), 147–155. (In Russ.)
- Leontyev, D.A. (1996). Ot sotsial'nykh tsennostey k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoy regulyatsii deyatel'nosti. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, (4), 35–44. (In Russ.)
- Leontyev, V.G. (2004). Psikhologicheskiye istochniki aktivnosti lichnosti. In *Psikhologicheskiye istochniki aktivnosti lichnosti* (pp. 3–11). Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russ.)
- Levshina, A.A., & Lunin, S.L. (2015). Public Activities of Youth: Participation Motives. *Russian Psychological Journal*, 12(2), 55–65. (In Russ.)
- Lomov, B.F. (1981). Lichnost' v sisteme obshchestvennykh otnosheniy. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(1), 3–13. (In Russ.)
- Moiseev, A.S. (2013). Psikhologicheskii podkhod k opredeleniyu ponyatiya "sotsial'naya aktivnost'". In M.G. Kovtunovich (Ed.), *Sotsial'no-Ekonomicheskie i Psikhologicheskiye Problemy Upravleniya*, (1). Moscow: MGPPU Publ. Retrieved from http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63212.shtml. (In Russ.)

- Nestik, T.A., & Zhuravlev, A.L. (2018). *Psikhologiya Global'nykh Riskov*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Novikov, V.V. (1998). *Sotsial'naya Psikhologiya: Fenomen i Nauka*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Petrovskiy, V.A. (1996). *Lichnost' v Psikhologii: Paradigma Sub'yektnosti*. Rostov-on-Don: Feniks Publ. (In Russ.)
- Sergienko, E.A. (2008). Razvitie Idei Psikhologii Sub'yekta A.V. Brushlinskogo: Sistemno-Sub'yektnyi Podkhod. In A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina (Eds.), *Lichnost' i Bytie: Sub'yektnye Podkhod* (pp. 54–58). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Shamionov, R.M. (2018). Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 379–394. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>. (In Russ.)
- Shamionov, R.M., & Grigoryev, A.V. (2019). The image of socially active individual in the representations of student youth. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 7(1), 15–20. <http://doi.org/10.5937/ijcrsee1901015S>
- Sitarov, V.A., & Maralov, V.G. (2015). Social activity of an individual (levels, criteria, types and ways of its development). *Journal of Knowledge. Understanding. Skill*, (4), 164–176. <http://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.15>. (In Russ.)
- Sopov, V.F., & Karpushina, L.V. (2002). *Morfologicheskii Test Zhiznennykh Tsennostey: Manual*. Samara: Sam. IKP – SNTS RAN Publ. (In Russ.)
- Trotsuk, I.V., & Sokhadze, K.G. (2014). Social activity of the youth: approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary Russian society. *RUDN Journal of Sociology*, (4), 58–73. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L., & Kupreychenko, A.B. (2007). *Ekonomicheskoe Samoopredelenie: Teoriya i Empiricheskie Issledovania*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 01 June 2019

Revised: 15 July 2019

Accepted: 25 July 2019

For citation:

Bocharova, E.E. (2019). Typical Spheres of Social Activity Manifestation in Modern Youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 359–376. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>

Bio note:

Elena E. Bocharova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor of the Department of Social Educational and Developmental Psychology at Saratov State University. ORCID iD: 0000-0001-7814-158; eLIBRARY SPIN-code: 8715-9400. E-mail: bocharova-e@mail.ru

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-377-392

УДК 159.9.072

**Взаимосвязи виктимизации и эмоционального интеллекта:
половозрастные особенности****В.П. Шейнов**Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, 220001, Минск, ул. Московская, 15

Изучение виктимизации актуально ввиду ее большой распространенности в современном обществе и многочисленных отрицательных последствий как для жертв издевательств, так и для организаций, в которых они состоят. Цель данного исследования – изучить возможные взаимосвязи компонентов виктимизации с компонентами эмоционального интеллекта у русскоязычных юношей, девушек, мужчин и женщин. Подобные исследования ранее на русскоязычных выборках не проводились.

Всего в исследовании приняли участие 454 испытуемых, из них 115 женщин (средний возраст – 49,1 лет), 72 мужчины (средний возраст – 50,4 лет), 104 девушки (средний возраст – 19,1 лет) и 163 юноши (средний возраст – 19,1 лет). *Диагностика виктимизации осуществлялась* с помощью авторской методики оценки степени виктимизации взрослого индивида, для оценки компонентов эмоционального интеллекта (ЭИ) использовалась русскоязычная версия теста Н. Холла. Основным методом статистической обработки был корреляционный анализ. Установлено, что общим для всех групп является наличие отрицательных связей компонентов виктимизации с компонентами ЭИ. При этом связи для каждой из указанных групп различны. В частности: у девушек агрессивное поведение отрицательно коррелирует с управлением своими эмоциями, эмпатией, распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ; у юношей зависимое поведение отрицательно связано с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем ЭИ; у женщин агрессивное поведение отрицательно коррелирует с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем ЭИ; у мужчин агрессивность отрицательно связана с управлением своими эмоциями, самоменеджментом, распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ.

Сопоставление полученных результатов с результатами зарубежных исследований (преимущественно подростков) показывает, что характер и направленность взаимосвязей, выявленных в нашем исследовании, в целом не отличаются от установленных зарубежными авторами.

Ключевые слова: виктимизация; издеательства; эмоциональный интеллект; незащищенность от манипуляций; половозрастные особенности виктимизации

Введение

Виктимность (от лат. *victima* – жертва) – склонность человека к тому, чтобы стать жертвой преступления, несчастного случая, издевательств, травли, агрессии. Виктимизация – событие насилия или опыт переживания насилия, процесс

© Шейнов В.П., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

превращения индивида в жертву преступного посягательства, а также результат этого процесса. «Виктимизация – это не просто процесс превращения личности или социальной общности в жертву, а скорее – в жертву потенциальную, это процесс повышения степени виктимности» (Вишневецкий, 2014. С. 226).

Необходимость изучения процесса виктимизации объясняется ее широким распространением в современном обществе и многочисленными отрицательными последствиями для ее жертв (Domino, 2013; Hutchinson, Hurley, 2013; Sapouna, Wolke, 2013; Шейнов, 2018(а, б, в), 2019).

Действительно, издевательства являются наиболее распространенной формой насилия в школах и имеют длительные последствия во взрослой жизни (Domino, 2013). Так, в соответствии с данными Национального центра статистики образования США, около 40 % учащихся средней школы непосредственно участвуют в издевательствах не реже одного раза в неделю.

Издевательства на рабочем месте гораздо более распространены, чем обычно считается (Hutchinson, Hurley, 2013). Эмоциональные последствия издевательств ставят организацию под угрозу ухода пострадавших сотрудников, вносят разлад в рабочую среду, не способствуют необходимому сотрудничеству и могут снизить производительность труда на различных уровнях (Hutchinson, Hurley, 2013). То есть отрицательные последствия имеют место не только для самих жертв виктимизации, но и для организаций, а значит и для общества в целом.

Издевательства могут негативно отразиться и на последующей жизни жертвы: дети, подвергшиеся издевательствам, могут страдать социально и эмоционально и ухудшают свое поведение (Sapouna, Wolke, 2013). Взрослые, над которыми издеваются на рабочем месте, могут ухудшить свою самооценку, страдают от изоляции, напуганы, замкнуты и могут изолироваться от коллег по работе (Hutchinson, 2013). Как дети, так и взрослые подвергаются большому риску развития психической патологии (Hutchinson, Hurley, 2013; Sapouna, Wolke, 2013). Поэтому не удивительно, что возможны взаимосвязи между издевательствами, вызванной ими виктимизацией жертв и их эмоциональным интеллектом.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) – это набор способностей, связанных с пониманием, использованием и управлением эмоциями, как собственными, так и других людей. Д.В. Люсин определяет эмоциональный интеллект как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими» (Люсин, 2004, с. 33). Дж. Майер с соавторами (Mayer et al., 2008) определяют ЭИ как точное восприятие эмоций, использование эмоций для облегчения мысли, понимания эмоций и управления эмоциями.

Концепция ЭИ объединяет эмоциональные и интеллектуальные процессы (Tolegenova et al., 2012). Установлено, что индивиды с низким уровнем ЭИ чаще становятся и инициаторами, и жертвами издевательств или одновременно и теми, и другими (Beaver et al., 2016; Boutwell et al., 2017). Поэтому низкий ЭИ как хулигана, так и его жертвы, возможно, является причиной вовлеченности в виктимные отношения обоих.

Действительно, в ряде работ показано, что низкий ЭИ подростков является значимым предиктором распространения виктимизации вследствие издевательств сверстников, а также что ЭИ подростков имеет отрицательную корреляцию со склонностью к издевательствам над сверстниками (Lomas et al., 2012). Более конкретно: низкие показатели таких компонентов ЭИ, как «познание эмоций» и «эмоциональное управление и контроль» значительно предсказывают склонность подростков подвергаться виктимизации, а компонент ЭИ «понимание эмоций других» отрицательно связан с хулиганским поведением. В другом исследовании установлено, что виктимизация подростков отрицательно коррелирует с их ЭИ и эмпатией, при этом виктимизация «предсказывается полом, ЭИ и эмпатией» (Kokkinos, Kipritsi, 2012. С. 41).

Имеет место и обратная связь: виктимизация оказывает сильное негативное влияние на эмпатию жертвы (Hilton, 1993). Увеличение виктимизации связано с уменьшением эмпатии (Malti, Perren, Buchmann, 2010). Эти результаты показывают, что у жертв может быть меньше возможностей справиться со своими эмоциями или использовать их для принятия ответных решений. Неспособность управлять своими эмоциями может привести к отказу от общения со сверстниками, остающемуся в дальнейшем неизменным, что способствует сохранению виктимизации навсегда и еще больше вредит социальным навыкам жертвы; равные отношения и поддержка влияют на эмоциональную адаптацию (Sarouna, Wolke, 2013).

Х. Кескин с соавторами (Keskin et al., 2016) показал, что высокий уровень ЭИ дает сотрудникам возможность лучше справиться со стрессорами на рабочем месте. Джаханваш Карим с соавторами (Karim et al., 2015) установил, что недружественное поведение на рабочем месте стало важным промежуточным звеном между ЭИ и результатами работы. Высокий ЭИ связан с улучшениями в рабочей среде и является важным замедлителем реакций на конфликт на рабочем месте (Hutchinson, Hurley, 2013).

Подавляющее большинство опубликованных и процитированных выше исследований посвящены виктимизации детей и подростков. Для взрослых обоего пола, юношей и девушек явно просматривается недостаточная изученность проблемы их виктимизации. **Цель** данного исследования – изучить возможные взаимосвязи виктимизации и эмоционального интеллекта у русскоязычных юношей, девушек, мужчин и женщин.

Выделение нами категорий пола и возраста основано на результатах проведенных исследований, в которых выявлены половые и возрастные различия виктимизации. В зарубежных исследованиях установлено, что детерминанты виктимизации не идентичны для мужчин и женщин (Atik, Güneri, 2013; Moon, McCluskey, 2016; Popp, Peguero, 2010; Carbone-Lopez, Esbensen, Brick, 2010; Mustaine, 1997;). Аналогично и в русскоязычном социуме. Например, для такой компоненты виктимизации, как незащищенность от манипуляций, было установлено, что женщины в целом лучше мужчин защищены от манипуляций (Шейнов, 2012). Показано (Шейнов, 2018в), что более половины маркеров виктимизации юношей и девушек не являются маркерами виктимизации

мужчин и женщин. Поэтому необходимо изучать виктимизацию независимо для мужчин и женщин, юношей и девушек.

Указанные факторы оказали влияние на формулирование *задач исследования*: 1) определить характер взаимосвязей компонентов виктимизации с компонентами ЭИ для мужчин, женщин, юношей и девушек; 2) обнаружить общее и различное для указанных групп; 3) сопоставить полученные результаты с соответствующими зарубежными исследованиями.

Новизна данного исследования заключается: 1) в изучении проблемы виктимизации именно у русскоязычных юношей, девушек, мужчин и женщин; 2) в исследовании характера взаимосвязей компонентов виктимизации с компонентами ЭИ. Подобные исследования ранее не проводились.

Теоретико-методологической основой исследования является концепция деятельности А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна.

Материалы и методы

Участники исследования. Было протестировано 4 группы испытуемых: мужчины, женщины, юноши и девушки. Всего в исследовании приняли участие 454 испытуемых: 115 женщин (22–76 лет, $M = 49,1$), 72 мужчины (23–79 лет, $M = 50,4$), 104 девушки (17–20 лет, $M = 19,1$) и 163 юноши (17–21 год, $M = 19,1$). В их число вошли: слушатели курсов повышения квалификации в Республиканском институте высшей школы БГУ (Минск) – преподаватели высших и средних специальных учебных заведений Беларуси; студенты и преподаватели Гродненского государственного университета; преподаватели Белорусского и Гродненского государственных медицинских университетов и Академии МВД РБ; преподаватели Белорусского государственного педагогического университета, курсанты МЧС, учителя школ Минска.

В основу выделения двух возрастных групп внутри каждого пола положена известная классификация жизненных периодов – классификация АПН СССР (1965). В частности, юношеский возраст определяется в следующем диапазоне: юноши – 17–21 год, девушки – 16–20 лет. Все, кто старше, относятся к зрелому возрасту и пожилым людям.

Объединение всех взрослых в одну выборку позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии той или иной обнаруженной связи у мужчин и женщин вне зависимости от возраста взрослого человека. При этом возросший объем выборки способствует большей достоверности полученных результатов для мужчин и женщин.

Методики исследования. Диагностика виктимизации осуществлялась с помощью методики оценки степени виктимизации взрослого индивида (Шейнов, 2018в). Автором показано, что:

– тест оценки степени виктимизации для взрослых удовлетворяет стандартным критериям надежности: внутренняя согласованность, надежность частей теста, ретестовая надежность;

– тест валиден, удовлетворяя всем критериям валидности: 1) валидизации в процессе конструирования теста; 2) валидности содержательной, очевидной, текущей (диагностической), консенсусной, конструктивной, конвергентной, контрастной, гендерной;

– семь шкал (субтестов) теста диагностирует семь типов виктимизации: незащищенность от манипуляций, общую и реализованную виктимизацию, склонности к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типам виктимизирующего поведения;

– тест стандартизован: приведены нормы для мужчин и женщин, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения;

– виктимизация взрослых, диагностированная этим тестом, положительно связана со склонностью к рисковому поведению, с тревожностью, депрессией, низким самоуважением и отрицательно – с асертивностью (Шейнов, 2018в).

Оценка эмоционального интеллекта осуществлена с помощью теста Н. Холла (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002. С. 57–59). Она включает оценку пяти составляющих эмоционального интеллекта:

– *эмоциональной осведомленности* – осознания и понимания своих эмоций;

– *управления своими эмоциями* – эмоциональной отходчивости, эмоциональной гибкости;

– *самотивации* – управления своим поведением за счет управления эмоциями;

– *эмпатии* – понимания эмоций других людей, умения сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, а также готовности оказать поддержку;

– *распознавания эмоций других людей* – умения воздействовать на эмоциональное состояние других людей.

Общий эмоциональный интеллект – сумма всех пяти вышеперечисленных составляющих эмоционального интеллекта.

Успеваемость и тяга к курению оценивалась самими юношами и девушками, при этом самооценки подтверждались иными источниками.

Процедура исследования. Общение с испытуемыми и их коллективное тестирование происходили либо в процессе проведения с ними занятий по повышению квалификации (психодиагностика включена в программу занятий слушателей), либо на занятиях в студенческих группах. Всем испытуемым вручался комплект из трех вышеназванных тестов и бланк для ответов с записанным на нем персональным шифром испытуемого, по которому тот и узнавал свой личный результат.

Перед началом тестирования испытуемым зачитывалась инструкция, мотивирующая участников на серьезное отношение к обследованию. Предлагалось *анонимно* ответить на вопросы тестов с целью «узнать о некоторых своих качествах, которые крайне важны для достижения успеха и в отношениях с окружающими». О диагностируемых у них качествах испытуемые узнавали только в момент сообщения каждому его результатов.

Для отбраковки некачественных ответов в каждом комплекте тестов присутствовала шкала лжи. При сомнении в достоверности ответов они удалялись, а испытуемого просили повторно пройти тестирование. Однако таких случаев было немного, испытуемые проявили интерес к тестированию.

Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью пакета SPSS 20.0 (Наследов, 2007). В данной работе принят двусторонний уровень значимости $p = 0,05$.

Результаты

Перед корреляционным анализом результатов тестирования был решен принципиальный вопрос: какие статистические методы можно применять для их анализа – параметрические или непараметрические?

Для ответа на этот вопрос результаты по всем изучаемым переменным были проверены на соответствие нормальному закону распределения. Одновыборочный тест Колмогорова – Смирнова показал, что часть результатов тестирования распределена нормально, распределение других отлично от нормального. Незащищенность от манипуляций, общая виктимизация и общий показатель ЭИ оказались распределенными нормально, но их компоненты имели распределения, отличные от нормального. Успеваемость имеет нормальное распределение, а тяга к курению – нет. Поэтому для выборок, распределение которых отлично от нормального, использованы непараметрические методы статистического анализа, а для нормально распределенных – параметрические методы.

Выбор того или другого непараметрического метода должен учитывать предполагаемый характер связи – линейный или нелинейный. Теснота линейной связи определяется коэффициентом корреляции Пирсона, теснота нелинейной связи – непараметрическим коэффициентом корреляции Кендалла. Коэффициент ранговой корреляции Кендалла характеризует общий характер нелинейной зависимости: возрастание или убывание зависимого признака при возрастании независимого. Это показатель тесноты монотонной нелинейной связи.

Поскольку априори неизвестно, существует или нет зависимость между изучаемыми качествами личности, линейна или не линейна эта связь, и, кроме того, часть результатов тестирования подчиняется нормальному закону распределения, а часть – не подчиняется этому закону, то каждую связь мы оценили с помощью двух типов корреляции – Пирсона и Кендалла. Корреляционный анализ по Пирсону и Кендаллу выявил совпадающие связи – и по уровням значимости, и по знаку (отрицательному), но по абсолютной величине корреляции по Пирсону несколько сильнее корреляций по Кендаллу. Поскольку линейные связи по Пирсону оказались более сильно выраженными, это свидетельствует о том, что обнаруженные зависимости близки к линейным.

Проведенный корреляционный анализ дал результаты, представленные ниже в таблицах для определенных групп испытуемых. Для возможности сравнения корреляций различных переменных в таблицах приведены коэффициенты корреляции Кендалла.

Таблица 1/Table 1

Коэффициенты корреляции компонентов ЭИ и виктимизации у девушек (N = 104)
[Correlations between emotional intelligence and victimization in girls (N = 104)]

Компоненты ЭИ	Компоненты виктимизации					
	Агрессивное поведение	Само-разрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Эмоциональная осведомленность	-0,016	0,001	-0,074	-0,012	0,078	-0,010
Управление своими эмоциями	-0,191*	0,033	-0,324**	-0,458**	-0,128	-0,307**
Самоменеджмент	-0,096	0,072	-0,275**	-0,233*	0,023	-0,149
Эмпатия	-0,242*	-0,051	-0,189	-0,104	-0,043	-0,223*
Распознавание эмоций других людей	-0,250*	0,019	-0,182	-0,052	-0,161	-0,213*
Эмоциональный интеллект	-0,245*	0,030	-0,342**	-0,312**	-0,079	-0,294**

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Таблица 2/Table 2

Коэффициенты корреляции компонентов ЭИ и виктимизации у юношей (N = 163)
[Correlations between emotional intelligence and victimization in young men (N = 163)]

Компоненты ЭИ	Компоненты виктимизации					
	Агрессивное поведение	Само-разрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Эмоциональная осведомленность	0,017	-0,129	-0,044	0,009	0,083	-0,018
Управление своими эмоциями	-0,226	0,069	-0,471**	-0,226	0,054	-0,297*
Самоменеджмент	0,012	0,162	-0,298*	-0,073	0,188	0,013
Эмпатия	-0,099	0,163	0,008	-0,013	0,171	0,039
Распознавание эмоций других людей	0,106	0,192	0,074	-0,031	0,251*	0,191
Эмоциональный интеллект	-0,082	0,166	-0,252*	-0,120	0,208	-0,055

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Из табл. 1 следует, что компоненты виктимизации девушек отрицательно связаны с компонентами их ЭИ. А именно, отрицательно связаны: агрессивное поведение – с управлением своими эмоциями, эмпатией, распознаванием эмоций других

людей и общим показателем ЭИ; зависимое и некритичное поведение – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем эмоционального интеллекта; общая виктимизация – с управлением своими эмоциями, эмпатией, распознаванием эмоций других людей и общим показателем эмоционального интеллекта.

Из табл. 2 видно, что компоненты виктимизации юношей отрицательно связаны с компонентами их ЭИ. А именно, отрицательно связаны: зависимое поведение – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем эмоционального интеллекта; реализованная виктимизация – с распознаванием эмоций других людей; общая виктимизация – с управлением своими эмоциями.

Таблица 3/Table 3

Коэффициенты корреляции компонентов ЭИ и виктимизации у женщин (N = 115)
[Correlations between emotional intelligence and victimization in women (N = 115)]

Компоненты ЭИ	Компоненты виктимизации					
	Агрессивное поведение	Само-разрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Эмоциональная осведомленность	-0,169	0,184	-0,186	0,068	0,020	-0,066
Управление своими эмоциями	-0,337**	0,001	-0,277*	-0,049	-0,228	-0,359**
Самоменеджмент	-0,369**	0,099	-0,214	0,042	-0,061	-0,240*
Эмпатия	-0,060	0,061	-0,027	-0,104	-0,018	-0,059
Распознавание эмоций других людей	-0,103	0,017	-0,022	-0,014	-0,135	-0,107
Эмоциональный интеллект	-0,340**	0,093	-0,193	0,004	-0,101	-0,244*

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Данные табл. 3 показывают, что компоненты виктимизации женщин отрицательно связаны с компонентами их ЭИ. А именно, отрицательно связаны: агрессивное поведение – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем эмоционального интеллекта; зависимое поведение – с управлением своими эмоциями; общая виктимизация – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем эмоционального интеллекта.

Из табл. 4 следует, что компоненты виктимизации у мужчин отрицательно связаны с компонентами ЭИ. А именно, отрицательно связаны: агрессивность – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом, распознаванием эмоций других людей и общим показателем эмоционального интеллекта; зависимое поведение – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом, эмпатией и распознаванием эмоций других людей и общим показателем эмоционального интеллекта; реализованная виктимизация – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом, распознаванием эмоций других людей и

общим показателем эмоционального интеллекта; общий показатель виктимизации – с эмоциональной отзывчивостью, управлением своими эмоциями, самоменеджментом, распознаванием эмоций других людей и общим показателем эмоционального интеллекта.-

Таблица 4/Table 4

Коэффициенты корреляции компонентов ЭИ и виктимизации у мужчин (N = 72)
[Correlations between emotional intelligence and victimization in men, (N = 72)]

Компоненты ЭИ	Компоненты виктимизации					
	Агрессивное поведение	Само-разрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Эмоциональная осведомленность	-0,287	-0,142	-0,295	-0,033	-0,273	-0,352*
Управление своими эмоциями	-0,469**	0,115	-0,355*	-0,099	-0,329*	-0,416**
Самоменеджмент	-0,582**	-0,020	-0,462**	-0,004	-0,420**	-0,543**
Эмпатия	-0,251	0,008	-0,306*	-0,075	-0,198	-0,286
Распознавание эмоций других людей	-0,354*	0,068	-0,379*	-0,062	-0,351*	-0,375*
Эмоциональный интеллект	-0,500**	0,025	-0,454**	-0,073	-0,397**	-0,499**

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Таким образом, компоненты ЭИ отрицательно связаны с компонентами виктимизации, но эти связи различны для мужчин, женщин, юношей и девушек.

Таблица 5/Table 5

Коэффициенты корреляции тяги к курению с компонентами виктимизации у юношей и девушек
[Correlations of smoking craving with victimization in young men and girls]

Группы	Компоненты виктимизации					
	Агрессивное поведение	Само-разрушающее поведение	Зависимое поведение	Некритичное поведение	Реализованная виктимизация	Общая виктимизация
Девушки	0,215*	0,249*	0,156	0,202*	0,172	0,311**
Юноши	0,107	0,200	0,075	0,264*	-0,040	0,198

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Табл. 5 показывает, что тяга к курению положительно связана с компонентами виктимизации, причем у девушек она коррелирует с агрессивным, саморазрушающим, некритичным поведением и общей виктимизацией,

а у юношей – с некритичным поведением. В целом связь тяги к курению с виктимизацией у девушек выражена сильнее, чем у юношей.

Анализ полученных корреляций между компонентами виктимизации и успеваемостью показал, что связь виктимизации с успеваемостью отсутствует как у девушек, так и у юношей (и студентов, и курсантов).

Обсуждение результатов

Полученные результаты демонстрируют наличие многочисленных отрицательных связей между компонентами виктимизации и компонентами ЭИ, причем они значительно отличаются для юношей, девушек, мужчин и женщин.

Общим для юношей, девушек, мужчин и женщин является то, что компоненты виктимизации отрицательно связаны с компонентами их ЭИ. Характер этой связей представляет интерес и в теоретическом, и в практическом плане. Они очень важны в силу своей устойчивости и многомерности (за счет связей разных компонентов виктимизации с разными компонентами ЭИ). Установленные связи показывают, что развитие, повышение эмоционального интеллекта могут служить надежной защитой от виктимизации во всех половозрастных группах.

Сопоставление полученных в русскоязычном социуме результатов для юношей, девушек, мужчин и женщин с результатами соответствующих зарубежных исследований (преимущественно подростков) показывает, что характер, направленность взаимосвязей, установленных нами и для взрослых, и для юношей и девушек, в целом не отличаются от установленных в зарубежных исследованиях для подростков. Эти связи конкретизированы нами за счет выявления связей между компонентами виктимизации и компонентами ЭИ.

Полученные результаты о прямой связи у юношей и девушек тяги к курению (как склонности к одной из разновидностей саморазрушающего поведения) с компонентами виктимизации будут полезны в практическом плане для психологов, воспитателей, родителей.

В отличие от результатов зарубежных исследований об отрицательной связи виктимизации с успеваемостью, в нашем случае такая связь отсутствует как у девушек, так и у юношей (и студентов, и курсантов). По нашему мнению, в отечественном социуме сталкиваются две противоположные тенденции. Одна (общая для всех социумов) состоит в том, что виктимизация учащихся приводит к их отрицательному отношению к школе и, как следствие, к ухудшению успеваемости. Другая тенденция (более типичная для нашего общества) – отрицательное отношение многих наших учащихся к отличникам, которых они считают выскочками, желающими выделиться, заслужить похвалу учителей, – отличникам дают обидные прозвища, их игнорируют, а то и бьют. Причиной может быть и банальная зависть к более способным сверстникам.

Заключение

Компоненты виктимизации юношей, девушек, мужчин и женщин отрицательно связаны с компонентами их ЭИ. При этом взаимосвязи для каждой из указанных групп различны, а именно:

– у *девушек* агрессивное поведение отрицательно коррелирует с управлением своими эмоциями, эмпатией, распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ; зависимое и некритичное поведение – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем эмоционального интеллекта; общая виктимизация – с управлением своими эмоциями, эмпатией, распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ;

– у *юношей* зависимое поведение отрицательно связано с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем ЭИ; реализованная виктимизация – с распознаванием эмоций других людей; общая виктимизация – с управлением своими эмоциями;

– у *женщин* отрицательно коррелируют: агрессивное поведение – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем эмоционального интеллекта; зависимое поведение – с управлением своими эмоциями; общая виктимизация – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом и общим показателем ЭИ;

– у *мужчин* агрессивность отрицательно связана с управлением своими эмоциями, самоменеджментом, распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ; зависимое поведение – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом, эмпатией и распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ; реализованная виктимизация – с управлением своими эмоциями, самоменеджментом, распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ; общий показатель виктимизации – с эмоциональной отзывчивостью, управлением своими эмоциями, самоменеджментом, распознаванием эмоций других людей и общим показателем ЭИ.

Тяга к курению у юношей и девушек положительно связана с компонентами виктимизации, причем у девушек она коррелирует с агрессивным, саморазрушающим, некритичным поведением и с общей виктимизацией, а у юношей – с некритичным поведением. В целом связь тяги к курению с виктимизацией у девушек выражена сильнее, чем у юношей.

Связь виктимизации с успеваемостью отсутствует как у девушек, так и у юношей (и студентов, и курсантов).

Список литературы

- Вишневецкий К.В.* Виктимизация: факторы, условия, уровни // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 226–227.
- Диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл)* // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 57–59.
- Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерения, исследования: сб. ст. / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова; Институт психологии Российской академии наук. М., 2004. С. 129–140.
- Наследов А.Д.* SPSS. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2007. 416 с.
- Шейнов В.П.* Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018б. Т. 15. № 4. С. 431–445. <http://doi.org/10.22363/23-13-1683-2018-15-4-431-445>

- Шейнов В.П.* Детерминанты виктимизации профессионала на рабочем месте // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018а. Т. 3. № 4. С. 168–192. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document420.pdf>
- Шейнов В.П.* Психология виктимизации жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1 (13). С. 94–123.
- Шейнов В.П.* Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 147–154.
- Atik G., Güneri O.Y.* Bullying and victimization: Predictive role of individual, parental, and academic factors // *School Psychology International*. 2013. Vol. 34. No. 6. Pp. 658–673.
- Beaver K.M., Nedelec J.L., Barnes J.C., Boutwel B.B., Boccio C.* The association between intelligence and personal victimization in adolescence and adulthood // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 98. Pp. 355–360. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.068>
- Boutwell B.B., Connolly E.J., Barbaro N., Shackelford T.K., Petkovsek M., Beaver K.M.* On the genetic and environmental reasons why intelligence correlates with criminal victimization // *Intelligence*. 2017. Vol. 62. Pp. 155–166. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.04.003>
- Carbone-Lopez K., Esbensen F.-A., Brick B.T.* Correlates and Consequences of Peer Victimization: Gender Differences in Direct and Indirect Forms of Bullying // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2010. Vol. 8. No. 4. Pp. 332–350. <https://doi.org/10.1177/1541204010362954>
- Domino M.* Measuring the impact of an alternative approach to school bullying // *Journal of School Health*. 2013. Vol. 83. No. 6. Pp. 430–437. <http://doi.org/10.1111/josh.12047>
- Hilton N.Z.* Childhood Sexual Victimization and Lack of Empathy in Child Molesters: Explanation or Excuse? // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 1993. Vol. 37. No. 4. Pp. 287–296.
- Hutchinson M.* Bullying as workgroup manipulation: a model for understanding patterns of victimization and contagion within the workgroup // *Journal of Nursing Management*. 2013. Vol. 21. Pp. 563–571. <http://doi.org/10.1111/j.1365-2834.2012.01390.x>
- Hutchinson M., Hurley J.* Exploring leadership capability and emotional intelligence as moderators of workplace bullying // *Journal of Nursing Management*. 2013. Vol. 21. Pp. 553–562. <http://doi.org/10.1111/j.1365-2834.2012.01372.x>
- Karim J., Bibi Z., Rehman S.U., Khan M.S.* Emotional Intelligence and Perceived Work-related Outcomes: Mediating Role of Workplace Incivility Victimization // *Pakistan Journal of Psychological Research*. 2015. Vol. 30. No. 1. Pp. 21–37.
- Keskin H., Akgün A.E., Ayar H., Kayman Ş.S.* Cyberbullying Victimization, Counterproductive Work Behaviours and Emotional Intelligence at Workplace // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 235. No. 24. Pp. 281–287.
- Kokkinos C.M., Kipritsi E.* The relationship between bullying, victimization, trait emotional intelligence, self-efficacy and empathy among preadolescents // *Social Psychology of Education*. 2012. Vol. 15. No. 1. Pp. 41–58. <http://doi.org/10.1007/s11218-011-9168-9>
- Lomas J., Stough C., Hansen K., Downey L.A.* Brief report: Emotional intelligence, victimization and bullying in adolescents // *Journal of Adolescence*. 2012. Vol. 35. No. 1. Pp. 207–211. <http://doi.org/10.1016/j.adolescence.2011.03.002>
- Malti T., Perren S., Buchmann M.* Children’s Peer Victimization, Empathy, and Emotional Symptoms // *Child Psychiatry & Human Development*. 2010. Vol. 41. P. 98. <https://doi.org/10.1007/s10578-009-0155-8>
- Mayer J.D., Roberts R.D., Barsade S.G.* Human abilities: Emotional intelligence // *Annual Review of Psychology*. 2008. Vol. 59. Pp. 507–536. doi: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093646
- Moon B., McCluskey J.* School-Based Victimization of Teachers in Korea. Focusing on Individual and School Characteristics // *Journal of Interpersonal Violence*. 2016. Vol. 31. No. 7. Pp. 1340–1361.

- Mustaine E.E.* Victimization risks and routine activities: A theoretical examination using a gender-specific and domain-specific model // *American Journal of Criminal Justice*. 1997. Vol. 22. No. 1. P. 41.
- Popp A.M., Peguero A.A.* Routine Activities and Victimization at School: The Significance of Gender // *Journal of Interpersonal Violence*. 2010. Vol. 26. No. 12. Pp. 2413–2436.
- Sapouna M., Wolke D.* Resilience to bullying victimization: The role of individual, family and peer characteristics // *Child Abuse & Neglect*. 2013. Vol. 37. No. 11. Pp. 997–1006. <http://doi.org/10.1016/j.chiabu.2013.05.009>
- Sheinov V.P.* Developing the Technique for Assessing the Degree of Victimization in Adults // *Российский психологический журнал*. 2018в. Т. 15. № 2 (1). С. 69–85. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1.5>
- Tolegenova A.A., Jakupo, S.M., Man Cheung Chung, Saduova S., Jakupov M.S.* A theoretical formation of emotional intelligence and childhood trauma among adolescents // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. No. 69. Pp. 1891–1894. <http://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.12.142>

История статьи:

Поступила в редакцию: 07 апреля 2019 г.

Принята к печати: 25 июля 2019 г.

Для цитирования:

Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации и эмоционального интеллекта: половозрастные особенности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 3. С. 377–392. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-377-392>

Сведения об авторе:

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета. E-mail: sheinov1@mail.ru

Research article

Relation between Victimization and Emotional Intelligence: Gender and Age Features

Viktor P. Sheinov

Belarusian State University
15 Moskovskaja St., Minsk, 220001, Republic of Belarus

Abstract. The study of victimization is relevant in view of its high prevalence in modern society and the numerous negative consequences for victims of bullying and for organizations. The purpose of this research is to study the possible relationship between victimization and emotional intelligence in Russian-speaking boys, girls, men and women. Similar studies have not previously been conducted on Russian-language samples.

A total of 454 respondents took part in the study, of whom 115 were women (average age – 49.1 years), 72 men (average age – 50.4 years), 104 girls (average age – 19.1 years), and 163 boys

(average age – 19.1 years). The diagnostics of victimization was carried out using the author’s method for assessing the degree of victimization of an adult individual. The Russian-language version of N. Hall’s test was used to evaluate the components of emotional intelligence (EI). The main method of statistical processing was correlation analysis. It has been found that the presence of negative connections between the components of victimization and the components of EI is common to all groups. However the connections for each of these groups are different. In particular: in girls, the aggressive behavior negatively correlates with managing one’s emotions, empathy, recognition of other people’s emotions and the general indicator of EI; in young men, the dependent behavior is negatively associated with managing one’s emotions, self-management and the general indicator of emotional intelligence; in women, the aggressive behavior negatively correlates with managing one’s emotions, self-management and the general indicator of emotional intelligence; in men, the aggressiveness is negatively associated with managing one’s emotions, self-management, recognizing the emotions of other people, and the general indicator of emotional intelligence.

The comparison of the obtained results with the results of foreign studies (mainly in teenagers) shows that the nature and direction of interrelations revealed for adults, for boys and girls in general, do not differ from those established in foreign studies.

Key words: victimization; bullying; emotional intelligence; insecurity from manipulation; gender and age features of victimization

References

- Atik, G., & Goneri, O.Y. (2013). Bullying and victimization: Predictive role of individual, parental, and academic factors. *School Psychology International*, 34(6), 658–673.
- Beaver, K.M., Nedelec, J.L., Barnes J.C., Boutwel, B.B., & Boccio C. (2016). The association between intelligence and personal victimization in adolescence and adulthood. *Personality and Individual Differences*, (98), 355–360. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.068>
- Boutwell, B.B., Connolly, E., Barbaro, N., Shackelford, T.K., Petkovsek, M., & Beaver, K.M. (2017). On the genetic and environmental reasons why intelligence correlates with criminal victimization. *Intelligence*, 62, 155–166. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.04.003>
- Carbone-Lopez, K., Esbensen, F.-A., & Brick, B.T. (2010). Correlates and Consequences of Peer Victimization: Gender Differences in Direct and Indirect Forms of Bullying. *Youth Violence and Juvenile Justice*, 8(4), 332–350. <https://doi.org/10.1177/1541204010362954>
- Diagnostika “emotsionalnogo intellekta” (N. Khol). (2002). In N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, & G.M. Manuylov (Eds.), *Sotsialno-Psikhologicheskaya Diagnostika Razvitiya Lichnosti i Malykh Grupp* (pp. 57–59). Moscow: Institut Psikhoterapii Publ. (In Russ.)
- Domino, M. (2013) Measuring the impact of an alternative approach to school bullying. *Journal of School Health*, 83(6), 430–437. <https://doi.org/10.1111/josh.12047>
- Hilton, N.Z. (1993). Childhood Sexual Victimization and Lack of Empathy in Child Molesters: Explanation or Excuse? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 37(4), 287–296.
- Hutchinson, M. (2013). Bullying as workgroup manipulation: a model for understanding patterns of victimization and contagion within the workgroup. *Journal of Nursing Management*, 21, 563–571. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2834.2012.01390.x>
- Hutchinson, M., & Hurley, J. (2013). Exploring leadership capability and emotional intelligence as moderators of workplace bullying. *Journal of Nursing Management*, 21, 553–562. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2834.2012.01372.x>
- Karim, J., Bibi, Z., Rehman, S.U., & Khan, M.S. (2015). Emotional Intelligence and Perceived Work-Related Outcomes: Mediating Role of Workplace Incivility Victimization. *Pakistan Journal of Psychological Research*, 30(1), 21–37.

- Keskin, H., Akgon, A.E., Ayar, H., & Kayman, S. (2016). Cyberbullying Victimization. Counterproductive Work Behaviours and Emotional Intelligence at Workplace. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 235(24), 281–287.
- Kokkinos, C.M., & Kipritsi, E. (2012). The relationship between bullying, victimization, trait emotional intelligence, self-efficacy and empathy among preadolescents. *Social Psychology of Education*, 15(1), 41–58. <https://doi.org/10.1007/s11218-011-9168-9>
- Lomas, J., Stough, C., Hansen, K., & Downey, L.A. (2012). Brief report: Emotional intelligence, victimization and bullying in adolescents. *Journal of Adolescence*, 35(1), 207–211. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2011.03.002>
- Lyusin, D.V. (2004). Sovremennyye predstavleniya ob emotsionalnom intellekte. In D.V. Lyusin & D.V. Ushakov (Eds.), *Sotsialnyy Intellekt: Teoriya. Izmereniya. Issledovaniya* (pp. 129–140). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Malti, T., Perren, S., & Buchmann, M. (2010). Children's Peer Victimization, Empathy, and Emotional Symptoms. *Child Psychiatry & Human Development*, 41, 98. <https://doi.org/10.1007/s10578-009-0155-8>
- Mayer, J.D., Roberts, R.D., & Barsade, S.G. (2008). Human abilities: Emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*, (59), 507–536. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093646>
- Moon, B., & McCluskey, J. (2016). School-Based Victimization of Teachers in Korea. Focusing on Individual and School Characteristics. *Journal of Interpersonal Violence*, 31(7), 1340–1361.
- Mustaine, E.E. (1997). Victimization risks and routine activities: A theoretical examination using a gender-specific and domain-specific model. *American Journal of Criminal Justice*, 22(1), 41–48.
- Nasledov, A.D. (2007). SPSS. *Kompyuternyy Analiz Danykh v Psikhologii i Sotsialnykh Naukakh*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Popp, A.M., & Peguero, A.A. (2010). Routine Activities and Victimization at School: The Significance of Gender. *Journal of Interpersonal Violence*, 26(12), 2413–2436.
- Sapouna, M., & Wolke, D. (2013). Resilience to bullying victimization: The role of individual, family and peer characteristics. *Child Abuse & Neglect*, 37(11), 997–1006. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2013.05.009>
- Sheinov, V.P. (2012). Razrabotka oprosnika dlya otsenki stepeni nezashchishchennosti individa ot manipulyativnykh vozdeystviy. *Voprosy Psikhologii*, (4), 147–154. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2018a). Determinanty viktimizatsii professionala na rabochem meste. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*, 3(4), 168–192. Retrieved from <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document420.pdf>. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2018b). Relationships of Victimization, Machiavellianism and Conflict Behavior. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 431–445. <https://doi.org/10.22363/23-13-1683-2018-15-4-431-445>. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2018в). Developing the Technique for Assessing the Degree of Victimization in Adults. *Russian Psychological Journal*, 15(2/1), 69–85. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1.5>. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2019). Viktimizatsiya zhertv izdevatelstv kak istochnik ikh otritsatelnykh emotsionalnykh sostoyaniy. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 4(1), 431–445. (In Russ.)
- Tolegenova, A.A., Jakupo, S.M., Chung, M.Ch., Saduova, S., & Jakupov, M.S. (2012). A theoretical formation of emotional intelligence and childhood trauma among adolescents. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 69, 1891–1894. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.12.142>
- Vishnevetskiy, K.V. (2014). Viktimizatsiya: factory i usloviya. Urovni. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, (4), 226–227. (In Russ.)

Article history:

Received: 07 April 2019

Revised: 19 June 2019

Accepted: 25 July 2019

For citation:

Sheinov, V.P. (2019). Relation between Victimization and Emotional Intelligence: Gender and Age Features. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 377–392. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-377-392>

Bio note:

Viktor P. Sheinov, Doctor of Sociology, Professor, is Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Excellence of the Republican Institute of Higher Education of the Belarusian State University. E-mail: shein0v1@mail.ru

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415

УДК 159.9.072

Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России**А. Ардила^{1,2}, О.В. Маслова^{1,3}, И.А. Новикова³,
Д.А. Шляхта³, Ю. Агилар³**

¹Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения РФ

Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2

²Флоридский международный университет

Соединенные Штаты Америки, 33199, Флорида, Майями, 11200 SW 8th St.

³Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Рост числа мигрантов делает актуальными изучение проблемы аккультурации к новой культуре и разработку адекватного методического инструментария для оценки аккультурации. Шкалы аккультурации являются распространенным инструментом для изучения адаптации иностранных граждан, между тем в России ощущается их нехватка. Целью данного исследования была разработка короткой, простой в применении и не нуждающейся в переводе на родные языки тестируемых шкалы, направленной на определение уровня аккультурации. При разработке методики авторы опирались на анализ имеющихся аккультурационных шкал и рекомендации Д. Арендс-Тоз и Ф. ван дер Вайвера по их разработке. Исследование включало в себя следующие этапы: разработка первоначального варианта шкалы, первичная апробация и проверка понятности вопросов, психометрическая проверка и корректировка, повторная апробация и психометрическая проверка, проверка внешней валидности. На разных этапах исследованием было охвачено 445 иностранных студентов (42 % – женского пола) из 71 страны мира. Для психометрической проверки использовались методы описательной статистики, коэффициенты α Кронбаха и ω МакДональда, бифакторный анализ (выделялся общий фактор и несколько специфических). Для проверки внешней валидности использовался метод экспертных оценок (16 экспертов – преподаватели русского языка, основных дисциплин, тьюторы по учебной и воспитательной работе) и корреляционный анализ. В результате предложена методика «Шкала аккультурации к России» (ШАР), показана высокая согласованность пунктов методики ($\alpha = 0,89$, $\omega = 0,91$), ее трехфакторная структура (выделены и содержательно интерпретированы 3 субшкалы), доказана ее удовлетворительная внешняя валидность. Методика может быть использована для оценки уровня аккультурации иностранных студентов в России.

Ключевые слова: аккультурация; шкала аккультурации; межкультурная адаптация; иностранные студенты; психометрическая проверка

© Ардила А., Маслова О.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А., Агилар Ю., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Учитывая значительное число иностранцев, проживающих в России (студентов, рабочих и т.д.), проблема межкультурной адаптации является актуальной для современного российского общества. Поиск и разработка адекватного методического инструментария для диагностики уровня аккультурации являются важной практической задачей и залогом успешного разрешения научных и практических проблем.

В зарубежной литературе для обозначения вхождения индивида в новую для него культуру чаще применяется термин «*психологическая аккультурация*», под которой понимают «процесс, который претерпевает индивид в ответ на изменение культурного контекста» (Берри, Пуртинга и др., 2007. С. 376). В российской традиции чаще используется термин «*межкультурная адаптация*», который обозначает «процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения» (Стефаненко, 2014. С. 291). В связи с содержательной близостью этих понятий в данной публикации мы будем использовать их в качестве синонимов.

В течение последних десятилетий за рубежом было предложено множество шкал аккультурации. Они, как правило, разрабатываются для изучения адаптации к определенной культуре и для конкретных этнических групп. Так, существует большое число шкал для определения приобщения латиноамериканцев к американской культуре: *Abbreviated Multidimensional Acculturation Scale, AMAS-ZABB* (Zea et al., 2003); *Acculturation Scale* (Marin et al., 1987); *Bicultural Involvement Questionnaire, BIQ* (Szapocznik et al., 1980); *The Bicultural Acculturation Scale for Hispanics* (Marin & Gamba, 1996); *Brief Acculturation Scale for Hispanics* (Norris et al., 1996; Mills et al., 2014); *Multidimensional Measure of Cultural Identity for Latinos* (Felix-Ortiz et al., 1994). Разработаны шкалы для определения аккультурации афроамериканцев к «основной» американской культуре: *African American Acculturation Scale-Revised* (Klonoff, Landrine, 2000); *Black Racial Identity Attitude Scale – Form B* (Helms, 1990); *Cross Racial Identity Scale* (Worrell et al., 2001); *Multidimensional Inventory of Black Identity, MIBI* (Sellers et al., 1997); *Scale to Assess African American Acculturation* (Snowden, Hines, 1999). Для определения уровня аккультурации в США выходцев из Азии используются: *Acculturation Scale for Southeast Asians* (Anderson et al., 1993); *The Suinn-Lew Asian Self-Identity Acculturation Scale* (Suinn R.M., Ahuna C., Khoo G., 1992).

Особый интерес для нас представляют те шкалы, которые являются мультикультурными, к ним, например, относится *Multigroup Acculturation Scale* (Stephenson, 2000). Она включает 32 утверждения (16 из них касаются родного языка и родной страны, 16 – английского языка и американского образа жизни), которые должны быть оценены как «ложь – частично ложь – частично правда – правда». Шкала валидизировалась на выборке из 436 участников из 5 этнических групп. В результате конфирматорного факторного анализа была получена двухфакторная модель: первый фактор (субшкала) связан с языком,

второй – со знанием. Эта шкала использовалась при изучении аккультурации в различных культурных группах (Kim et al., 2016). Другим примером мультикультурной шкалы является *Vancouver Index of Acculturation, VIA* (Paulhus, 2013). Он состоит из 20 вопросов, которые образуют 2 субшкалы, четные вопросы направлены на диагностику аккультурации к новой культуре, нечетные определяют степень связи с родной культурой. Автор отмечает, что шкала может применяться для разных этнических групп.

В России существует большой дефицит средств психологической диагностики аккультурации и уровня межкультурной адаптации (Стефаненко, 1996). Одной из первых была разработанная Л.В. Янковским методика «Адаптация личности к новой социокультурной среде», которая предназначена для изучения межкультурной адаптации (МКА) российских эмигрантов за рубежом (Почебут, 2007). В настоящее время для изучения МКА иностранных граждан в России наиболее часто используется вариант методики Л.В. Янковского, модифицированный Т.Г. Стефаненко и М.С. Пановым (Панов, 1999). Он включает 60 утверждений, которые сгруппированы в 6 шкал: «удовлетворенность», «интерактивность», «конформность», «депрессивность», «ностальгия», «отчужденность». Методика широко используется в исследованиях межкультурной адаптации иностранных студентов (Маслова, 2008а, 2008б; Новикова, 2010; Chebotareva, 2011 и др.) и является на сегодня основным и, пожалуй, единственным инструментом, что явно недостаточно. К тому же эта методика требует определенного уровня владения русским языком, поэтому ее невозможно применять для диагностики межкультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся на подготовительном факультете и первом курсе. Хотя были предприняты попытки перевода (и даже частичной психометрической проверки) этой методики на английский (Чинакал, Новикова, 2010), монгольский (Жамбал, 2017), китайский (Гуань, Маслова, 2007; Маслова, Лю, 2014), вьетнамский (Маслова, Хо Во Кье Ти, 2014), испанский (Маслова, Куяла Макера, 2008) языки, это не решает проблему дефицита средств диагностики межкультурной адаптации иностранцев в России.

В исследовании стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России, проведенном коллективом исследователей Высшей школы экономики, использовалась методология Д. Берри (проект *Mutual Intercultural Relations in Plural Societies, MIRIPS*), согласно которой основными характеристиками аккультурации являются аккультурационные ориентации (стратегии аккультурации). Исследователями применялся объемный опросник, включающий инструменты для рассмотрения различных аспектов аккультурации, в том числе таких, как воспринимаемая безопасность, установки на аккультурацию, источники межэтнических контактов, языковая компетентность, воспринимаемая дискриминация, шкала толерантности, отношение к этноконтактным группам, удовлетворенность собой, удовлетворенность жизнью, наличие психологических проблем, социокультурная дезадаптация (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). Предложенная батарея помогает выявить важные стороны межкультурной адаптации и может быть использо-

вана для исследовательских целей, однако для экспресс-диагностики она не подходит.

Д. Арендс-Тоз и Ф. ван дер Вайвер, рассматривая вопрос об оценке психологической аккультурации, отмечают, что в тех случаях, когда нет стандартизированных или широко принятых методик диагностики аккультурации, исследователи часто разрабатывают собственные методики (Arends-Tóth, van de Vijver, 2006). Авторы выдвигают ряд важных методологических положений и методических требований, которые должны быть учтены при разработке инструментария для корректной оценки аккультурации. Среди этих требований есть как общеметодологические (выбор методологии исследования, ясная и четкая формулировка целей исследования, однозначность формулировок вопросов), так и непосредственно относящиеся к проблеме аккультурации (выбор теоретической модели и метода измерения аккультурации, выбор аспектов аккультурации, выбор областей жизни и ситуаций, которые будут отражены в пунктах опросника).

По мнению этих авторов, особенно важное значение имеет выбор модели аккультурации, которые различаются по двум основным основаниям: размерность (*dimensionality*) и специфичность области (*domain specificity*).

В зависимости от *размерности* выделяют одномерную и двумерную модели аккультурации. Одномерная модель предполагает, что изменение в культурной ориентации происходит вдоль единственного континуума: различные аспекты культурного наследия теряются, поскольку принимается культура большинства. Одномерный подход предполагает, что индивид теряет свою первоначальную культурную идентичность, так как он приобретает новую культурную идентичность в соответствии с другой культурой. Считается, что чем больше человек приобретает от новой культуры, тем меньше у него остается от его собственной, первоначальной. Например, способность говорить на родном языке уменьшается по мере освоения языка новой страны. Двумерная модель предполагает наличие двух континуумов и рассматривает сохранение культурного наследия и адаптацию к новой культуре как два независимых измерения. С точки зрения этого подхода возможно освоение новой культуры без потери старой (в частности, способность говорить на новом языке не влияет на способность говорить на родном языке).

Наиболее широко известна двумерная модель аккультурации, разработанная Д. Берри (Берри и др., 2007), который выделил четыре аккультурационные стратегии в зависимости от позиции мигрантов по этим двум измерениям: 1) ассимиляция направлена на «растворение» в новой культуре, при этом у мигранта нет желания сохранять свое культурное наследие; 2) интеграция предполагает стремление к сохранению родной культуры и участие в новой; 3) сепарация подразумевает поддержание родной культуры и нежелание участвовать в освоении новой культуры; 4) маргинализация предполагает отвержение обеих культур. Реже используется модель «сплава», или *слияния* (*fusion models*), согласно которой человек, испытывающий аккультурацию, смешивает обе культуры в новой «интегрированной культуре». Эта интегри-

рованная культура может содержать в себе объединение двух культур, являясь комбинацией «лучшего из обоих миров», или уникальные аспекты, которые нетипичны для любой из культур. Данная модель предполагает не только выбор между характеристиками двух культур, но также и смесь характеристик. Она была применена в исследовании народов Индии, где получила название «*модель сосуществования*» (Mishra, Sinha, Berry, 1996).

Вторым важным аспектом изучения аккультурации является сфера, область аккультурации (домен), то есть аккультурация в какой сфере изучается исследователем. *Домено-специфичные* модели исходят из предположения, что аккультурация идет по-разному (в разных направлениях) в разных областях жизни. Например, могут быть ярко выражены экономическая и трудовая ассимиляции, лингвистическая интеграция, но поддерживаться сегрегация в семье и браке. Кроме того, результаты изучения динамики аккультурационных изменений нескольких поколений мигрантов показали, что аккультурационные изменения в разных областях идут неравномерно. Так, социальные контакты, коммуникация у мигрантов могут осуществляться по-новому, но при этом многие культурные ценности, деторождение – остаться без заметных изменений. Поэтому использование единственного индекса аккультурационного уровня способно затенить различия показателей аккультурации в разных областях жизни. Домено-специфичные модели, предложенные в литературе, различаются по уровню обобщенности. В наиболее обобщенных моделях сферы аккультурации рассматриваются в самом общем виде, например, выделяются такие обширные области, как общественная (публичная) и частная жизнь. В моделях среднего уровня аккультурация рассматривается в более узких конкретных областях общественной и частной жизни (например, аккультурация в сфере образования или аккультурация в области деторождения и брака). И наконец, домено-специфические модели третьего уровня рассматривают аккультурацию в определенных ситуациях, когда человек делает выбор: принять господствующую культуру или придерживаться родной культуры. Этот выбор может изменяться в определенных ситуациях. К примеру, человек может предпочитать «родную» еду дома и не выбирать ее в общественных местах (Arends-Tóth, van de Vijver, 2006).

Существует тесная связь между теоретическими моделями и методами (методиками) измерения аккультурации. При использовании одномерных моделей применяется метод измерения с одной изучаемой переменной, характеризующейся с помощью биполярных шкал, на одном полюсе которых находятся признаки родной культуры мигранта, а на другом – признаки новой культуры. При этом в ряде исследований используются домено-неспецифичные модели и дается общая оценка уровня аккультурации (Celano, Tyler, 1991; Cuellar, Harris, Jasso, 1980; Suinn, Ahuna, Khoo, 1992), в то время как в других исследованиях применяются домено-специфичные одномерные модели, рассматривающие аккультурацию в различных сферах (например, Triandis, Kashima, Shimada, Villareal, 1988).

Для двумерных моделей характерны два метода измерения: с двумя переменными и с четырьмя переменными. В первом случае оценка аккультурации включает две отдельные шкалы: ориентация на господствующую культуру

ру и ориентация на родную культуру. Во втором случае оценивается каждая из четырех стратегий аккультурации, выделенных Д. Берри (Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов..., 2009).

Все методы измерения аккультурации имеют свои преимущества и недостатки (Arends-Tóth, van de Vijver, 2006), однако использование метода с одной переменной, с нашей точки зрения, может быть более удобным, поскольку в результате получается простой для понимания инструмент, который определяет уровень аккультурации как расстояние от основной культуры (в данном случае – российской культуры).

Таким образом, *целью исследования*, представленного в данной статье, была разработка короткой и простой экспресс-методики в виде шкалы для диагностики уровня аккультурации к России, которую можно использовать при исследовании респондентов с минимальным уровнем знания русского языка уже на самых первых этапах пребывания в новой культуре. Первый вариант методики разрабатывался и прошел апробацию на выборке иностранных студентов из разных стран, что не исключает ее дальнейшей адаптации для других выборок (других категорий мигрантов).

Процедура и методы исследования

Процедура. Исследование включало в себя несколько этапов, начиная с разработки первоначального варианта шкалы, ее апробации, психометрической проверки и корректировки, вплоть до создания отвечающего требованиям психодиагностики итогового варианта методики.

На первом этапе, при разработке шкалы аккультурации к России (ШАР) мы руководствовались вышеописанными требованиями, предложенными Д. Арендс-Тоз и Ф. ван дер Вайвер (Arends-Tóth, van de Vijver, 2006). Нами были выбраны одномерная домено-неспецифичная модель и метод измерения с одной переменной и единой (совокупной) оценкой аккультурации, оцениваемой с помощью шкалы Лайкерта. В данном случае использование шкалы Лайкерта с пятью пунктами (где 1 – полностью не согласен, 5 – полностью согласен) дает возможность рассчитать количественную «оценку аккультурации». При использовании 20 утверждений наивысшая оценка аккультурации будет равна 100. Таким образом, метод с одной переменной и единой (совокупной) оценкой имеет преимущество в простоте, краткости и эффективности, что особенно важно для наших целей.

При подготовке вопросов первоначальной формы ШАР мы опирались на анализ исследований аккультурации и на уже имеющиеся шкалы ее диагностики, основные из которых описаны во введении настоящей статьи. Как отмечалось, аккультурационные изменения проходят в разных сферах, таких как знания, ценности, верования, установки, отношения и поведение, причем ценности и мировоззрение меняются не так легко, как знание или поведение. В нашу шкалу были включены пункты, касающиеся этих разных сфер жизни: использование русского языка, социальные отношения и связи, привычки в повседневной жизни (например, еда, слушание музыки, использование

СМИ), знание культурных традиций, новой культуры (например, литература, национальные символы), темп и образ жизни.

Формулировки пунктов мы старались сделать максимально простыми и легкими для понимания иностранцами, которые относительно недавно начали изучение русского языка. Все используемые слова являлись высокочастотными, и большинство предложений были короткими. Респондента просили выразить согласие/несогласие с утверждениями в соответствии с 5-балльной шкалой Лайкерта (1 – полностью не согласен, 2 – частично не согласен, 3 – нейтрально, 4 – частично согласен, 5 – полностью согласен), которая часто используется в различных опросах и, как правило, не вызывает трудностей у респондентов. Мы использовали только прямые утверждения, так как использование обратных утверждений могло вызвать затруднения у начинающих изучать русский язык, а мы стремились к максимальной понятности и доступности методики. Все элементы, относящиеся к определенной области жизни, были представлены последовательно, друг после друга, а не разбросаны по всей анкете.

На *втором этапе* была проведена апробация первоначального варианта ШАР с целью проверки понятности вопросов методики и степени их согласованности. Шкала, включающая 20 утверждений, была предложена иностранным студентам разных факультетов РУДН, среди которых были учащиеся подготовительного факультета (ФРЯиОД), время пребывания в России которых составило от 3 до 12 месяцев, средняя длительность проживания в России составила 7 месяцев. Проверка понятности осуществлялась нами в ходе личной беседы с респондентами на русском языке. Для проверки согласованности шкалы использовались коэффициенты α Кронбаха и ω МакДональда. В результате первоначальный вариант методики был немного скорректирован. Итоговый вариант ШАР представлен в приложении к статье.

На *третьем этапе* проходили апробация и психометрическая проверка скорректированного варианта ШАР с использованием методов описательной статистики, коэффициентов α Кронбаха и ω МакДональда, бифакторного анализа (выделялся общий фактор и несколько специфических).

Целью *заключительного этапа* исследования была проверка внешней валидности ШАР. Для проверки внешней валидности методик диагностики аккультурации часто используют сравнение показателей адаптации мигрантов с разным сроком проживания в новой культуре, так называемый метод срезов. Однако ранее проведенные нами и коллегами исследования МКА иностранных студентов в России не показали закономерного роста уровня адаптации от младших к старшим курсам (Маслова, 2007; Маслова, 2008а, 2018б; Чеботарева, 2011 и др.), что заставило нас прибегнуть к другим способам проверки. В данном случае для проверки внешней валидности ШАР мы использовали метод внешних (экспертных) оценок. Итоговый вариант ШАР был предложен иностранным студентам, ранее не участвовавшим в исследовании. В качестве экспертов выступили преподаватели русского языка и преподаватели основных дисциплин, работающие с респондентами не менее семестра в малых группах, а также тьюторы по учебной и воспитательной работе, ко-

торые хорошо знали студентов, участвовавших в исследовании. Мы просили экспертов высказать их личное мнение об уровне адаптации студентов с учетом их опыта взаимодействия с ними в учебном процессе и внеучебных мероприятиях и оценить его по 100-балльной шкале. МКА каждого студента оценивали 3 эксперта, оценки которых усреднялись. Далее проводился ранговый корреляционный анализ Спирмена показателей ШАР и экспертных оценок.

На всех этапах апробации и проверки ШАР заполнение бланков методики проводилось в очной форме в малой группе, после занятий по русскому языку (на основе добровольного согласия участников). Каждый респондент получал бланк ШАР и лично заполнял его (либо анонимно – на втором и третьем этапах, либо с указанием имени и фамилии – заключительный этап) в присутствии одного из исследователей. После заполнения первоначального варианта ШАР со всеми респондентами проводилась устная беседа относительно понятности формулировок вопросов шкалы.

Выборка. Всего исследованием было охвачено 445 иностранных студентов (42 % – женского пола), приехавших из 71 страны дальнего зарубежья: Китай – 98 человек; Вьетнам и Эквадор – по 33 человека; Доминиканская Республика – 21 человек; Боливия – 17 человек; Монголия и Республика Конго – по 15 человек; Ангола – 13 человек; Колумбия – 12 человек; Кот-д’Ивуар – 11 человек; Афганистан, Гвинея-Бисау и Иран – по 9 человек; Израиль и Турция – по 7 человек; Болгария и Камбоджа – по 6 человек; Албания, Бангладеш и Экваториальная Гвинея – по 5 человек; Египет, Камерун, Лаос, Ливан, Мозамбик, Перу, Руанда и Шри-Ланка – по 4 человека; Бенин, Гвинея, Индия, Индонезия, Ирак, Йемен, Непал, Сирия, Судан, Чад, Ямайка – по 3 человека; Бурунди, Венгрия, Гана, Замбия, Мадагаскар, Мексика, Намибия, Палестина, Сальвадор и Сьерра-Леоне – по 2 человека; Австралия, Буркина-Фасо, Венесуэла, Габон, Гамбия, Гренада, Иордания, Кения, Республика Корея, Мали, Нигерия, Сан-Томе и Принсипи, Сент-Винсент, Сенегал, Тунис, Таиланд, Финляндия, Черногория, Эфиопия, ЮАР – по 1 человеку. Все респонденты являлись студентами разных факультетов и институтов РУДН (русского языка и общеобразовательных дисциплин, филологического, юридического, физико-математического и естественных наук, инженерного, аграрного, экономического). Во втором этапе исследования участвовало 67 человек, в 3 этапе – 321 человек, в 4 этапе – 57 человек.

В качестве экспертов на 4 этапе исследования выступили 16 человек, среди которых 4 преподавателя русского языка, 8 преподавателей основных дисциплин специализации, 4 тьютора по учебной и воспитательной работе.

Статистические расчеты осуществлялись в компьютерной среде R (версия 3.5.1), модуль psych (версия 1.8.3).

Результаты и обсуждение

На рис. 1 представлены результаты психометрической проверки первоначального варианта ШАР, из которых следует, что пункты шкалы достаточно хорошо согласованы ($\alpha = 0,87$, $\omega = 0,90$).

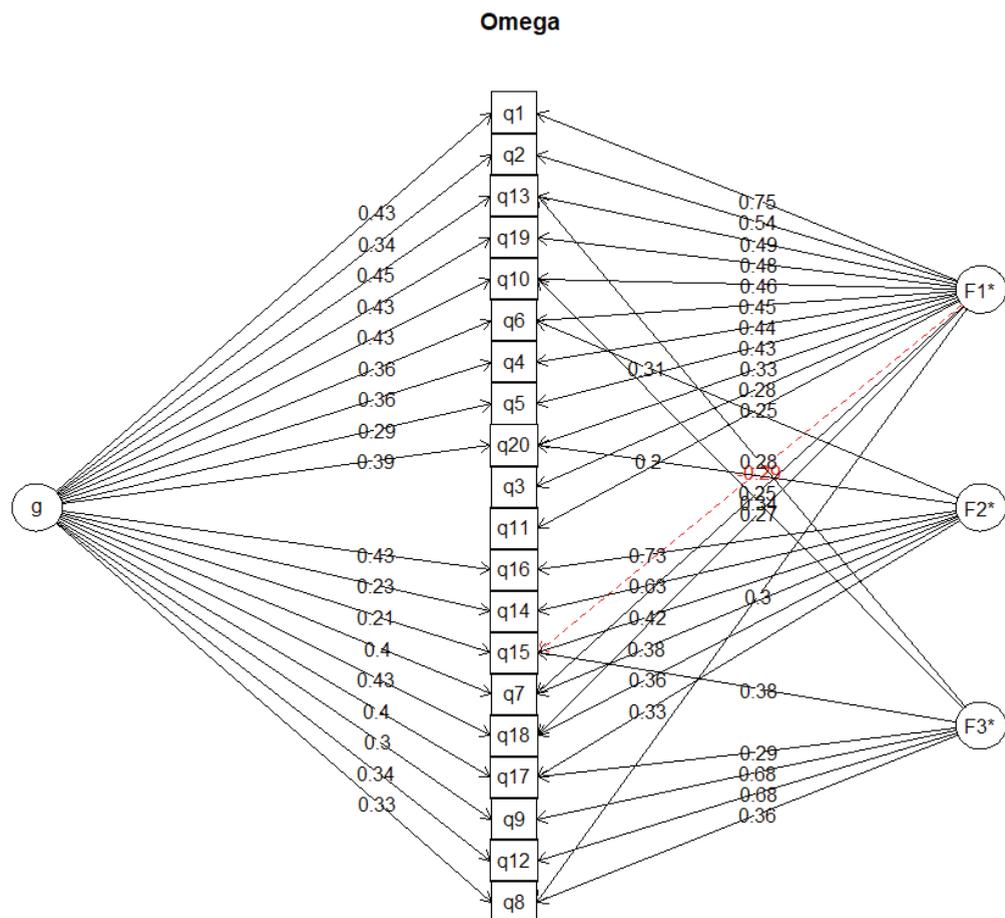

Рис. 1. Графическое изображение результатов проверки согласованности первого варианта ШАР ($\alpha = 0,874$, $\omega = 0,90$):
 g – общий фактор; $F1$, $F2$, $F3$ – частные факторы; q – утверждения шкалы
[Figure 1. Consistency verification results of the initial version of the Acculturation Scale to Russia (ASR) ($\alpha = 0.87$, $\omega = 0.90$):
 g – common factor; $F1$, $F2$, $F3$ – specific factors; q – items of the scale]

Однако на рис. 1 наглядно видно, что два утверждения (3 и 11) не вошли в общий фактор g . Утверждение 11 («Я мог бы жениться на русской/выйти замуж за русского») было решено исключить и ввести другое («Я веду себя в соответствии с нормами и правилами русских»). Однако вопрос 3 («У меня есть несколько русских друзей») было решено оставить в силу того, что многочисленные исследования (Стефаненко, 1999; Ward et al., 2003), в том числе и наши (Маслова, Томас, 2017), убедительно свидетельствуют о первостепенном значении наличия друзей среди местных для успеха МКА визитера. Таким образом, в обновленный вариант ШАР вошло 20 вопросов, только 11 вопрос был заменен (формулировки вопросов представлены в табл. 1). На этом этапе мы подробно не анализировали факторную структуру ШАР, так как в дальнейшем она могла измениться.

Результаты апробации и психометрической проверки обновленного варианта ШАР (с заменой 11 вопроса) представлены на рис. 2 и в табл. 1 и 2.

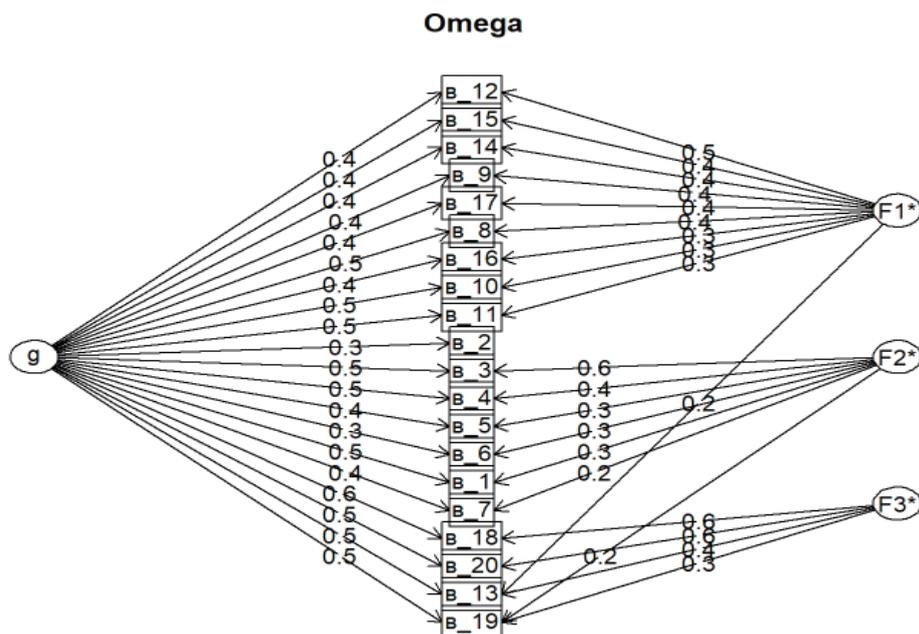

Рис. 2. Графическое изображение результатов проверки согласованности итогового варианта ШАР ($\alpha = 0,89$, $\omega = 0,91$):

g – общий фактор; $F1$, $F2$, $F3$ – частные факторы; $v_$ – вопросы шкалы

[Figure 2. Consistency verification results of the ASR final version ($\alpha = 0.89$, $\omega = 0.91$):

g – common factor; $F1$, $F2$, $F3$ – specific factors; $v_$ – items of the scale]

Прежде всего отметим, что из рис. 2 следует, что все пункты обновленного варианта ШАР вошли в общий фактор g (в том числе и 3-й вопрос, по поводу которого были сомнения по результатам первой проверки, а также новый 11-й вопрос). Общая согласованность шкалы очень высокая ($\alpha = 0,89$, $\omega = 0,91$), соответствует требованиям к психодиагностическим методикам (Клайн, 1984) и свидетельствует о внутренней валидности предлагаемого инструмента. Как видно на рис. 2 в структуре шкалы выделились частные факторы, что соответствует фактам о строении шкал аккультурации, рассмотренных во введении. Содержательно факторы будут нами проинтерпретированы далее.

В табл. 1 представлены основные показатели описательной статистики пунктов итогового варианта ШАР. Данные свидетельствуют о том, что по всем утверждениям ШАР существует максимальный разброс ответов от 1 до 5 баллов (пунктов), но в то же время средние значения колеблются от 2,87 до 4,11, а медианы принимают значения только 3 и 4. Суммарный балл варьируется от 20 до 100 баллов при среднем значении – 69,71. Это свидетельствует о представленности разных вариантов ответов в выборке и о небольшом сдвиге в сторону более положительных ответов, что вполне закономерно при использовании только прямых формулировок вопросов. Интересно отметить,

что максимальный средний балл ответов получен для утверждения «Мне нравится путешествовать по разным местам России», возможно, это связано с тем, что студенты, приехавшие учиться в другую страну, вообще имеют склонность к путешествиям. Минимальные средние баллы ответов получены для утверждений «Мне нравится русская еда» и «Я знаю много русских песен», что, на наш взгляд, тоже закономерно. Предпочтение родной кухни является одним из самых устойчивых для большинства людей, что неоднократно было показано в разных исследованиях (например, Novikov, Novikova, 2013). Низкая степень согласия с утверждением «Я знаю много русских песен», предположительно, связана с недостаточным для понимания текстов песен уровнем владения русским языком, что затрудняло восприятие песен и соответственно снижало к ним интерес. А возможно респондентов смущало слово «много».

Таблица 1/ Table 1

**Описательная статистика пунктов итогового варианта ШАР (N = 321)
[Items' descriptive statistics of the ASR final version (N = 321)]**

№	Формулировки пунктов	M	SD	Me	Min	Max
1	Я люблю говорить по-русски	3,94	1,02	4	1	5
2	В своей повседневной жизни я предпочитаю говорить по-русски	3,41	0,96	3	1	5
3	У меня есть несколько русских друзей	3,34	1,29	3	1	5
4	Мне нравится взаимодействовать с русскими людьми	3,71	1,09	4	1	5
5	Мне нравится русская еда	2,87	1,24	3	1	5
6	Я знаю много русских песен	2,87	1,24	3	1	5
7	Мне нравится смотреть русские фильмы и слушать русскую музыку	3,51	1,14	3	1	5
8	Я интересуюсь происходящими в России событиями	3,43	1,05	3	1	5
9	Мне нравится путешествовать по разным местам России	4,11	1,09	4	1	5
10	Мне нравятся главные ценности русских	3,56	1,03	4	1	5
11	Я веду себя в соответствии с нормами и правилами России	3,85	1,06	4	1	5
12	Я отмечаю русские праздники (День Победы, 1 Мая и др.)	3,79	1,19	4	1	5
13	Российский образ жизни мне подходит	3,30	1,08	3	1	5
14	Я знаю многих великих людей в истории России	3,32	1,19	3	1	5
15	Я знаю особенности русского языка и русского алфавита	3,78	1,03	4	1	5
16	Я знаком с русской литературой (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и др.)	3,38	1,03	3	1	5
17	Я люблю русскую природу	3,80	1,18	4	1	5
18	Я чувствую себя в России как дома	3,04	1,23	3	1	5
19	Я чувствую себя принятым россиянами	3,22	1,15	3	1	5
20	Я хотел бы жить в России много лет	3,10	1,26	3	1	5
Сумма		69,71	13,13	70	20	100

Примечание. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; Me – медиана; Min – минимальное значение; Max – максимальное значение.

Факторный анализ шкалы выявил ее трехфакторную структуру (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

Факторные нагрузки пунктов итогового варианта ШАР
[Factor loads of the ASR final version]

№	Формулировки пунктов	g	F1	F2	F3
1	Я люблю говорить по-русски,	0,48	–	0,27	–
2	В своей повседневной жизни я предпочитаю говорить по-русски	0,34	–	–	–
3	У меня есть несколько русских друзей	0,47	–	0,55	–
4	Мне нравится взаимодействовать с русскими людьми	0,54	–	0,37	–
5	Мне нравится русская еда	0,37	–	0,31	–
6	Я знаю много русских песен	0,35	–	0,30	–
7	Мне нравится смотреть русские фильмы и слушать русскую музыку	0,44	–	0,24	–
8	Я интересуюсь происходящими в России событиями	0,53	0,36	–	–
9	Мне нравится путешествовать по разным местам России	0,42	0,41	–	–
10	Мне нравятся главные ценности русских	0,53	0,34	–	–
11	Я веду себя в соответствии с нормами и правилами России	0,50	0,31	–	–
12	Я отмечаю русские праздники (День Победы, 1 Мая и др.)	0,38	0,51	–	–
13	Российский образ жизни мне подходит	0,49	0,21	–	0,37
14	Я знаю многих великих людей в истории России	0,43	0,43	–	–
15	Я знаю особенности русского языка и русского алфавита	0,38	0,44	–	–
16	Я знаком с русской литературой (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и др.)	0,44	0,35	–	–
17	Я люблю русскую природу	0,44	0,37	–	–
18	Я чувствую себя в России как дома	0,57	–	–	0,61
19	Я чувствую себя принятым россиянами	0,48	–	0,23	0,34
20	Я хотел бы жить в России много лет	0,46	–	–	0,56

Примечание. В таблице представлены факторные веса > 0,20.

Первый фактор может быть назван «*Интерес к новому окружению*», в него вошли утверждения, характеризующие интерес и положительное отношение к новой культуре, ее традициям, истории, к новой природе, стремление следовать ее нормам и традициям. Он отражает главным образом когнитивно-поведенческий аспект адаптации. Второй фактор можно назвать «*Взаимодействие с новым социумом и новой культурой*», в него вошли утверждения, характеризующие поведенческий компонент межкультурной адаптации. Третий фактор мы назвали «*Принятие нового образа жизни*». Он характеризует в основном эмоционально-мотивационный компонент адаптации и ее главную цель – достижение соответствия новой социо-культурной среде. Факторы отражают разные стороны (компоненты) МКА и гипотетически являются своего рода индикаторами уровня адаптации и ее динамики (если рассматривать МКА как погружение в культуру): от симпатии и интереса к новой культуре

(первый фактор) через взаимодействие с ней (второй фактор) к погружению в новый социум, принятие его (третий фактор).

Результаты проверки внешней валидности ШАР представлены в табл. 3.

Таблица 3/Table 3

**Корреляции экспертных оценок с самооценками уровня аккультурации
иностранных студентов (N = 57)
[Spearman correlations between expert assessments and self-assessments of
acculturation level in international students (N = 57)]**

Пункты ШАР	Средняя экспертная оценка	
	Коэффициент Спирмена	Уровень значимости
Я люблю говорить по-русски	0,44	0,00
В своей повседневной жизни я предпочитаю говорить по-русски	0,06	0,65
У меня есть несколько русских друзей	0,27	0,04
Мне нравится взаимодействовать с русскими людьми	0,24	0,07
Мне нравится русская еда	0,15	0,27
Я знаю много русских песен	0,12	0,37
Мне нравится смотреть русские фильмы и слушать русскую музыку	-0,05	0,73
Я интересуюсь происходящими в России событиями	-0,03	0,81
Мне нравится путешествовать по разным местам России	0,28	0,03
Мне нравятся главные ценности русских	0,12	0,38
Я веду себя в соответствии с нормами и правилами России	0,44	0,00
Я отмечаю русские праздники (День Победы, 1 Мая и др.)	-0,05	0,69
Российский образ жизни мне подходит	0,24	0,07
Я знаю многих великих людей в истории России	0,04	0,8
Я знаю особенности русского языка и русского алфавита	0,38	0,00
Я знаком с русской литературой (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.Н. Чехов и др.)	0,21	0,12
Я люблю русскую природу	0,25	0,06
Я чувствую себя в России как дома	0,09	0,52
Я чувствую себя принятым россиянами	0,10	0,47
Я хотел бы жить в России много лет	0,17	0,20
Суммарный балл ШАР	0,36	0,01
Субшкала 1	0,32	0,02
Субшкала 2	0,32	0,02
Субшкала 3	0,15	0,27

Из табл. 3 следует, что суммарный балл ШАР значимо коррелирует со средней экспертной оценкой, что свидетельствует о согласованности этих показателей. Также значимо положительно с экспертными оценками коррелируют суммарные баллы по первым двум субшкалам, корреляция с третьей суб-

шкалой статистически незначима. Этот результат согласуется с содержательной интерпретацией субшкал (факторов) методики: первый и второй факторы в большей степени отражают поведенческие аспекты адаптации, которые доступны внешнему наблюдению экспертов. Что касается корреляций экспертных оценок с отдельными пунктами шкалы, то по двадцати утверждениям наблюдается три отрицательных коэффициента (все незначимые) и семнадцать положительных, из них только пять значимых. Как и в случае с субшкалами, значимые корреляции наблюдаются с пунктами, отражающими наиболее очевидные наблюдателям поведенческие аспекты адаптации: «Я люблю говорить по-русски», «У меня есть несколько русских друзей», «Мне нравится путешествовать по разным местам России», «Я веду себя в соответствии с нормами и правилами России», «Я знаю особенности русского языка и русского алфавита». Также необходимо учесть, что среди экспертов были преподаватели и тьюторы, которые прежде всего взаимодействуют со студентами в учебном процессе.

Так как при дальнейшем применении ШАР предполагается использовать для оценки аккультурации суммарный балл, а не оценки по отдельным пунктам, то величина коэффициента корреляции, которая достигает умеренного уровня по силе, позволяет заключить о приемлемой внешней валидности ШАР.

Заключение

В целом проведенное исследование психометрических характеристик опросника «Шкала аккультурации к России» показало, что ШАР является вполне надежным и действенным инструментом измерения аккультурации иностранных студентов. Он включает три основные культурные измерения: когнитивное (внутренняя или субъективная культура), поведенческое и эмоциональное. Применение ШАР занимает около 15 минут, при обработке используется простая прямая система подсчета баллов, позволяющая получить общий балл аккультурации. Методика ШАР может быть использована в дальнейших исследованиях аккультурации и межкультурной адаптации.

Перспективы работы связаны со стандартизацией методики как на выборке иностранных студентов, обучающихся в России (с учетом пола и, возможно, региона), так и других категорий мигрантов.

Список литературы

- Берри Д., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 588 с.
- Гуань Цзюань, Маслова О.В. Динамика межкультурной адаптации китайских студентов // Личность в современном обществе: психолого-педагогические и эколого-психологические аспекты формирования и развития: материалы Межвузовских психологических чтений студентов, аспирантов и молодых ученых, 24 апреля 2007 г. / сост. и науч. ред. А.В. Иващенко, А.В. Гагарин. М.: РУДН, 2007. С. 87–88.

- Жамбал О. Проблемы перевода методики АЛКСС на монгольский язык // Современные исследования в психологии: материалы Международной конференции молодых ученых. М.: РУДН, 2017. С. 163–167.
- Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Киев: ПАН Лтд, 1994. 288 с.
- Маслова О.В. Особенности адаптации к новой социокультурной среде студентов из Латинской Америки и Анголы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2007. № 2. С. 83–91.
- Маслова О.В. Различия в межкультурной адаптации студентов из Африки, Латинской Америки и Китая // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Международной научной конференции, 29–30 мая 2008 г. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2008а. С. 399–405.
- Маслова О.В. Сравнительные характеристики адаптации студентов из Африки, Латинской Америки и Китая // Личность в межкультурном пространстве: материалы III Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии, 20–21 ноября 2008. М.: РУДН, 2008б. С. 106–111.
- Маслова О.В., Куюла Макера Г.Э. Адаптация к новой социокультурной среде студентов из Латинской Америки // Психология и педагогика в инновационных процессах современного медицинского образования: межрегиональный сборник научных работ / под ред. Н.А. Русиной. Ярославль: Аверс Плюс, 2008. С. 154–158.
- Маслова О.В., Лю Х. Стили аккультурации и уровень адаптации китайских студентов в России // Акмеология. 2014. № 1–2 (специальный выпуск). С. 148–149.
- Маслова О.В., Томас К.Д. Особенности межкультурной адаптации африканских студентов в России // Актуальные проблемы современных гуманитарных наук: материалы научно-практической конференции М.: РУДН, 2016. С. 287–289.
- Маслова О.В., Хо Во Кье Ти. Факторы межкультурной адаптации вьетнамских студентов в России // Акмеология. 2014. № 1–2. С. 149–151.
- Новикова И.А. Соотношение толерантности и параметров межкультурной адаптации иностранных студентов из разных регионов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 24–28.
- Панов М.С. Влияние личностных характеристик на адаптацию беженцев: выпускная квалификационная работа по специальности «Психология». М.: МГУ, 1999.
- Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 279 с.
- Стефаненко Т.Г. Адаптация к новой культуре и пути ее оптимизации // Введение в практическую социальную психологию: учебное пособие для вузов / под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 1996. С. 167–185.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2014. 352 с.
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Уорд К. Азбука аккультурации // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003. С. 656–709.
- Хо Во Кье Ти, Маслова О.В. Особенности адаптации к новой социокультурной среде вьетнамских студентов // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 2-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Константинов. М.: Перо, 2014. С. 173–177.
- Чинакал О.В., Новикова И.А. Использование процедуры двойного перевода для создания англоязычной версии опросника АЛКСС // Актуальные проблемы этнопсихологии: материалы VI Межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: РУДН, 2010. С. 228–234.
- Arends-Tóth J., van de Vijver F.J.R. Assessment of psychological acculturation // The Cambridge handbook of acculturation psychology / ed. by D.L. Sam, J.W. Berry. New York: Cambridge University Press, 2006. Pp. 142–160.

- Barry D.T. Development of a new scale for measuring acculturation: The East Asian Acculturation Measure (EAAM) // *Journal of Immigrant Health*. 2001. Vol. 3. No. 4. Pp. 193–197.
- Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46. No. 1. Pp. 5–34. <https://doi.org/1080/026999497378467>
- Berry J.W., Poorting Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Berry J.W., Sam D. Acculturation and adaptation // *Handbook of Cross-Cultural Psychology: Social Behavior and Applications*. Vol. 3 / ed. by J.W. Berry, M.H. Seagull, C. Kagitcibasi. Needham Heights, MA: Allyn & Bacon, 1997. Pp. 291–326.
- Celano M.P., Tyler F.B. Behavioral acculturation among Vietnamese refugees in the United States // *Journal of Social Psychology*. 1991. Vol. 131. Pp. 373–385.
- Chebotareva E.J. Intercultural adaptation to Russia of students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2011. No. 3. Pp. 6–11.
- Cúellar I., Harris L.C., Jasso R. An acculturation scale for Mexican American normal and clinical populations // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 1980. No. 2. Pp. 199–217.
- Felix-Ortiz M., Newcomb M.D., Myers H. A multidimensional measure of cultural identity for Latino and Latina adolescents // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 1994. Vol. 16. No. 2. Pp. 99–115.
- Gim Chung R.H., Kim B.S., Abreu J.M. Asian American multidimensional acculturation scale: development, factor analysis, reliability, and validity // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 66.
- Helms J. E., Parham T.A. The racial identity attitude scale // *Handbook of tests and measurements for Black populations*. 1996. Vol. 2. Pp. 167–174.
- Kim M., Chen J.L., Kools S., Weiss S. The Impact of Personality Traits and Acculturation on the Mental Health of Korean American Adolescents // *Psychology*. 2016. Vol. 7. No. 9. Pp. 1256–1265. <https://doi.org/10.4236/psych.2016.79128>
- Klonoff E.A., Landrine H. Revising and improving the African American acculturation scale // *Journal of Black Psychology*. 2000. Vol. 26. No. 2. Pp. 235–261.
- Marin G., Gamba R.J. A new measurement of acculturation for Hispanics: The Bidimensional Acculturation Scale for Hispanics (BAS) // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 1996. Vol. 18. No. 3. Pp. 297–316.
- Marin G., Sabogal F., Marin B.V., Otero-Sabogal R., Perez-Stable E.J. Development of a short acculturation scale for Hispanics // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 1987. Vol. 9. No. 2. Pp. 183–205.
- Mills S.D., Malcarne V.L., Fox R.S., Sadler G.R. Psychometric evaluation of the brief acculturation scale for Hispanics // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 36. No. 2. Pp. 164–174. <https://doi.org/10.1177/0739986314526697>
- Mishra R.C., Sinha D., Berry J.W. *Ecology, acculturation and psychological adaptation: a study of adivasis in Bihar*. Thousand Oaks, CA: Sage Publication, 1996.
- Norris A.E., Ford K., Bova C.A. Psychometrics of a brief acculturation scale for Hispanics in a probability sample of urban Hispanic adolescents and young adults // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 1996. Vol. 18. No. 1. Pp. 29–38.
- Novikov A.L., Novikova I.A. Social Representations of Russian Cuisine in Multinational University Students // *Mediterranean Journal of Social Science*. 2013. Vol. 4. No. 11. Pp. 413–417. <https://doi.org/10.5901/mjss.2013.v4n11p413>
- Paulhus D.L. Vancouver Index of Acculturation (VIA). Measurement Instrument // *Database for the Social Science*, 2013. URL: www.midss.ie
- Ryder A.G., Alden L.E., Paulhus D.L. Is acculturation unidimensional or bidimensional? A head-to-head comparison in the prediction of personality, self-identity, and adjustment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79. No. 1. P. 49.
- Sellers R.M., Rowley S.A., Chavous T.M., Shelton J.N., Smith M.A. Multidimensional Inventory of Black Identity: A preliminary investigation of reliability and construct validity // *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 73. No. 4. P. 805.

- Snowden L.R., Hines A.M.* A scale to assess African American acculturation // *Journal of Black Psychology*. 1999. Vol. 25. No. 1. Pp. 36–47.
- Stephenson M.* Development and validation of the Stephenson Multigroup Acculturation Scale (SMAS) // *Psychological Assessment*. 2000. Vol. 12. No. 1. P. 77.
- Suinn R.M., Ahuna C., Khoo G.* The Suinn-Lew Asian self-identity acculturation scale: concurrent and factorial validation // *Educational and Psychological Measurement*. 1992. Vol. 52. Pp. 1041–1046.
- Szapocznik J., Kurtines W.M., Fernandez T.* Bicultural involvement and adjustment in Hispanic-American youths // *International journal of intercultural relations*. 1980. Vol. 4. No. 3–4. Pp. 353–365.
- Tappen R., Williams C., Rosselli M., Jett K.* Development and testing of a new measure of acculturation and biculturalism // *National Congress on the State of the Science in Nursing Research*, sponsored by The Council for the Advancement of Nursing Science. Washington, DC, 2004.
- Triandis H.C., Kashima E., Shimada E., Villareal M.* Acculturation indices as a means of confirming cultural differences // *International Journal of Psychology*. 1988. Vol. 21. Pp. 43–70.
- Ward C., Bochner S., Furnham A.* *The psychology of culture shock*. New York, NY, US: Routledge, 2001.
- Worrell F.C., Mendoza-Denton R., Telesford J., Simmons C., Martin J.F.* Cross Racial Identity Scale (CRIS) scores: Stability and relationships with psychological adjustment // *Journal of Personality Assessment*. 2011. Vol. 93. No. 6. Pp. 637–648. <https://doi.org/10.1080/00223891.2011.608762>
- Yamada A.M., Marsella A.J., Yamada S.Y.* The Development of the Ethnocultural Identity Behavioral Index: Psychometric Properties and Validation with Asian Americans and Pacific Islanders // *Asian American and Pacific Islander Journal of Health*. 1998. Vol. 6. No. 1. Pp. 35–45.
- Zea M.C., Asner-Self K.K., Birman D., Buki L.P.* The Abbreviated Multidimensional Acculturation Scale: Empirical validation with two Latino/Latina samples // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2003. Vol. 9. No. 2. Pp. 107–123. <https://doi.org/10.1037/1099-9809.9.2.107>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шкала аккультурации к России (ШАР)

Откуда Вы приехали ? _____
Какой Ваш родной язык? _____
На каком языке говорят Ваши отец _____ и мать _____.
Кроме Вашего родного языка и русского языка, на каком еще языке Вы говорите?

Как долго Вы изучали русский язык как специальный предмет? ___ лет ___ месяцев
Как долго Вы живете в России? _____ лет _____ месяцев
Как хорошо Вы говорите по-русски?

- Отлично Очень хорошо Достаточно хорошо
 Не очень хорошо Плохо

Перед Вами несколько утверждений. Пожалуйста, выберите одно из чисел – от 1 до 5 – согласно тому, что соответствует Вашей точке зрения, используя следующую шкалу:

1 – совершенно не согласен; 2 – частично не согласен; 3 – нейтрально; 4 – частично согласен; 5 – полностью согласен.

1. Я люблю говорить по-русски.	1	2	3	4	5
2. В своей повседневной жизни я предпочитаю говорить по-русски.	1	2	3	4	5
3. У меня есть несколько русских друзей.	1	2	3	4	5
4. Мне нравится взаимодействовать с русскими людьми.	1	2	3	4	5
5. Мне нравится русская еда.	1	2	3	4	5
6. Я знаю много русских песен.	1	2	3	4	5
7. Мне нравится смотреть русские фильмы и слушать русскую музыку.	1	2	3	4	5
8. Я интересуюсь происходящими в России событиями.	1	2	3	4	5
9. Мне нравится путешествовать по разным местам России.	1	2	3	4	5
10. Мне нравятся главные ценности русских.	1	2	3	4	5
11. Я веду себя в соответствии с нормами и правилами России.	1	2	3	4	5
12. Я отмечаю русские праздники (День Победы, 1 Мая и др.).	1	2	3	4	5
13. Российский образ жизни мне подходит.	1	2	3	4	5
14. Я знаю многих великих людей в истории России (Александр Невский, Петр Первый, Иван Грозный и др.).	1	2	3	4	5
15. Я знаю особенности русского языка и русского алфавита.	1	2	3	4	5
16. Я знаком с русской литературой (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и др.).	1	2	3	4	5
17. Я люблю русскую природу.	1	2	3	4	5
18. Я чувствую себя в России как дома.	1	2	3	4	5
19. Я чувствую себя принятым россиянами.	1	2	3	4	5
20. Я хотел бы жить в России много лет.	1	2	3	4	5

Укажите, пожалуйста, Ваш пол _____ и возраст _____.

СПАСИБО!

История статьи:

Поступила в редакцию: 07 марта 2019 г.

Принята к печати: 26 августа 2019 г.

Для цитирования:

Ардил А., Маслова О.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А., Агилар Ю. Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 393–415. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415>

Сведения об авторах:

Ардил Альфредо, Ph.D., профессор департамента коммуникации и коммуникативных расстройств Флоридского международного университета, профессор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ. E-mail: ardilaalfredo@gmail.com

Маслова Ольга Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ. E-mail: maslova-ov@rudn.ru

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов. E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Шляхта Дмитрий Александрович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов. E-mail: shlyakhta-da@rudn.ru

Агилар Онья Карен Юссара, аспирант кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032105851@rudn.ru

Research article

Acculturation Scale to Russia (ASR) for International Students: Development and Psychometric Verification

Alfredo Ardila^{1,2}, Olga V. Maslova^{1,3}, Irina A. Novikova³,
Dmitriy A. Shlyakhta³, Yussara Aguilar³

¹I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)
8 Trubetskaya St., bldg. 2, Moscow, 119991, Russian Federation

²Florida International University
11200 SW 8th St., Miami, Florida, 33199, The United States of America

³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The growing number of migrants makes it relevant to study the problem of acculturation to a new culture and to develop adequate methodological tools for assessing acculturation. Acculturation scales are a common tool for studying the adaptation of international

citizens; in Russia, however, there is a shortage of them. The purpose of this study was to develop a short, easy to use, and not requiring translation into the mother tongue scale, aimed at determining the level of acculturation. When developing the methodology, we relied on the analysis of the available acculturation scales and on the recommendations proposed by van de Vijver et al. This study included the following stages: development of the initial version of the scale, testing and analysis of comprehensibility of the scale questions, psychometric analysis, repeated testing and psychometric verification, and finally, determining external validity. At the various stages, the study covered 445 international students (42% female) from 71 countries. For psychometric analysis, descriptive statistics methods, Cronbach α and MacDonalld ω coefficients, bifactor analysis were used. To check the external validity, the method of expert evaluations (16 experts are teachers of the Russian language, basic disciplines, tutors on educational work) and correlation analyses were used. As a result, the proposed Acculturation Scale to Russia (ASR) has a high consistency ($\alpha = 0,89$, $\omega = 0,91$), three-factor structure (3 sub-scales were identified), and its satisfactory external validity. This scale can be used to assess the level of acculturation of international students in Russia.

Key words: acculturation; acculturation scale; intercultural adaptation; international students; psychometric verification

References

- Arends-Tóth, J., & van de Vijver, F.J.R. (2006). Assessment of psychological acculturation. In D.L. Sam & J.W. Berry (Eds.), *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (pp. 142–160). New York, NY, US: Cambridge University Press.
- Barry, D.T. (2001). Development of a new scale for measuring acculturation: The East Asian Acculturation Measure (EAAM). *Journal of Immigrant Health*, 3(4), 193–197.
- Berry, J.W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46(1), 5–34. <https://doi.org/10.1080/026999497378467>
- Berry, J.W., & Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In J.W. Berry, M.H. Seagull, & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of Cross-Cultural Psychology: Social Behavior and Applications* (vol. 3, pp. 291–326). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.
- Berry, J.W., Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H., & Dasen, P.R. (2002). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. Cambridge University Press.
- Berry, J.W., Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H., & Dasen, P.R. (2007). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. Kharkov: Humanitarian Center Publ. (In Russ.)
- Celano, M.P. & Tyler, F.B. (1991). Behavioral acculturation among Vietnamese refugees in the United States. *Journal of Social Psychology*, 131, 373–385.
- Chebotareva, E.J. (2011). Intercultural adaptation to Russia of students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 6–11.
- Chinakal, O.V., & Novikova, I.A. (2010). Ispol'zovanie protsedury dvojnogo perevoda dlya sozdaniya angloyazychnoi versii oprosnika ALKSS. *Aktual'nye Problemy Etnopsikhologii: Conference Proceedings* (pp. 228–234). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Cúellar, I., Harris, L.C. & Jasso, R. (1980). An acculturation scale for Mexican American normal and clinical populations. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, (2), 199–217.
- Felix-Ortiz, M., Newcomb, M.D., & Myers, H. (1994). A multidimensional measure of cultural identity for Latino and Latina adolescents. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 16(2), 99–115.
- Gim Chung, R.H., Kim, B.S., & Abreu, J.M. (2004). Asian American multidimensional acculturation scale: development, factor analysis, reliability, and validity. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 10(1), 66.

- Guan, Tszyuan, & Maslova, O.V. (2007). *Dinamika mezhkul'turnoi adaptatsii kitaiskikh studentov. Lichnost' v Sovremennom Obshchestve: Psikhologo-Pedagogicheskie i Ekologopsikhologicheskie Aspekty Formirovaniya i Razvitiya: Conference Proceedings* (pp. 87–88). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Helms, J.E., & Parham, T.A. (1996). The racial identity attitude scale. *Handbook of Tests and Measurements for Black Populations*, 2, 167–174.
- Ho Vo Que, Chi, & Maslova, O.V. (2014). Osobennosti adaptatsii k novoi sotsiokul'turnoi srede v'etnamskikh studentov. *Sotsial'no-Psikhologicheskaya Adaptatsiya Migrantov v Sovremennom Mire: Conference Proceedings* (pp. 173–177). Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Kim, M., Chen, J.L., Kools, S., & Weiss, S. (2016). The Impact of Personality Traits and Acculturation on the Mental Health of Korean American Adolescents. *Psychology*, 7(09), 1256–1265. <https://doi.org/10.4236/psych.2016.79128>
- Klain, P. (1994). *Spravochnoe Rukovodstvo po Konstruirovaniyu Testov*. Kiev: PAN Ltd Publ. (In Russ.)
- Klonoff, E.A., & Landrine, H. (2000). Revising and improving the African American acculturation scale. *Journal of Black Psychology*, 26(2), 235–261.
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (2009). *Strategii Mezhkul'turnogo Vzaimodeistviya Migrantov i Naseleniya Rossii*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Marin, G., & Gamba, R.J. (1996). A new measurement of acculturation for Hispanics: The Bi-dimensional Acculturation Scale for Hispanics (BAS). *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 18(3), 297–316.
- Marin, G., Sabogal, F., Marin, B.V., Otero-Sabogal, R., & Perez-Stable, E.J. (1987). Development of a short acculturation scale for Hispanics. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 9(2), 183–205.
- Maslova, O.V. (2007). Peculiarities of adaptation to a new sociocultural environment of students from Latin America and Angola. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (2), 83–91. (In Russ.)
- Maslova, O.V. (2008a). Razlichiya v mezhkul'turnoi adaptatsii studentov iz Afriki, Latinskoj Ameriki i Kitaya. *Teoreticheskie Problemy Etnicheskoi i Kross-Kul'turnoi Psikhologii: Conference Proceedings* (pp. 399–405). Smolensk: Smolensk State University. (In Russ.)
- Maslova, O.V. (2008b). Sravnitel'nye kharakteristiki adaptatsii studentov iz Afriki, Latinskoj Ameriki i Kitaya. *Lichnost' v Mezhkul'turnom Prostranstve: Conference Proceedings* (pp. 106–111). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Maslova, O.V., & Ho Vo Que, Chi (2014). Acculturation factors of Vietnamese students in Russia. *Akmeology* (S1–2), 149–151. (In Russ.)
- Maslova, O.V., & Kuyala Makera, G.E. (2008). Adaptatsiya k novoi sotsiokul'turnoi srede studentov iz Latinskoj Ameriki. *Psikhologiya i Pedagogika v Innovatsionnykh Protsessakh Sovremennogo Meditsinskogo Obrazovaniya: Collection of Articles* (pp. 154–158). Yaroslavl: Avers Plyus Publ. (In Russ.)
- Maslova, O.V., & Liu, Huihan. (2014). Acculturation styles and the adaptation level of Chinese students in Russia. *Akmeology* (S1–2), 148–149. (In Russ.)
- Maslova, O.V., & Tomas, K.D. (2016). Osobennosti mezhkul'turnoi adaptatsii afrikanskikh studentov v Rossii. *Aktual'nye problemy sovremennykh gumanitarnykh nauk: Conference Proceedings* (pp. 287–289). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Mills, S.D., Malcarne, V.L., Fox, R.S., & Sadler, G.R. (2014). Psychometric evaluation of the brief acculturation scale for Hispanics. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 36(2), 164–174. <https://doi.org/10.1177/0739986314526697>
- Mishra, R.C., Sinha, D. & Berry, J.W. (1996). *Ecology, Acculturation and Psychological Adaptation: a Study of Adivasis in Bihar*. Thousand Oaks, CA: Sage Publication.
- Norris, A.E., Ford, K., & Bova, C.A. (1996). Psychometrics of a brief acculturation scale for Hispanics in a probability sample of urban Hispanic adolescents and young adults. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 18(1), 29–38.

- Novikov, A.L., & Novikova, I.A. (2013). Social Representations of Russian Cuisine in Multi-national University Students. *Mediterranean Journal of Social Science*, 4(11), 413–417. <https://doi.org/10.5901/mjss.2013.v4n11p413>
- Novikova, I.A. (2010). Relationship between the parameters of tolerance and cross-cultural adaptation of foreign students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 24–28.
- Panov, M.S. (1999). *Vliyaniye Lichnostnykh Kharakteristik na Adaptatsiyu Bezhentsev: BA/MA Final Qualifying Work in Psychology*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Paulhus, D.L. (2013). Vancouver Index of Acculturation (VIA). Measurement Instrument. *Database for the Social Science*. Retrieved from www.midss.ie
- Pochebut, L.G. (2007). *Vzaimoponimanie Kul'tur. Metodologiya i Metody Etnicheskoi i Kross-Kul'turnoi Psikhologii. Psikhologiya Mezhetnicheskoi Toleratnosti*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ.
- Ryder, A.G., Alden, L.E., & Paulhus, D.L. (2000). Is acculturation unidimensional or bidimensional? A head-to-head comparison in the prediction of personality, self-identity, and adjustment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79(1), 49.
- Sellers, R.M., Rowley, S.A., Chavous, T.M., Shelton, J.N., & Smith, M.A. (1997). Multidimensional Inventory of Black Identity: A preliminary investigation of reliability and construct validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73(4), 805.
- Snowden, L.R., & Hines, A.M. (1999). A scale to assess African American acculturation. *Journal of Black Psychology*, 25(1), 36–47.
- Stefanenko, T.G. (1996). Adaptatsiya k novoi kul'ture i puti ee optimizatsii. In Yu.M. Zhukov, L.A. Petrovskaya & O.V. Solov'eva (Eds.), *Vvedenie v Prakticheskuyu Sotsial'nyuyu Psikhologiyu* (pp. 167–185). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2014). *Etnopsikhologiya*. Moscow: Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
- Stephenson, M. (2000). Development and validation of the Stephenson Multigroup Acculturation Scale (SMAS). *Psychological Assessment*, 12(1), 77.
- Suinn, R.M., Ahuna, C. & Khoo, G. (1992). The Suinn-Lew Asian self-identity acculturation scale: concurrent and factorial validation. *Educational and Psychological Measurement*, 52, 1041–1046.
- Szapocznik, J., Kurtines, W.M., & Fernandez, T. (1980). Bicultural involvement and adjustment in Hispanic-American youths. *International Journal of Intercultural Relations*, 4(3–4), 353–365.
- Tappen, R., Williams, C., Rosselli, M., & Jett, K. (2004, October). Development and testing of a new measure of acculturation and biculturalism. In *National Congress on the State of the Science in Nursing Research, sponsored by The Council for the Advancement of Nursing Science, Washington, DC*.
- Triandis, H.C., Kashima, E., Shimada, E., & Villareal, M. (1988). Acculturation indices as a means of confirming cultural differences. *International Journal of Psychology*, 21, 43–70.
- Ward, C. (2003). Alphabet of acculturation. In D. Matsumoto (Ed.), *Psychology and Culture* (pp. 656–709). Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Ward, C., Bochner, S., & Furnham, A. (2001). *The Psychology of Culture Shock* (2nd ed.). New York, NY, US: Routledge.
- Worrell, F.C., Mendoza-Denton, R., Telesford, J., Simmons, C., & Martin, J.F. (2011). Cross Racial Identity Scale (CRIS) scores: Stability and relationships with psychological adjustment. *Journal of Personality Assessment*, 93(6), 637–648. <https://doi.org/10.1080/00223891.2011.608762>
- Yamada, A.M., Marsella, A.J., & Yamada, S.Y. (1998). The Development of the Ethnocultural Identity Behavioral Index: Psychometric Properties and Validation with Asian Americans and Pacific Islanders. *Asian American and Pacific Islander Journal of Health*, 6(1), 35–45.

- Zea, M.C., Asner-Self, K.K., Birman, D., & Buki, L.P. (2003). The Abbreviated Multidimensional Acculturation Scale: Empirical validation with two Latino/Latina samples. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 9(2), 107. <https://doi.org/10.1037/1099-9809.9.2.107>
- Zhambal, O. (2017). Problemy perevoda metodiki ALKSS na mongol'skii yazyk. *Sovremennye issledovaniya v psikhologii: Conference Proceedings* (pp. 163–167). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 07 March 2019

Revised: 19 August 2019

Accepted: 26 August 2019

For citation:

Ardila, A., Maslova, O.V., Novikova, I.A., Shlyakhta, D.A., & Aguilar, Y. (2019). Acculturation Scale to Russia (ASR) for International Students: Development and Psychometric Verification. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 393–415. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415>

Bio notes:

Alfredo Ardila, Ph.D. in Psychology, is Full Professor, Professor at I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) and Florida International University. E-mail: ardilaalfredo@gmail.com

Olga V. Maslova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor, Associate Professor at I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) and at the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: maslova-ov@rudn.ru

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor, Associate Professor at the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: Novikova_ia@pfur.ru

Dmitriy A. Shlyakhta, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor, Associate Professor at the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: shlyakhta-da@rudn.ru

Yussara Aguilar, MA in Psychology, is Ph.D. student of the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: 1032105851@rudn.ru

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-416-434

УДК 343.83+159.9.07

**Психодиагностика
психологической готовности кандидатов
к управленческой деятельности
в исправительных учреждениях**

Б.Г. Бовин¹, Е.М. Федорова²

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Житная, 14

²Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного сотрудниками Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). Рассматриваются проблемы психологического подбора сотрудников, зачисляемых в резерв на должности руководителей исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Северо-Кавказского федерального округа. Выборку составили 164 сотрудника уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), следственных изоляторов (СИЗО), лечебно-исправительных учреждений (ЛИУ) и исправительных учреждений (ИУ), находящихся в ведении территориальных органов ФСИН России Северо-Кавказского федерального округа (СКФО): возраст – от 25 до 45 лет, пол – мужской, стаж работы – от 3 до 10 лет. В исследовании применялись методы, используемые в центрах психодиагностики территориальных органов ФСИН России при психологическом обследовании кандидатов, зачисляемых в резерв на выдвижение, а именно, стандартизированный метод исследования личности и экспертный опрос. В результате проведенного исследования определены критерии психологической готовности к управленческой деятельности и психологические противопоказания к занятию руководящей должности. На основе множественного регрессионного анализа была разработана социально-психологическая модель, определяющая уровень готовности сотрудников к управленческой деятельности в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС). Практическая значимость исследования заключается в возможности применения разработанной модели при психодиагностическом обследовании кандидатов и формировании резерва на управленческие должности.

Ключевые слова: управленческая деятельность; резерв руководящих кадров; критерии психологической готовности; прогностическая модель; сотрудники уголовно-исполнительной системы

© Бовин Б.Г., Федорова Е.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) особую важность приобретает проблема профессионализма кадров, которые должны не только владеть специальными знаниями, но и обладать профессионально важными личностными качествами (Гузева, 2011; Шинина, 2013). Существенное значение при этом придается целенаправленности психологического подбора сотрудников резерва руководящих кадров с учетом личностных качеств кандидата и психологических противопоказаний к управленческой деятельности (Дебольский, 2004; Раков, 2010).

В органах и учреждениях УИС России при назначении на руководящую должность кандидат проходит психологическое обследование в центре психодиагностики (ЦПД), во время которого устанавливается наличие или отсутствие противопоказаний для работы на вышестоящей должности. Психолог, давая заключение о психологической пригодности к новому виду деятельности, не прогнозирует профессиональную успешность кандидата, поскольку не имеет представления о содержании оперативной, режимной, охранной, воспитательной, управленческой и других видов деятельности в УИС, каждая из которых предъявляет специфические профессиональные требования к психологическим качествам кандидата. Он не ставит перед собой эту задачу, а лишь помогает врачу-психиатру выявлять медицинские противопоказания с помощью психодиагностических тестов, имеющихся в его распоряжении.

Психологи ЦПД оснащены психодиагностическими методиками (тесты интеллекта, проективные методики, личностные опросники, инструментальные методики и др.). Ежегодно в ЦПД психологическое обследование проходят около 60 тыс. человек, среди которых 10 % (около 6 тыс. человек) – это сотрудники, перемещаемые на вышестоящие должности. Примерно 15–17 % из них вызывают сомнения у психологов относительно возможности перемещения их на вышестоящую должность. Преимущественно основанием для сомнения служат различные нарушения психического здоровья (Раков, 2008).

Несмотря на то что в организационной и юридической психологии уделяется немалое внимание разработке концептуальных подходов к проблемам формирования резерва руководящих кадров (Н.В. Антонова, Т.Ю. Базаров, О.Н., Бурмистрова, М.Г. Дебольский, А.Л. Журавлев, Л.М. Колодкин, М.И. Марьин, В.М. Поздняков, Н.Ю. Портнягина и др.), вопрос о руководстве исправительными учреждениями в современных условиях, об эффективности этой деятельности, на наш взгляд, насколько позволяет судить анализ литературы, мало изучен и требует специального внимания исследователей. Это объясняет отсутствие развернутого анализа литературы, в том числе и зарубежной, касающегося руководства в организации данного типа (Harper, 2016; Бовин, 2018). Существуют при этом работы, демонстрирующие злоупотребление властью в пенитенциарном контексте (Liebling, Crewe, 2013), что актуально и для российской пенитенциарной системы и требует глубокой научной разработки.

Методы

Выборку исследования составили кандидаты, находящиеся в резерве на вышестоящую управленческую должность, в количестве 164 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), следственных изоляторов (СИЗО), лечебно-исправительных учреждений (ЛИУ) и исправительных учреждений (ИУ), находящихся в ведении территориальных органов ФСИН России Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Возраст респондентов – от 25 до 45 лет, пол – мужской, стаж работы – от 3 до 10 лет. Занимаемые должности: начальники отрядов, инспекторы, сотрудники охраны, режима, воспитательной службы, заместители начальников ИУ по различным направлениям.

Выборка была репрезентативной относительно генеральной совокупности, которая представляла всех сотрудников – мужчин, зачисленных в резерв на управленческие должности во всех территориальных органах СКФО. Отфильтрованы были только недостоверные результаты тестирования, определяемые по критериям, разработанным авторами Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММРП).

Предмет исследования – профессионально важные личностные качества сотрудников резерва на управленческие должности. Разработка критериев готовности для кандидатов на должности руководителей ИУ и определение психологических противопоказаний к управленческой деятельности являлись **целями** нашего исследования.

В процессе исследования применялись **методы**, используемые в ЦПД при психологическом обследовании кандидатов, зачисляемых в резерв на руководящую должность. Основным методом исследования был *Стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ)* – русскоязычный вариант ММРП, который является мощным диагностическим инструментом для выдвижения гипотез относительно психического здоровья и психологических особенностей личности. Это интегральный метод изучения личности, позволяющий составить достаточно полное представление о личностных качествах индивида, включая и глубинные структуры. Опросник занимает ведущее место среди других личностных тестов в психодиагностических исследованиях и применяется во всех правоохранительных органах России при приеме кандидатов на службу.

Интерпретация профиля СМИЛ в значительной степени зависит от высоты профиля по шкале T -баллов = $50 + 10 (X_i - M) / \sigma$, где: X_i – сырой результат по шкале СМИЛ; M – среднее значение шкалы по выборке; σ – стандартное отклонение сырого результата шкалы СМИЛ.

Нормальный диапазон (30–70 T -баллов), как правило, не предполагает использование психиатрических терминов, поскольку речь может идти только о некоторой выраженности качеств, связанных с названиями шкал. Л.Н. Собчик предложила шкалу ипохондрии заменить на сверхконтроль; депрессии – на пессимистичность; истерии – на эмоциональную лабильность; психопатии – на импульсивность; паранойи – на ригидность; психастении – на тревожность;

шизофрении – на индивидуалистичность; гипомании – на оптимистичность (Собчик, 1997). Однако в интерпретации профиля все же осталось очень много терминов и понятий из различных руководств по ММПИ (Dahlstrom, Wels, 1960).

В диапазоне, близком к 70 *T*-баллам, можно говорить об акцентуации, то есть определенной заостренности этих качеств личности.

Профиль свыше 75 *T*-баллов предполагает определенные психические отклонения, и в интерпретации могут встречаться психопатологические термины, связанные с оригинальными названиями шкал.

Экспертный опрос представлял собой список из двенадцати общепрофессиональных качеств сотрудников УИС, которые было необходимо оценить по 7-балльной шкале непосредственному начальнику.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ усредненных профилей СМИЛ у сотрудников различных силовых структур (МВД, МЧС, ФСИН) на большой выборке (около 2000 чел.) показывает доминирующее значение двух основных шкал в профиле СМИЛ – 4-й (*Pd*) и 9-й (*Ma*) (Бовин, 2018).

Лица с паттерном «49» или «94» (две самые высокие шкалы) в нормативном диапазоне профиля (менее 70 *T*-баллов) характеризуются следующими личностными качествами: активные, экстравертированные, быстрые и откровенные люди, испытывающие постоянный интерес к событиям. Чаще всего их характеризуют как смелых, мужественных, стрессоустойчивых, социабельных, разговорчивых и любопытных лиц с высокой поисковой активностью. Для них характерна высокая мотивация достижений, уверенность и быстрота принятия решений, интуитивный эвристический стиль мышления и развитое воображение. Типичные качества: склонность к риску, высокий уровень притязаний, непосредственность в проявлении чувств, вербальность и энтузиазм, тенденция к противодействию внешнему давлению, ориентация на собственное мнение, стремление к самостоятельности, независимости, лидерские тенденции, уверенность в себе и позитивная самооценка.

Однако такая интерпретация допустима только для профиля, расположенного ниже уровня в 70 *T*-баллов. При значительном повышении (более 70 *T*-баллов) 4-й и 9-й шкал профиля СМИЛ эти личности характеризуются гиперактивностью, импульсивностью, низким самоконтролем, безответственностью и ненадежностью. Они амбициозны, раздражительны, склонны к насилию. Могут испытывать напряжение и тревогу. У них могут возникать семейные трудности и алкогольные проблемы.

Если учитывать весь профиль целиком, а не только доминирующие шкалы, то американские исследователи (Dahlstrom, Wels, 1960) предлагают определенный алгоритм, который является критерием явной психологической непригодности к работе не только на управленческих должностях, но и вообще в правоохранительных органах. А именно, при сочетании 4-й и 9-й шкал, когда обе больше 70 *T*-баллов, и при этом выполняются следующие условия:

- 1) возраст испытуемого не превышает 60 лет;
- 2) шкала *K* не превышает 70 *T*-баллов;
- 3) шкала *L* не превышает 60 *T*-баллов;
- 4) шкала 9 не превышает шкалу 8 на 15 и более *T*-баллов;
- 5) шкала 4 превышает шкалу 5 на 7 и более *T*-баллов;
- 6) остальные шкалы профиля (кроме 4 и 9) не превышают 70 *T*-баллов.

В этом случае можно говорить об эмоционально неустойчивых, незрелых, враждебных, бунтующих, плохо социализированных личностях с низкой моралью.

Рассмотрим профили сотрудников, зачисленных в резерв, но имеющих шкалы, превышающие 70 *T*-баллов. По мнению исследователей, использующих опросник, только 0,7 % обследуемых с хотя бы одной клинической шкалой выше 75 *T*-баллов в профиле ММРІ не имеют психических отклонений; в то же время у 1,5 % лиц, имеющих нормальный профиль, выявлены психические нарушения (Березин и др., 2011).

Анализ профилей сотрудников, зачисленных в резерв на выдвижение, обнаруживает 24 % профилей, имеющих одну или большее число клинических шкал, превышающих 70 *T*-баллов. Наибольшее число из обследованных сотрудников резерва (12 человек) имеют высокую шкалу *Hs* (ипохондрия), превышающую 70 *T*-баллов. Усредненный профиль представлен на рис. 1.

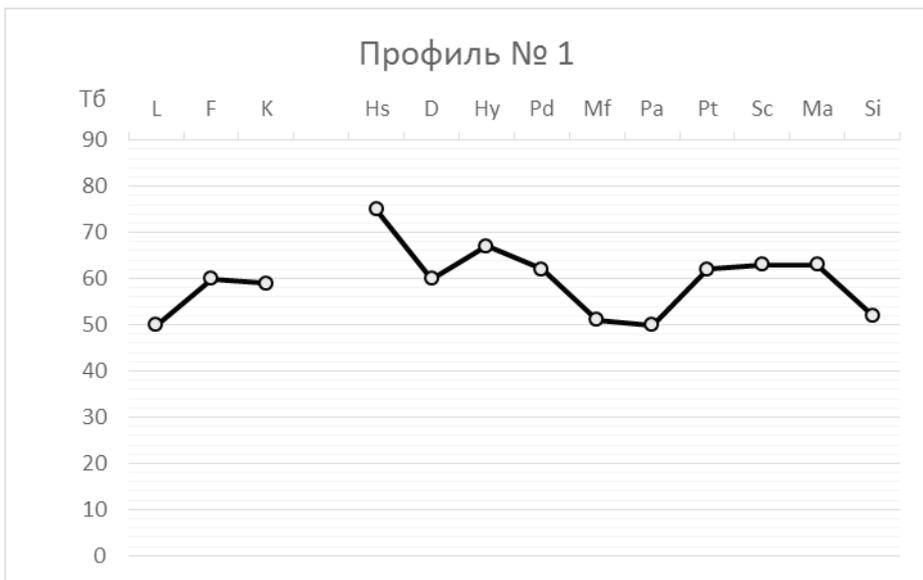

Рис. 1. Усредненный профиль личности сотрудников, зачисленных в резерв кадров на выдвижение, имеющих высокую шкалу *Hs* (ипохондрия)

[**Figure 1.** The average profile of the employees enrolled in the reserve for the promotion with a high *Hs* scale (hypochondria)]

Шкала ипохондрии (*Hs*) в профиле № 1, расположенная выше 70 *T*-баллов, выявляет чрезмерную направленность личности на соответствие нормативным критериям как в социальном окружении, так и в сфере физиологических

функций своего организма. Основная проблема личности данного типа – подавление спонтанности, сдерживание активной самореализации, контроль над агрессивностью, ориентация на правила, инструкции, избегание серьезной ответственности из страха не справиться. Стиль мышления – догматический с опорой на общепринятые точки зрения, лишенный свободы, независимости и раскованности. Противоречивое сочетание сдержанности и постоянной раздражительности. Личности этого типа могут преуспевать в профессиональной деятельности, где необходимы такие качества, как исполнительность, умение подчиняться установленному порядку, точно следовать инструкциям и директивам, аккуратность в выполнении заданий.

Сверхнормативное повышение 1-й шкалы (*Hs*) у этой группы сотрудников свидетельствует об акцентуированных личностях, находящихся, возможно, в состоянии дезадаптации, проявляющемся ипохондричностью (чрезмерное внимание к функционированию собственного организма), уходу от решения проблем, эгоцентричностью, которая маскируется декларацией гиперсоциальных установок.

Подобная акцентуация является психологическим противопоказанием к управленческой деятельности в силу отсутствия стрессоустойчивости, склонности к невротическим реакциям, связанным с фобиями относительно своего здоровья. Недостаточная социальная активность, уход в мнимую болезнь, чтобы избежать серьезной ответственности, инертный тип мышления, отсутствие гибкости, неспособность к изменениям и консерватизм также являются противопоказанием к ответственной управленческой деятельности. Профессиональная деятельность таких сотрудников на занимаемой должности оценивается на среднем уровне. Можно предположить, что даже на занимаемой должности они чувствуют себя сверхнапряженными, что отрицательно сказывается на их соматическом и психическом здоровье (Бовин, Ирисханов, 2017; Ожиганова, 2016), и повышение уровня управленческой ответственности может превысить их потенциальные возможности.

Рассмотрим профили ММРІ, классифицированные по 9-й шкале (*Ma* – гипомания), значение которой также выходит за пределы 70 *T*-баллов (рис. 2).

В нормальном диапазоне (менее 70 *T*-баллов) она отражает активность позиции, высокий уровень жизнелюбия, уверенность в себе, позитивную самооценку, высокую мотивацию достижений. Житейские трудности воспринимаются как легко преодолимые. Оптимистичность, радужность надежд, уверенность в будущем, как правило, естественны для юношеского возраста, но для взрослого человека являются, скорее всего, показателем незрелости и инфантильности.

Значение 9-й шкалы, превышающее 70 *T*-баллов, характеризует акцентуированную личность с резкой степенью проявления гипоманиакального темперамента. Чрезмерная живость, жажда деятельности, стремление к успеху, ориентация на моторную и речевую активность постоянно толкают таких людей на поиск нового и неизведанного. Подобная сверхактивность таит в себе опасность того, что конкретные цели остаются без достаточного внимания,

чрезмерное стремление к непосредственным действиям превращается порой в бесплодное разбрасывание энергии. Такой индивид за многое берется, но ничего не доводит до конца. Постоянно рождающиеся идеи превращаются в пустое прожектерство.

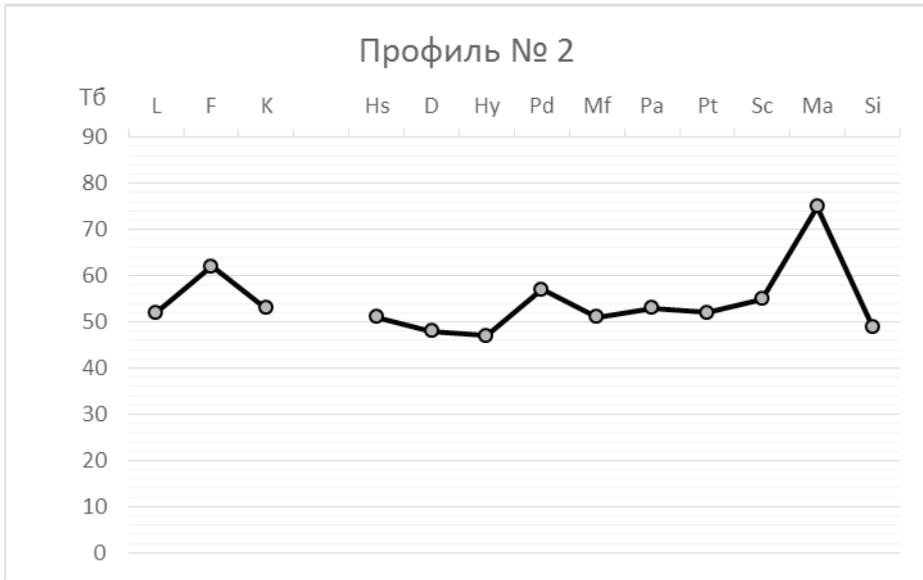

Рис. 2. Усредненный профиль личности сотрудников, зачисленных в резерв кадров на выдвижение, имеющих высокую шкалу *Ma* (гипомания)

[Figure 2. The average profile of the employees enrolled in the reserve for the promotion with a high *Ma* scale (hypomania)]

Как правило, у этих лиц сверхнормативно выражен механизм психологической защиты, называемый отрицанием. Особенности защитного поведения можно видеть в таких проявлениях личности, как эгоцентризм, жажда признания, самонадеянность, хвастовство, нечувствительность к критике, неустойчивость интересов, склонность к нарушению этических норм. С большей долей вероятности можно прогнозировать неэффективную работу на ответственной управленческой должности. Даже при выдвижении в резерв на управленческую должность непосредственные начальники дают большинству из них средние или ниже среднего оценки. Только двое из двенадцати сотрудников с доминирующей 9-й шкалой (выше 70 *T*-баллов) получили высокие оценки профессиональной успешности.

Следующая категория сотрудников кадрового резерва классифицирована на основании высокой шкалы *Sc*, которая в СМИЛ названа шкалой индивидуалистичности, а в ММПИ – шкалой шизофрении. Усредненный профиль № 3 по 10 сотрудникам с доминированием шкалы *Sc* (выше 70 *T*-баллов) представлен на рис. 3.

В диапазоне выше 70 *T*-баллов шкала *Sc* в значительной мере выявляет обособленно-созерцательную личностную позицию, аналитический склад мышления, склонность к раздумьям, которые превалируют над чувствами и

действиями. У этих лиц выявляется сильная потребность в актуализации своей индивидуальности. У них недостаточно сформирована рациональная платформа, и они в значительной степени ориентированы на субъективизм и интуицию в оценке событий. Им порой невозможно взглянуть на себя со стороны, с позиций других людей; их поведение лишено эмоциональной окраски, отрицательные стимулы не проникают через защитные барьеры восприятия. Эти личности страдают от своей отчужденности, неспособности воспринимать групповые нормы и действовать в составе коллектива единомышленников.

Рис. 3. Усредненный профиль личности сотрудников, зачисленных в резерв кадров на выдвижение, имеющих высокую шкалу Sc (шизофрения)

[Figure 3. The average profile of the employees enrolled in the reserve for the promotion with a high Sc scale (schizophrenia)]

Стремление ликвидировать свою отгороженность и неспособность преодолеть коммуникативные затруднения порождают амбивалентность в межличностных отношениях. Они проявляют либо чрезмерное дружелюбие, либо непонятную враждебность, причем интенсивные контакты могут сменяться неожиданными разрывами отношений. Ситуация, субъективно воспринимаемая как стрессовая, вызывает состояние растерянности, поскольку защитный психологический механизм связан с интеллектуальной переработкой информации, уходом в мир рассуждений и резонерства. Главная цель интеллектуализации – это нейтрализация переживаний и растерянности. Вместо реальных действий индивид начинает строить абстрактные суждения и представления, стремясь к избавлению от фрустрации и тревоги.

Для этих личностей характерен так называемый профессиональный тропизм к видам деятельности свободного, творческого стиля. Они стараются избегать любых формальных рамок и запретов в своей деятельности. Потребность в свободе выбора и принятия решений, а также в отсутствии временных

ограничений для своей деятельности затрудняют их служебную адаптацию, особенно на управленческих должностях в силовых структурах.

В отличие от ранее рассмотренных профилей с высокими 1-й (*Hs*) или 9-й (*Ma*) шкалами, где роль остальных шкал ММРІ маскировалась этими ведущими шкалами, в рассматриваемом профиле с доминированием 8-й (*Sc*) шкалы ее роль усиливается значительной выраженностью в усредненном профиле 4-й шкалой (*Pd*) – социальной психопатии по ММРІ. Сочетание 8-й и 4-й шкал в профиле позволяет предположить акцентуацию по экспансивно-шизоидному типу личности, отличающуюся подчеркнутым нонконформизмом и противопоставлением своих субъективных установок, взглядов и суждений окружению, а также жесткостью и эгоцентризмом установок.

Средняя экспертная оценка лиц с вышеописанным типом профиля ММРІ находится в диапазоне низких значений их готовности к управленческой деятельности, несмотря на то что они зачислены в резерв на вышестоящую должность. Подобный высокий тип профиля СМІЛ является психологическим противопоказанием к управленческой деятельности.

Построение модели психологической готовности к управленческой деятельности

Основные шкалы опросника, как правило, используются при оценке целостного профиля личности, когда учитывается соотношение различных шкал и дается интегральная оценка личности. Однако применение современных статистических методов (кластерного, регрессионного анализа) к целостному профилю затруднено из-за нелинейности основных шкал. Конечно, косвенным образом представляется возможным ответить на интересующий нас вопрос, апеллируя к идее Л. Константина о типе организационной парадигмы (соответственно, закрытой) и выводе об эффективности руководителя в таких организационных условиях (Constantine, 1993; Липатов, 2005). Заметим, что в литературе присутствуют крайне любопытные попытки построения моделей для прогнозирования успешности профессиональной деятельности (Кубышко, Крук, Носс, Бородина, 2018). Однако мы отдали в нашей работе предпочтение идее построения модели иным образом.

В ММРІ существуют, по крайней мере, свыше двухсот дополнительных шкал, которые, к сожалению, редко используются психологами. В проведенном нами исследовании для разработки прогностической модели психологической готовности к управленческой деятельности использовался ряд дополнительных шкал. Статистические нормы для дополнительных шкал ММРІ приведены в руководстве Далстрема и Уэлша (Dahlstrom, Wels, 1960), но эти статистические нормы подсчитывались на американской выборке респондентов.

На отечественной выборке статистика подсчитана в процессе исследований, проведенных психологами Научно-исследовательского центра проблем медицинского обеспечения МВД России (НИЦ ПМО МВД России) в 1985–1997 гг. Выборка состояла из сотрудников подразделений, занимающих-

ся основными видами деятельности в органах внутренних дел: оперативно-розыскной, профилактической, административно-надзорной, охранной, пенитенциарной, диспетчерской и экстремальной. Нормы были подсчитаны по 215 дополнительным шкалам ММРІ на выборке из 1754 сотрудников (Бовин, Мягких, Сафронов, 1997).

Для использования переменных в регрессионном анализе нами были выбраны дополнительные шкалы ММРІ, характеризующие в основном социально-психологические качества личности сотрудников, выдвинутых в резерв на управленческие должности.

Важность социально-психологических качеств, наряду с индивидуально-психологическими, определяется тем, что руководители исправительных учреждений не только возглавляют подчиненный личный состав многочисленных служб, но в то же самое время им приходится постоянно общаться с трудной категорией лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, численность которых часто достигает полутора тысяч человек.

В таблице представлена статистика резерва в сравнении с нормативной статистикой, полученной на сотрудниках ОВД. Следует заметить, что нормативные данные были получены на сотрудниках, не находящихся на управленческих должностях. Выборка представляла собой оперуполномоченных, участковых, оперативных дежурных, инспекторов различных служб, начальников отрядов ИУ и других сотрудников, из которых так же, как в советское время, формировался резерв на выдвижение. Сравнительный анализ позволил выявить те социально-психологические характеристики, которые могут свидетельствовать о психологической готовности к работе на управленческих должностях.

При анализе данных таблицы выделены те дополнительные шкалы, по которым наблюдаются значимые различия по *t*-критерию Стьюдента, показывающие выраженность психологических качеств, характерных для сотрудников, зачисленных в резерв на управленческую должность. Такими оказались следующие дополнительные шкалы ММРІ:

– «зрелость» (6-*Ag*), которая в среднем выше у сотрудников резерва и отражает наличие профессионального и жизненного опыта по сравнению с нормативной выборкой;

– «соперничество» (36-*Sp*), показывающая стремление к достижениям, активность жизненной позиции, но не стремление к доминированию над другими людьми, поскольку уровень шкалы «доминирование» (49-*Do*) значимо ниже у сотрудников резерва, чем в нормативной выборке;

– «эмоциональная незрелость» (59-*Em*), ниже, чем в нормативной выборке, свидетельствующая о более развитой эмоциональности у сотрудников резерва (обратная шкала). Можно предположить наличие более развитого эмоционального интеллекта, который по современным представлениям отмечается у наиболее эффективных руководителей (Гоулман, 2017);

– «импульсивность» (93-*Im*) в значительной мере ниже у сотрудников резерва, чем в нормативной выборке, то есть для них нехарактерно принятие решений без опоры на прогнозирование негативных последствий принятого решения;

Статистика дополнительных шкал MMPI
[Statistics of additional MMPI scales]

Номер и обозначение дополнительных шкал MMPI	Названия шкал	Нормативные значения (ОВД)		Экспериментальные значения (УИС)		Значение <i>t</i> -критерия (уровень значимости)
		M	SD	M	SD	
2-As	Академические достижения	14,1	2,3	14,1	2,1	Не значим
6-Ag	Зрелость	71,2	6,0	73,3	6,4	4,03 ($p < 0,001$)
10-Am	Алкоголизм	24,7	3,8	25,4	2,9	Не значим
11-Ao	Отношение к другим	13,7	3,01	14,3	2,9	Не значим
14-As	Отношение к себе	15,9	2,64	16,4	2,2	Не значим
16-At	Проявление тревоги	12,2	5,65	9,3	5,8	6,14 ($p < 0,001$)
36-Cp	Соперничество	12,5	1,87	13,80	1,6	9,77 ($p < 0,001$)
43-D ₂	Психомоторная заторможенность	5,61	1,84	2,2	1,7	18,81 ($p < 0,001$)
49-Do	Доминирование	18,3	2,55	17,28	2,5	3,62 ($p < 0,01$)
59-Em	Эмоциональная незрелость	10,74	4,31	9,3	4,3	4,09 ($p < 0,001$)
62-Es	Сила эго	50,8	4,7	50,3	4,8	Не значим
70-Gm	Общая плохая приспособляемость	4,52	2,74	3,79	2,8	Не значим
77-Ho	Враждебность	19,42	7,24	19,24	6,6	Не значим
92-Ie	Интеллектуальная эффективность	30,35	3,56	28,0	3,9	7,43 ($p < 0,001$)
93-Im	Импульсивность	6,57	3,23	4,67	2,1	10,3 ($p < 0,001$)
95-Iq	Коэффициент интеллекта	45,16	5,28	41,1	5,4	9,28 ($p < 0,01$)
106-Lp	Лидерство	35,23	5,66	38,15	5,0	6,89 ($p < 0,001$)
174-Re-r	Социальная ответственность	15,2	2,51	21,68	3,37	24,0 ($p < 0,001$)
182-Sc _{1A}	Социальная отчужденность	3,39	1,97	2,65	1,91	4,74 ($p < 0,001$)
189-Sf	Самоудовлетворенность	22,01	4,41	25,5	4,5	9,5 ($p < 0,001$)
196-Sp	Социальное участие	16,9	3,1	18,1	3,0	4,8 ($p < 0,001$)
200-St-r	Социальный статус	11,67	2,27	12,56	2,4	4,56 ($p < 0,001$)
205-To	Толерантность	20,84	4,08	19,39	3,8	4,68 ($p < 0,001$)
206-Tr	Шкала потенциального обучения	75,87	11,25	79,68	10,8	4,3 ($p < 0,001$)
208-Tt	Защитная реакция на тестирование	12,93	2,91	15,53	3,06	10,4 ($p < 0,001$)
211-Wa	Отношение к работе	9,57	4,05	9,19	3,80	Не значим

Примечание. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

– «лидерство» (106-*Lp*) более выражено у сотрудников резерва, что отражает их стремление к управленческой работе, руководству людьми, умению занимать более высокий групповой статус;

– «шкала потенциального обучения» (206-*Tr*), отражающая способность к обучению и развитию, также выше у сотрудников резерва, чем в нормативной выборке;

– «самоудовлетворенность» (189-*Sf*) выше у сотрудников резерва, что характерно для лиц с адекватной самооценкой, удовлетворенных содержанием своей профессиональной деятельности и добившихся определенного социального статуса;

– «социальная ответственность» (174-*Re-r*), «социальное участие» (196-*Sp*), «социальный статус» (200-*St-r*) – выше, чем в нормативной выборке, что свидетельствует об умении сотрудников брать на себя ответственность в социальных ситуациях, об интересе к социальным событиям. У них отсутствует чувство социальной изолированности и отчужденности (низкое значение шкалы «социальная отчужденность» 182-*Sc_{1A}*), несмотря на специфические условия профессиональной деятельности, что является признаком развитой эмпатии. По мнению исследователей, это важнейшая социальная способность, включающая понимание чувств людей, учет различных точек зрения, владение искусством сотрудничества, разрешения конфликтов и нахождения компромиссов (Harper, 2016; Гоулман, 2017).

Эти важные характеристики можно назвать значимыми социально-психологическими качествами руководителя, которые в определенной степени совпадают с признаками эмоционального интеллекта, предложенными Д. Гоулманом: *самоанализом, самоконтролем, социальной чуткостью, умением управлять межличностными отношениями* (Гоулман, 2017). Анализ литературы позволяет говорить о том, что эмоциональный интеллект – важное качество, которое позволяет разрешать напряженные ситуации, способствует налаживанию благоприятного климата, снижению стресса у сотрудников в организационном контексте (Dixit, Singh, 2019).

Другие дополнительные шкалы не имеют значимых различий по *t*-критерию, и, следовательно, качества, отражаемые этими шкалами, в одинаковой мере характерны для обеих выборок.

Следует отметить, что оценка различий по средним значениям шкал и определение значимости различий по *t*-критерию выявляют лишь общую тенденцию в уровне развития профессионально важных социально-психологических качеств сотрудников резерва кадров на выдвижение. В результате измерений, как правило, оказывается, что у одного и того же сотрудника по различным шкалам определяются и высокие, и средние, и низкие показатели шкал.

Для построения модели психологической готовности в нашем исследовании использовался множественный регрессионный анализ, где независимыми переменными (предикторами) являлись 27 дополнительных шкал ММРІ, а зависимой переменной – экспертная оценка непосредственного начальника. Другими словами, решалась задача «распознавания образа» с помощью компьютерного анализа веса предикторов (Уилан, 2016).

Экспертная оценка основывалась на стандартизованном опросе (тестовая карта) непосредственного начальника о готовности рекомендуемого сотрудника к более сложной и ответственной управленческой деятельности. Вопросы касались его морально-этических качеств, гражданской зрелости, стрессоустойчивости, физического здоровья, умственных способностей, отношения к работе, уровня знаний, опыта, компетенций, организаторских качеств, способности принимать решения и брать на себя ответственность, умения работать с людьми, документами.

С помощью множественной регрессии удалось получить интегральную оценку профессиональной готовности сотрудника к управленческой деятельности на вышестоящей руководящей должности. Следует подчеркнуть, что речь идет не о корреляции экспертной оценки с дополнительными шкалами ММРІ, а о построении прогностической модели готовности к управленческой деятельности. Моделью является уравнение множественной регрессии, в которую входят переменные (шкалы), имеющие наибольший вес в распознавании экспертной оценки, которая в значительной мере зависит от субъективных факторов, связанных с взаимоотношениями начальника с подчиненным, исполнительностью, дисциплинированностью последнего, отсутствием негативных моментов на службе и другими обстоятельствами.

С одной стороны, несмотря на определенные недостатки, экспертная оценка представляет собой несомненную ценность, поскольку она основана на реальных служебных отношениях начальника и подчиненного в течение достаточно продолжительного времени. С другой стороны, основываясь только на психодиагностических измерениях, психолог, проводящий тестирование, не совсем уверен, что его прогноз является достаточно точным относительно профессиональной пригодности кандидата к управленческой деятельности. Предполагается, что разработанная модель, основанная на множественной регрессии, все же сможет «пробиться» через субъективность и пристрастность оценок начальников, которые могут завышать экспертную оценку, и предоставить достаточно обоснованный прогноз относительно готовности кандидата к управленческой деятельности.

Для построения регрессии использовалась статистическая программа SPSS 16.0, используемый метод вычисления множественной линейной регрессии – Stepwise (пошаговый метод проверки предикторов) (Бююль, Цефель, 2005). Как уже отмечалось, независимыми переменными выступали дополнительные шкалы ММРІ; зависимой переменной являлась экспертная оценка. Было построено следующее уравнение множественной регрессии:

$$D = 15,101 + 0,107Cp - 0,091Iq,$$

где D – прогностический коэффициент психологической готовности к управленческой деятельности; Cp – дополнительная шкала ММРІ «соперничество» (в T -баллах); Iq – «коэффициент интеллекта» (в T -баллах).

Шкала Cp – «соперничество» – на значимом уровне коррелирует со шкалой At – «проявление тревоги» ($r = -0,23$), причем это отрицательная корреляция, то есть чем меньше тревога, тем выше уровень соперничества. Cp также

отрицательно коррелирует со шкалами *Em* – «эмоциональная незрелость» ($r = -0,24$), *Gm* – «общая плохая приспособляемость» ($r = -0,18$) и *Im* – «импульсивность» ($r = -0,16$). Положительная корреляция отмечается со шкалой «лидерство» ($r = 0,13$). Следовательно, такие параметры, как отсутствие тревоги, эмоциональная зрелость, хорошая адаптированность, отсутствие импульсивности и лидерство имплицитно присутствуют в уравнении множественной регрессии, но они не вошли в уравнение в связи с корреляционной связью с предиктором *Sp*, который имеет более сильную связь с экспертной оценкой.

Другой параметр уравнения регрессии *Iq* («коэффициент интеллекта») еще в большей степени положительно коррелирует с другими дополнительными шкалами, не вошедшими в уравнение, такими как отношение к себе и другим, доминирование, сила эго, интеллектуальная эффективность, лидерство, социальная ответственность, самоудовлетворенность, социальное участие, социальный статус, толерантность, отношение к работе, шкала потенциального обучения. Все эти параметры также имплицитно присутствуют в разработанной модели, определяющей готовность к управленческой деятельности, и являются профессионально важными качествами будущих руководителей.

Отмечается, что шкала *Iq* отрицательно коррелирует со шкалами, измеряющими тревожность, психическую заторможенность, незрелость эмоций, плохую приспособляемость, враждебность, импульсивность, отчужденность. Эти качества могут свидетельствовать о психологической неготовности сотрудников к управленческой деятельности более высокого уровня.

В процессе исследования выявлено, что наличие высокого логического интеллекта (шкала 95-*Iq*) у респондентов является негативным фактором. Руководители ИУ – это сугубо практические работники, чьим объектом управления являются до 1500 преступников, с которыми они постоянно входят в контакт. Высокий уровень академического интеллекта у сотрудников на этих должностях не нужен. Возможно, для руководителей ИУ необходим высокий эмоциональный интеллект, что мы частично затронули в настоящей статье, но это уже тема следующего исследования.

Заключение

Результаты психодиагностического обследования 164 сотрудников резерва, выдвинутых на управленческие должности в подразделениях УИИ, СИЗО, ЛИУ и ИУ территориальных органов ФСИН России Северо-Кавказского федерального округа, позволило определить профессионально важные личностные качества сотрудников, выявить психологические противопоказания к управленческой деятельности и на основе множественного регрессионного анализа разработать психологическую модель готовности кандидатов к руководящей работе в местах лишения свободы.

Проведенное исследование позволило предложить определенную тактику психодиагностического обследования в ЦПД кандидатов, выдвигаемых на управленческие должности в исправительных учреждениях УИС.

На первом этапе изучения кандидата на руководящую должность психолог, как и прежде, реализует свои клинические компетенции, помогая врачу-психиатру выявлять акцентуации и психопатические черты, являющиеся противопоказанием к руководящей деятельности.

На втором этапе возникает самостоятельный аспект деятельности психолога ЦПД – выявление профессионально важных личностных качеств у кандидата, выдвигаемого на должность руководителя. Это поможет психологу составить обоснованное заключение.

На третьем этапе применяется модель психологической готовности с использованием профессионально важных социально-психологических качеств. По прогностическому коэффициенту (D) возможно определить, каков уровень психологической готовности к руководящей работе в ИУ. Особенно полезен показатель D в условиях конкурсного отбора на руководящую должность, поскольку позволяет построить ранжированный ряд кандидатов по степени психологической готовности к управленческой деятельности.

В исследовании выявились потенциальные возможности базового метода СМИЛ (ММПИ), которые ранее не использовались в психодиагностическом обследовании кандидатов.

Список литературы

- Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения. М.: Изд-во «Березин Феликс Борисович», 2011. 320 с.
- Бовин Б.Г.* Психологическая пригодность к службе в правоохранительных органах: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 360 с.
- Бовин Б.Г., Ирисханов А.А.* Профессионально важные качества руководителя среднего звена в уголовно-исполнительной системе России // Психология и право. 2017. Т. 7. № 2. С. 91–105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017060208>
- Бююль А., Цефель П.* SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ДиаСофтЮп, 2005. 608 с.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 544 с.
- Гузева Т.В.* Психологическая подготовка руководителей как фактор эффективности в управленческой деятельности // Психолого-педагогические исследования. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39943.shtml (дата обращения: 11.04.2019).
- Дебольский М.Г.* Психологическое обеспечение работы с резервом кадров на управленческие должности // Теоретические и прикладные проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы: сборник научных трудов НИИ УИС. М., 2004. С. 158–168.
- Кубышко В.Л., Крук В.М., Носс И.Н., Бородина Т.И.* Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3. С. 34–47. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080303>
- Липатов С.А.* Опросник «Шкалы организационных парадигм» Л. Константина // Журнал практического психолога. 2005. № 2. С. 186–198.

- Ожиганова Г.В.* Саморегулятивные способности человека в профессиональной деятельности // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2016. № 4. С. 37–46.
- Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел / под ред. Б.Г. Бовина, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронова. М., 1997. 344 с.
- Раков А.М.* Профессиональный психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России // *Коченовские чтения. Психология и право в современной России*. М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2010. URL: http://psyjournals.ru/files/41416/Kochenovskie_chteniya_2010_Rakov.pdf (дата обращения: 10.04.2019).
- Раков А.М.* Психология профессиональной пригодности к службе в уголовно-исполнительной системе России: автореф. дис. ... канд. психол. н. / Академия ФСИН России. Рязань, 2008. 27 с.
- Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности: теория и практика психодиагностики. М.: Институт прикладной психологии, 1997. 480 с.
- Уилан Ч.* Голая статистика. Самая интересная книга о самой скучной науке. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 352 с.
- Шинина Т.В.* Кадровый резерв: современный облик проблемы и пути ее решения // *Социально-экономические и психологические проблемы управления: сборник научных статей по материалам I (IV) Международной научно-практической конференции, 23–25 апреля 2013 г., Московский городской психолого-педагогический университет. Ч. 1 / под общ. ред. М.Г. Ковтунович*. М.: МГППУ, 2013. URL: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63227.shtml (дата обращения: 13.04.2019).
- Constantine L.* Work organization: paradigms for project management and organization // *Communications of the ACM*. 1993. Vol. 38. No. 10. Pp. 35–43. <https://doi.org/10.1145/163430.163435>
- Cumberland D.M., Herd A., Alagaraja M., Kerrick S.A.* Assessment and development of global leadership competencies in the workplace: A review of literature // *Advances in Developing Human Resources*. 2016. Vol. 18. No. 3. Pp. 301–317. <http://dx.doi.org/10.1177/1523422316645883>
- Dahlstrom W.G., Wels G.S.* An MMPI handbook. A guide to use in clinical practice and research. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1960. 559 p.
- Dixit O., Singh S.* Moderating influence of emotional intelligence on organisational citizenship behaviour and counterproductive work behaviour // *Journal of Strategic Human Resource Management*. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 26–31.
- Drigas A., Papoutsi C.* Emotional intelligence as an important asset for HR in organizations: leaders and employees // *International Journal of Advanced Corporate Learning*. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 58–66. <https://doi.org/10.3991/ijac.v12i1.9637>
- Harper D.* Correctional executives leadership self-efficacy and their perceptions of emotional intelligence // *American Journal of Criminal Justice*. 2016. Vol. 41. No. 4. Pp. 765–779. <https://doi.org/10.1007/s12103-015-9319-1>
- Liebling A., Crewe B.* Prisons beyond the penology: the shifting moral foundations of prison management // *Sporks R., Simon J. The Sage handbook of punishment and society*. London: Sage, 2013. Pp. 283–307. <https://doi.org/10.4135/9781446247624.n14>

История статьи:

Поступила в редакцию: 04 апреля 2019 г.

Принята к печати: 25 июля 2019 г.

Для цитирования:

Бовин Б.Г., Федорова Е.М. Психодиагностика психологической готовности кандидатов к управленческой деятельности в исправительных учреждениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 416–434. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-416-434>

Сведения об авторах:

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний. ORCID iD: 0000-0001-9255-7372. E-mail: bovinbg@yandex.ru.

Федорова Екатерина Михайловна, магистр психологии, консультативный член Ассоциации профессиональных психологов и психотерапевтов, преподаватель Российского государственного университета правосудия. ORCID iD: 0000-0002-6018-5081. E-mail: katifedor@yandex.ru.

Research article

Psychodiagnostics of Psychological Readiness of Candidates for Management of Correctional Facilities

Boris G. Bovin¹, Ekaterina M. Fedorova²

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
14 Zhitnaya St., Moscow, 119991, Russian Federation

²The Russian State University of Justice
69 Novocheryomushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of an empirical study conducted by the employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service. The problems of the psychological selection of the employees enrolled in the reserve for the posts of heads of correctional institutions of the penitentiary system of the North Caucasus Federal District are considered. The sample consisted of 164 employees of corrective services, pre-trial detention centers, medical correctional institutions and correctional institutions in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia of the North Caucasus Federal District: age – from 25 to 45 years old, gender – male, work experience – from 3 to 10 years. The methods used in the centers of psychodiagnostics of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia were used in the psychological examination of candidates enlisted in the reserve for promotion, namely, MMPI and an expert survey. As a result of the study, the criteria for psychological readiness for managerial activities and psychological contraindications for holding a managerial position were determined. On the basis of a multiple regression analysis, a socio-psychological model, which determines the level of staff readiness for management activities in correctional institutions of the Penal Enforcement System was also developed. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the developed model to the psychodiagnostic examination of candidates and the formation of a reserve for managerial positions.

Key words: management activities; reserve management; criteria of psychological readiness; prognostic model; employees of the penitentiary system

References

- Berezin, F.B., Miroshnikov, M.P., & Sokolova, E.D. (2011). *Metodika Mnogostoronnego Issledovaniya Lichnosti. Struktura, Osnovy Interpretacii, Nekotorye Oblasti Primeneniya*. Moscow: "Berezin Feliks Borisovich" Publ. (In Russ.)
- Bovin, B.G. (2018). *Psichologicheskaya prigodnost' k sluzhbe v pravoohranitel'nyh organah*. Moscow: Yurlitinform Publ. (In Russ.)
- Bovin, B.G., & Iriskhanov, A.A. (2017). Professionally important qualities of the head of the middle level in the penitentiary system of Russia. *Psychology and Law*, 7(2), 91–105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017060208>. (In Russ.)
- Bovin, B.G., Myagkih, N.I., & Safronov, A.D. (Eds.). (1997). *Osnovnye Vidy Deyatel'nosti i Psichologicheskaya Prigodnost' k Sluzhbe v Sisteme Organov Vnutrennih Del*. Moscow. (In Russ.)
- Byuyul, A., & Cefel, P. (2005). *SPSS: Iskustvo Obrabotki Informacii. Analiz Statisticheskikh Danyh i Vosstanovlenie Skrytyh Zakonomernostej*. Saint Petersburg: DiaSoftYUp Publ. (In Russ.)
- Constantine, L. (1993). Work organization: paradigms for project management and organization. *Communications of the ACM*, 38(10), 35–43. <https://doi.org/10.1145/163430.163435>
- Cumberland, D.M., Herd, A., Alagaraja, M., & Kerrick, S.A. (2016). Assessment and development of global leadership competencies in the workplace: A review of literature. *Advances in Developing Human Resources*, 18(3), 301–317. <http://dx.doi.org/10.1177/1523422316645883>
- Dahlstrom, W.G., & Wels, G.S. (1960). *An MMPI handbook. A Guide to Use in Clinical Practice and Research*. Minneapolis: The University of Minnesota Press.
- Debol'skij, M.G. (2004). Psichologicheskoe obespechenie raboty s rezervom kadrov na upravlencheskie dolzhnosti. *Teoreticheskie i Prikladnye Problemy Deyatel'nosti Uголовno-Ispolnitel'noj Sistemy* (pp. 158–168). Moscow. (In Russ.)
- Dixit, O., & Singh, S. (2019). Moderating influence of emotional intelligence on organisational citizenship behaviour and counterproductive work behavior. *Journal of Strategic Human Resource Management*, 8(1), 26–31.
- Drigas, A., & Papoutsis, C. (2019). Emotional intelligence as an important asset for HR in organizations: leaders and employees. *International Journal of Advanced Corporate Learning*, 12(1), 58–66. <https://doi.org/10.3991/ijac.v12i1.9637>
- Goulman, D. (2017). *Emocional'nyj Intellekt. Pochemu On Mozhet Znachit' Bol'she, Chem IQ*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. (In Russ.)
- Guzeva, T.V. (2011). Psychological training of managers as factor of management effectiveness. *Psychological-Pedagogical Research*, (1). Retrieved from http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39943.shtml. (In Russ.)
- Harper, D. (2016). Correctional executives leadership self-efficacy and their perceptions of emotional intelligence. *American Journal of Criminal Justice*, 41(4), 765–779. <https://doi.org/10.1007/s12103-015-9319-1>
- Kubysenko, V.L., Kruk, V.M., Noss, I.N., & Borodina, T.I. (2018). Experimental validation of the model approach in professional psychological selection of law enforcement officers. *Psychology and Law*, 8(3), 34–47. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080303>. (In Russ.)
- Liebling, A., & Crewe, B. (2013). Prisons beyond the penology: the shifting moral foundations of prison management. In R. Sparks & J. Simon, *The Sage Handbook of Punishment and Society* (pp. 283–307). London: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446247624.n14>
- Lipatov, S.A. (2005). Oprosnik "Shkaly organizacionnyh paradigm" L. Konstantina. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, (2), 186–198. (In Russ.)

- Ozhiganova, G.V. (2016). Self-regulatory abilities in professional activity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 37–46. (In Russ.)
- Rakov, A.M. (2008). *Psichologiya Professional'noj Prigodnosti k Sluzhbe v Ugolovno-Ispolnitel'noj Sisteme Rossii*: Ph.D. Thesis Abstract. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii. (In Russ.)
- Rakov, A.M. (2010). Professional'nyj psihologicheskij otbor v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossii. In *Kochenovskie chteniya. Psichologiya i pravo v sovremennoj Rossii*. Moscow: MGPPU Publ. Retrieved from http://psyjournals.ru/files/41416/Kochenovskie_chteniya_2010_Rakov.pdf. (In Russ.)
- Shinina, T.V. (2013). Kadrovyy rezerv: sovremennyj oblik problemy i puti ee resheniya. *Social'no-Ekonomicheskie i Psichologicheskie Problemy Upravleniya: Conference Proceedings*. Moscow: MGPPU Publ. Retrieved from http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_issue/63227.shtml. (In Russ.)
- Sobchik, L.N. (1997). *Vvedenie v Psichologiyu Individual'nosti: Teoriya i Praktika Psichodiagnostiki*. Moscow: Institut prikladnoj psichologii. (In Russ.)
- Uilan, C.H. (2016). *Golaya Statistika. Samaya Interesnaya Kniga o Samoj Skuchnoj Nauke*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 04 April 2019

Revised: 14 August 2019

Accepted: 26 August 2019

For citation:

Bovin, B.G., & Fedorova, E.M. (2019). Psychodiagnostics of Psychological Readiness of Candidates for Management of Correctional Facilities. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 416–434. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-416-434>

Bio notes:

Boris G. Bovin, Ph.D. in Psychology, is Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. ORCID iD: 0000-0001-9255-7372. E-mail: bovinbg@yandex.ru.

Ekaterina M. Fedorova, Master of Psychology, is Advisory Member of the Association of Professional Psychologists and Psychotherapists, Lecturer of the Russian State University of Justice. ORCID iD: 0000-0002-6018-5081. E-mail: katifedor@yandex.ru.

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-435-450

УДК 159.97:616.895

Временная перспектива личности при аффективных расстройствах: обзор научных исследований

А.Ю. Захарова¹, А.В. Трусова^{1,2}

¹Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9

²Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева

Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3

В статье представлены результаты теоретического анализа отечественной и зарубежной литературы, посвященной феномену временной перспективы личности при аффективных расстройствах. Временная перспектива является одновременно и актуальной темой психологических исследований, и вместе с тем относительно малоизученной областью клинической психологии. В рамках статьи свойства временной перспективы личности рассматриваются в контексте проявлений тревоги и депрессии у пациентов с аффективными расстройствами. Анализируется связь депрессии и субъективного отношения личности к прошлому, настоящему и будущему, подчеркнута роль дисфункциональной временной перспективы в формировании депрессивных и тревожных переживаний. Отражено влияние субъективного переживания времени, в особенности будущего, на механизм усиления тревожных состояний. Рассмотрены и проанализированы некоторые зарубежные и отечественные исследования временной перспективы у пациентов, имеющих аффективные расстройства. Отмечены различия субъективного переживания времени и временной перспективы у пациентов с тревожными и депрессивными проявлениями в скорости течения времени. Сделан вывод о том, что изучение влияния психических особенностей и нарушений различного генеза, в том числе степени выраженности аффективных патологий, уровня тревоги и депрессии, на субъективное представление человека о времени имеет особое значение – такие знания могли бы сыграть роль в терапии рассматриваемых расстройств, ведь восприятие времени может выступать своеобразным индикатором актуального психического состояния личности. К тому же посредством диагностики и последующей коррекции негативных представлений о субъективных прошлом, настоящем и будущем у пациентов с аффективными расстройствами можно достигнуть значимых результатов психотерапии, так как когнитивные проявления тревоги и депрессии неразрывно связаны с указанными представлениями.

Ключевые слова: временная перспектива; прошлое; настоящее; будущее; восприятие времени; тревога; депрессия; аффективные расстройства

© Захарова А.Ю., Трусова А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В последние десятилетия количество исследований, посвященных изучению временной перспективы личности, заметно увеличилось, что обусловлено высокой актуальностью данной темы. Проблемы восприятия времени и временной перспективы отражались в работах таких авторов, как К. Левин, Л. Фрэнк, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, К.А. Абульханова, Т.Н. Березина и др. Восприятие времени, особенности переживания временных промежутков, отношение к прошлому, настоящему или будущему – данные вопросы встают перед учеными еще с античных времен, но до сих пор остаются недостаточно изученными с точки зрения клинической психологии.

Следует отметить, что само понятие восприятия времени может рассматриваться по-разному: так, время может восприниматься человеком как условно физическое явление (восприятие физического времени) или же как эмоционально-когнитивный конструкт (восприятие психологического времени). В первом случае речь идет скорее об отражении реально существующего объективного времени в терминах его длительности, последовательности, темпа, непрерывности и других динамических и структурных свойств (Яничев, 2007). Во втором случае имеется в виду переживание времени личностью, которое имеет свою эмоциональную окраску и значимость – субъективное отношение к переживаемым сменяющимся событиям и деятельности, представления о своем прошлом, настоящем и будущем и другие характеристики, непосредственно зависящие от личности и индивидуальных свойств человека (Тарасова, Ковалев, 2007). Рассмотренные подходы к пониманию восприятия времени неразрывно связаны между собой, так как в той или иной степени опираются на субъективность человеческого восприятия. При этом изучение восприятия времени с точки зрения обоих подходов в отдельности, а также во взаимосвязи друг с другом остается важной исследовательской задачей, так как открывает возможности для более точного и подробного описания изучаемых процессов.

Впервые термин «временная перспектива» ввел в психологию ученик К. Левина Л. Фрэнк в 1939 г., описывая данное понятие как совокупность представлений человека о своих психологических будущем и прошлом, существующих в данный момент времени, динамическое базовое свойство, в котором прошлое и будущее являются двумя основными аспектами поведения человека. Настоящее определяет будущее и контролируется прошлым, которое в свою очередь формирует ситуацию, где будущее связывает ценности прошлого и настоящего (Frank, 1939).

К. Левин впоследствии интерпретировал термин схожим образом – «существующая в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого» (Lewin, 1942). То есть происходит включение памяти о прошлых событиях и предвосхищения будущих в восприятие настоящего момента. Начиная с 1950-х годов XX века, временная перспектива личности становится темой различных научных исследований, в которых соотносится со многими психологически-

ми, социокультурными, физиологическими феноменами (возраст, интеллект, социальный класс, психопатология и т.д.), что привело в итоге к большой терминологической путанице. Например, В.И. Ковалев предложил схожее с рассматриваемым понятие временной трансспективы, в котором подчеркивалась связность и интегрированность прошлого, настоящего и будущего, времени всей жизни в целом в восприятии каждого человека (Ковалев, 1995).

Особое значение имеет изучение влияния психических особенностей и психопатологических проявлений различного генеза, степени выраженности аффективных и связанных со стрессом расстройств на субъективное представление человека о психологическом времени, куда включается и понятие временной перспективы личности – такие знания могли бы сыграть важную роль в терапии рассматриваемых нарушений, ведь знания о восприятии психологического времени, отражении этого восприятия в мышлении, могут пролить свет на структуру когнитивных установок тревожного и депрессивного плана, имеющиеся у личности мотивационные ресурсы. В то же время восприятие физического времени может выступать своеобразным индикатором актуального психического состояния личности, что очень важно в процессе лечения.

Содержание понятия временной перспективы личности

В настоящий момент не существует общепринятой теории временной перспективы личности. Рассмотрим несколько основных подходов к пониманию ключевых моментов обсуждаемого феномена. Так, Ж. Нюттен выделил следующие параметры, характеризующие понятие временной перспективы, – протяженность, насыщенность распределения объектов, степень их структурированности, степень яркости и реалистичности. Временную перспективу, по мнению автора, следует отличать от понятий временной установки (когнитивный конструкт, более или менее позитивная настроенность по отношению к событиям прошлого, настоящего или будущего) и временной ориентации (доминирующая направленность поведения человека на прошлое, настоящее или будущее). Также автор делает акцент на трех психических процессах, которые играют значительную роль в формировании временной перспективы: восприятие, дающее знания о настоящей ситуации; память, воссоздающая пережитый опыт прошлого; воображение, позволяющее предвосхищать события будущего (Nuttin, 1985).

Нельзя обойти стороной теорию Ф. Зимбардо, получившую наибольшую известность в контексте изучения временной перспективы личности. В тандеме с И. Боннивелл исследователь предложил рассматривать временную перспективу через призму когнитивного, эмоционального и социального аспектов (Zimbardo, Boniwell, 2004). Основными критериями измерения временной перспективы с точки зрения рассматриваемого подхода являются негативное и позитивное прошлое (когнитивная оценка событий прошлого), гедонистическое и фаталистическое настоящее (уровень гедонизма или фатализма в направленности деятельности в настоящем), степень ориентации на будущее (Zimbardo, Boyd, 1999).

В отечественной психологии хочется выделить работы таких авторов, как Е.И. Головаха и А.А. Кроник, которые определили временную перспективу как субъективную структуру межсобытийных связей, то есть наличие в сознании различных связей между событиями, что позволяет формировать представление о прошлом, настоящем и будущем (Головаха, Кроник, 1984). Также отметим К.А. Абульханову и Т.Н. Березину, которые, продолжая традиции понимания личности как субъекта жизни С.Л. Рубинштейна, сделали акцент на ценностно-смысловых образованиях в контексте временной перспективы. Авторы вводят такие термины, как «жизненная позиция» – накопленный прошлый опыт достижений и одновременно будущий потенциал личности; «жизненная линия» – восходящая или нисходящая, прерывистая или непрерывная траектория жизненного движения личности; «жизненная перспектива» – будущие цели и ценности, а также темп жизненного движения, прогнозы развития (Абульханова, Березина, 1987).

Рассмотренные теории и подходы к изучению временной перспективы личности не дают полного и исчерпывающего представления об изучаемой проблеме и затрагивают только отдельные ее аспекты, что открывает возможности для дальнейших исследований. Перейдем к вопросу о влиянии на особенности временной перспективы основных интересующих нас симптомов аффективных расстройств – тревоги и депрессии.

Временная перспектива личности в соотношении с понятиями тревоги и депрессии

Изучение временной перспективы имеет особое значение в контексте лечения различных психических расстройств. Поскольку восприятие, направленность индивидуального времени, по всей видимости, можно отнести к закономерностям, определяющим пространственно-временную организацию психики (Веккер, 2000), понимание этих механизмов позволит более эффективно организовывать терапевтический и реабилитационный процессы в клинике психических заболеваний. Известно, что эмоциональное отношение к своему прошлому, настоящему и будущему неодинаково при различных психических состояниях (Вассерман, Трифонова, Червинская, 2009). При этом особенности влияния различных психических нарушений, симптомов аффективной патологии и личностных свойств человека на субъективное восприятие времени, и временную перспективу в частности, остаются малоизученной проблемой в области психологических и психиатрических наук.

Один из родоначальников когнитивной психотерапии А. Бек в своих исследованиях особенностей познавательных функций депрессивных больных выделил так называемую триаду депрессии, в которой прослеживается четкая связь с феноменом временной перспективы. Так, основными симптомами депрессии на когнитивном уровне автор назвал негативную самооценку, негативную интерпретацию настоящего опыта, а также негативное предвосхищение событий будущего. Эти три аспекта не являются равнозначными, негативная

оценка будущего формируется на основе первых двух компонентов (Beck, 1972). В исследовании Ю.Е. Зайцевой было обнаружено, что даже незначительное нарастание негативного отношения к будущему по отношению к настоящему приводит к затруднениям в формировании образа будущего, обесцениванию прошлого опыта и пессимистичной направленности сценариев жизненного пути (Зайцева, 2018). В случае с негативной самооценкой, исследование О.Ю. Стрижицкой показало, что при низких показателях самооценки прошлое воспринимается преимущественно в негативном ключе, а будущее переживается как неструктурированное и пустое, малонасыщенное (Стрижицкая, 2006). Таким образом, субъективное восприятие времени может быть рассмотрено как индикатор актуального состояния личности в контексте депрессии.

Здесь уместно отметить целесообразность понимания суицидального поведения как одного из частых проявлений депрессии через призму когнитивных искажений. Имеются эмпирические данные о наличии связи между негативной оценкой будущего и суицидальным поведением (Мидько, 2011, 2013).

Далее остановимся на связи восприятия прошлого, настоящего и будущего с феноменом тревоги. Тревога – это эмоциональное состояние острого бессодержательного беспокойства, связываемого в сознании человека с прогнозированием будущей неудачи, опасности или же с ожиданием какого-либо значимого события в условиях неопределенности (Ильин, 2005). По определению А.М. Прихожан, тревога – есть переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грозящей опасности, то есть опасности, имеющей место в представлении человека о его будущем. Механизм усиления тревоги тесно связан с накоплением и оценкой пережитого отрицательного эмоционального опыта (то есть, прошлого опыта), который в свою очередь порождает негативные прогностические оценки будущего и определяет по многим параметрам модальность, эмоциональную насыщенность актуального, настоящего опыта, тем самым увеличивая тревогу (Прихожан, 1998).

В.Н. Дружинин отмечает значение тревоги и тревожных состояний в когнитивной активности. Так как человек стремится избавиться от неприятного ощущения тревоги, данное стремление побуждает его к поиску путей избавления от этого ощущения, порождая различные варианты картины мира (настоящего и будущего). Тревога в концепции автора предстает двигателем умственной деятельности, но достижение результата не приводит к полному избавлению от тревоги, так как будущее в восприятии человека не исчезает, а лишь откладывается после каждого нового действия (Дружинин, 2001).

Имеются данные, показывающие, что временная перспектива личности находится во взаимосвязи с уровнем личностной тревоги. Чем выше уровень личностной тревоги, тем более негативное восприятие прошлого, а при снижении уровня личностной тревоги наблюдается повышение ориентированности на будущие планы и достижения (Пантелеева, Куприянов, 2019).

Итак, восприятие прошлого, настоящего и будущего играет немаловажную роль в контексте ведущих симптомов аффективных расстройств – тревоги и депрессии. Далее остановимся на кратком обзоре исследований временной перспективы личности у пациентов с аффективными расстройствами.

Особенности временной перспективы личности у пациентов с аффективными расстройствами

Аффект, в широком смысле этого термина, является внешним выражением внутренних субъективных переживаний человека, эмоций. К внешним выражениям эмоций могут относиться мимика, жестикация, интонация, вегетативные реакции. Аффективные расстройства представляют собой чрезмерное выражение естественных эмоций человека или же нарушение их динамики (лабильность, ригидность). О патологии можно говорить тогда, когда аффективные проявления сказываются в негативном ключе на поведении человека и вызывают нарушения адаптации (Жариков, Тюльпин, 2002).

Аффективные расстройства, или расстройства настроения, характеризуются прежде всего патологическим изменением аффекта, чаще в сторону угнетения (для описания подобных вариантов аффективного спектра принято использовать термин «депрессия») или же подъема (в этом случае используется термин «мания»), что также часто сопровождается изменением общего уровня активности и тревогой. Большинство аффективных расстройств имеют тенденцию к повторяемости (Казаковцев, Голланд и др., 2013).

Описываемое изменение аффекта и связанные с ним нарушения адаптации могут происходить по различным причинам. В русскоязычной литературе принято выделять эндогенные (обусловленными внутренними факторами самого организма) и экзогенные (обусловленные внешними факторами – сюда же относятся психогении) механизмы возникновения аффективных расстройств (Тиганов, 1999). В зависимости от факторов, обуславливающих возникновение аффективного заболевания, временная перспектива личности может иметь различное влияние на отдельные характеристики и проявления описываемых расстройств.

В настоящий момент существует довольно мало исследований особенностей временной перспективы личности у пациентов с аффективными расстройствами, в том числе и в контексте разницы эндогенных и экзогенных (в данном случае – психогенных) аффективных расстройств как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Остановимся на некоторых из имеющихся исследований.

В зарубежном исследовании восприятия времени пациентами с различными психическими расстройствами (в том числе, с депрессией, биполярным расстройством) наблюдались пессимистические тенденции в восприятии будущего (Oyanadel, Buena-Casal, 2014). Депрессивные пациенты акцентируют внимание на субъективном опыте прошлого и ожидаемом будущем больше, чем на событиях настоящего момента (Mundt et al., 1998), демонстрируют негативное представление о прошлом, фаталистический взгляд на настоящее (Lefevre et al., 2019).

Похожие результаты получены в исследовании Г.П. Шустровой, где демонстрируются данные о депрессивных больных пожилого возраста на фоне лечения, а также в сравнении со здоровыми испытуемыми. Так, было обнару-

жено, что в начале лечения депрессивные больные пожилого возраста демонстрировали негативное отношение к настоящему времени, что выражалось в наличии чувств подавленности, пустоты, тоски, одиночества, отсутствии четкого понимания событий настоящего. В период ремиссии у больных появлялись эмоции радости и удовлетворения, прослеживалась большая упорядоченность событий настоящего времени, восстанавливалось ощущение влияния на жизненные события, способности целенаправленно решать актуальные задачи. Что касается прошедшего времени, пожилые больные с депрессией были склонны к идеализации прошлого, что выражалось в оценке данного времени как наиболее положительного, яркого, насыщенного, наполненного событиями – такое восприятие может служить своего рода психологической защитой, позволяющей отвлечься от пугающих и мрачных событий настоящего. В целом оценка прошлого сходна с оценкой здоровых людей, однако у последних отсутствует идеализация прошлого, оно выступает более понятным, структурированным.

В исследовании особенностей восприятия будущего времени у больных депрессией до лечения отмечается, что в оценке присутствует неуверенность, недостаточно оптимистичное отношение к будущему. В конце лечения у больных изменяется окраска эмоционального отношения к будущему в позитивную сторону, что связано с появлением надежды на преодоление трудностей и субъективно ощущаемым улучшением состояния (Шустрова, 2006).

В другом исследовании депрессивных пациентов старшего возраста было обнаружено, что настоящее время таких пациентов не связано с гедонистическими проявлениями (получение удовольствия и позитивные эмоции), а будущее предстает менее радужным и структурированным. При этом интересен тот факт, что оценка событий прошлого не показала у таких больных связи с депрессией, что может быть использовано в психотерапевтических целях. При нормальном старении и отсутствии депрессии временная перспектива носит сбалансированный характер, в ней позитивные аспекты преобладают над негативными (Микеладзе, 2016).

Временная перспектива исследовалась в контексте различных сложных и экстремальных жизненных ситуаций (Квасова, 2013; Ермолова, 2015), кризисных и переломных моментов (Павлова, Симонова, 2011), в условиях социальной изоляции (Сурикова, 2012) или лишения свободы (Бовин, Славинская, 2011). Очевидно, что в описанных условиях не исключено и вероятно развитие аффективных расстройств. Такого рода события и перемены в жизни могут оказать значительное влияние на переживание человеком прошлого, настоящего и будущего – будущее может приобрести негативную, пессимистическую окраску, настоящее будет восприниматься хаотично, неопределенно, а прошлое не будет достаточным психологическим ресурсом, каким могло бы быть. Все это способно спровоцировать появление психогенных расстройств и различных форм дезадаптивного поведения (Ермолова, Штрахова, 2015).

Известно, что кризисные ситуации могут послужить причиной появления суицидных мыслей (Амбрумова, Тихоненко, 1978), а также порождают

чувства беспомощности и безнадежности, так как человек не ощущает возможность тем или иным образом повлиять на ситуацию. Чувство безнадежности имеет два аспекта – пессимизм в отношении событий будущего и ощущение беспомощности перед ожидаемыми негативными событиями (Мидько, 2013). Ощущение беспомощности и безнадежности и наличие суицидных мыслей широко встречаются в клинике аффективных расстройств.

Имеются эмпирические данные о наличии связи между негативной оценкой будущего и суицидальным поведением (Мидько, 2011, 2013). В исследовании временной перспективы пациентов с суицидальным поведением И.М. Ермоловой и А.В. Штраховой было обнаружено, что при наличии пессимистической оценки настоящего и будущего, оценка прошлого имеет ярко выраженную позитивную окраску. Прошлое предстает более наполненным смыслом и активностью, в то время как настоящее имеет низкую степень насыщенности событий и реализованности. Будущее такие пациенты прогнозируют недостаточно хорошо, что объясняет факт выделения наиболее близких будущих событий, которые легче всего прогнозируются (Ермолова, Штрахова, 2015).

Существуют данные о том, что именно работа с отношением к прошлому – замена негативного восприятия прошлого на позитивное или же акцент на имеющихся в прошлом позитивных моментах – может выступать мощным ресурсом для психотерапии людей, совершавших суицидные попытки (Чистопольская, Ениколопов, 2015).

Была обнаружена интересная взаимосвязь степени выраженности депрессивного аффекта и показателей отношения к будущему времени. Так, оказалось, что чем выше тяжесть депрессии, тем более живым и насыщенным, более радостным представляется будущее. Также есть данные о взаимосвязи между длительностью заболевания депрессией и восприятием времени – если в прошлом у больного отмечались депрессивные эпизоды, он будет оценивать будущее и настоящее время в целом менее позитивно, впервые заболевшие же оценивают временные показатели менее пессимистично (Шустрова, 2006).

Крайне мало исследований о пациентах с маниакальными эпизодами. Получены данные, согласно которым такие пациенты воспринимают временные интервалы как менее длительные, чем есть на самом деле, что приводит к ускорению субъективного восприятия времени (Mahlberg et al., 2008).

Данные сравнительного исследования больных психогенной (невротической) депрессией с наличием или отсутствием соматоформной симптоматики свидетельствуют о том, что больные без соматоформных симптомов воспринимают настоящее время более пессимистично, с большим включением компонентов печали, грусти и подавленности, чем депрессивные больные с соматоформными симптомами. Для обеих групп больных в настоящем прослеживается спад активности, нарастание истощаемости, слабости и вялости. В то же время больные с соматоформными расстройствами склонны более оптимистично оценивать свое будущее, видеть его радостным, активным, наполненными событиями, чем больные с депрессиями, у которых не наблюдается соматоформных симптомов. Также возрастает и отчетливость структуры будущего времени у больных с сома-

тоформными депрессивными расстройствами – они более четко воспринимают свои цели и потребности, актуализация которых невозможна в настоящем ввиду наличия болезни, у больных же без соматоформной симптоматики будущее более размыто, отсутствуют настолько четкие планы и ожидания (Чугунов, 2006).

В комплексном исследовании Л.И. Вассермана и коллег было обнаружено, что показатели временной перспективы находятся во взаимосвязи с выраженностью эндогенного компонента в структуре депрессии. Так, больные с невротической (психогенной) депрессией склонны сохранять позитивное отношение к своему будущему при наличии в настоящем негативных переживаний и внутренних конфликтов, чего нельзя сказать о больных с эндогенной депрессией, которые воспринимают будущее в более негативном ключе (Вассерман, Трифонова, Червинская, 2009).

Далее перейдем к некоторым результатам исследований восприятия отдельных аспектов физического времени. У пациентов с биполярным расстройством и высоким уровнем тревоги длительность субъективной минуты значительно короче, чем у здоровых испытуемых – то есть скорость течения времени в ситуативном масштабе у таких пациентов довольно высока (Зимина, Костюкова, Мосолов, 2016).

Также было обнаружено, что депрессивные пациенты воспринимают время в замедленном темпе. При этом более длительные интервалы времени такие пациенты склонны недооценивать, наделять их преувеличенным значением (Thones, Oberfeld, 2015). Замедленное течение времени у депрессивных пациентов и ускоренное течение у тревожных пациентов подтверждаются и в других исследованиях. Есть мнение, что ускоренное восприятие времени у тревожных пациентов обуславливается нарушениями процессов внимания (Mioni et al., 2016). Некоторые исследователи считают, что, несмотря на субъективное замедление времени у депрессивных пациентов, объективное хронометрическое восприятие времени при этом не нарушается – то есть больные способны правильно оценивать временные интервалы, ощущая замедленное течение времени (Hawkins et al., 1988).

Таким образом, особенности временной перспективы личности могут иметь влияние на течение депрессивных переживаний, отражаются в проявлениях тревоги и суицидальных тенденций, а конкретные когнитивные и эмоциональные конструкты восприятия времени могут служить мишенями для психокоррекционных и психотерапевтических воздействий. В частности, представляется эффективным направлять психотерапевтическое воздействие на коррекцию установок в сторону упорядоченности и структурированности представлений о будущем, а также на формирование мотивации получения удовольствия в настоящем времени.

Заключение

На сегодняшний день изучение особенностей временной перспективы личности остается актуальным, вызывая интерес исследователей и ученых в сферах психологии и психиатрии. Являясь одной из областей восприятия

времени, временная перспектива отражает целостное субъективное понимание человеком событий прошлого, настоящего и будущего. На данный момент не существует единой теории, во всей полноте описывающей феномен временной перспективы. Наиболее известной и распространенной является теория Ф. Зимбардо, который предложил измерить субъективное восприятие событий прошлого, настоящего и будущего на основе когнитивной и эмоциональной оценки (позитивное и негативное прошлое, фаталистическое и гедонистическое настоящее).

Понимание особенностей временной перспективы может стать подспорьем в лечении и диагностике различных психических расстройств, так как изучаемый феномен является одной из закономерностей, определяющих пространственно-временную организацию психики, и способен служить индикатором тревожных и депрессивных переживаний. Восприятие прошлого, настоящего и будущего в контексте аффективных расстройств имеет свои особенности и характеристики, знание которых позволит лучше понимать течение заболеваний и выявлять мишени для психотерапевтического или психологического воздействия.

Исходя из анализа имеющихся исследований, можно сделать выводы о наличии у депрессивных пациентов пессимистического отношения к событиям будущего и фиксированности на событиях прошлого. Для дальнейших выводов необходимо большее количество исследований в данной области, в особенности среди пациентов с маниакальными и тревожными эпизодами, а также в контексте разницы эндогенных и психогенных форм аффективных расстройств.

Список литературы

- Абульханова К.А., Березина Т.Н. *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
- Амбрумова А.Г. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии: труды Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. М., 1978. С. 6–28.
- Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Червинская К.Р. Семантический дифференциал времени: экспертная и психодиагностическая система в медицинской психологии: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: СПб НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2009. 44 с.
- Веккер Л.М. *Психика и реальность: единая теория психических процессов*. М.: Смысл, 1998. 685 с.
- Головаха Е.И., Кроник А.А. *Психологическое время личности*. Киев: Наукова думка, 1984. 209 с.
- Дружинин В.Н. *Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие*. М.: ПЕРСЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. 224 с.
- Ермолова И.М., Крунэ О.В., Вишняков И.А. Временная перспектива у суицидентов при переживании безнадежности // Омский психиатрический журнал. 2015. № 3 (5). С. 38–41.
- Ермолова И.М., Штрахова А.В. Временная перспектива и переживание безнадежности в структуре внутренних форм суицидального поведения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2015. № 4. С. 39–51. <https://doi.org/10.14529/psy150405>

- Жариков Н.М., Тюльпин Ю.Г. Психиатрия: учебник. М.: Медицина, 2002. 544 с.
- Зайцева Ю.Е. Время смысла: нарративный модус временной перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 1. С. 16–33. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.102>
- Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 1. С. 118–136.
- Зимина С.В., Костюкова Е.Г., Мосолов С.Н. Дневная динамика восприятия времени при заторможенной и тревожной депрессии у больных биполярным расстройством II типа // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2016. № 12. С. 34–38. DOI 10.17116/jnevro201611612134-38.
- Ильин Е.П. Психофизиология состояния человека. СПб.: Питер, 2005. 412 с.
- Квасова О.Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2013.
- Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. С. 179–184.
- Мидько А.А., Бирон Б.В., Розанов В.А. Суицидальное поведение мужчин: уточнение роли безнадежности и депрессии методами структурного моделирования. Часть II. Феномен безнадежности и суицидальность: эффекты стратификации // Суицидология. 2013. № 4 (13). С. 17–26.
- Мидько А.А., Розанов В.А. Гнев и другие личностные предикторы тяжести суицидальной попытки в связи с переживанием безнадежности // Медицинская психология. 2011. № 1. С. 70–77.
- Микеладзе Л.И. Временная перспектива при нормальном и патологическом старении: теория витаукта // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 3. С. 178–190.
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
- Павлова Е.В., Симонова П.П. Изменения временной перспективы у пациентов в кризисных состояниях // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 95. № 4. С. 225–231.
- Пантелеева В.В., Куприянов С.Н. Взаимосвязь временной перспективы с уровнем личностной и ситуативной тревожности личности // Научен вектор на Балканите. 2019. № 1 (3). С. 63–65
- Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. 1998. № 2. С. 11–17.
- Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации / под общ. ред. Б.А. Казаковцева, В.Б. Голланда. М.: Минздрав России, 1998. 512 с.
- Славинская Ю.В., Бовин Б.Г. Типология временных перспектив осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 4 (75). С. 126–130.
- Стрижицкая О.Ю. Самоотношение и временная трансперспектива личности в период поздней взрослости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2006. 24 с.
- Сумина Н.Е., Ничипоренко Н.П. Взаимосвязь антиципационной состоятельности с личностными свойствами // Российский психологический журнал. 2007. № 4. С. 22–29.
- Сурикова Я.А. Особенности временной перспективы пожилых, проживающих в условиях социальной изоляции // Личность в экстремальных условиях. Вып. 2: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч. 2 / науч. ред. А.В. Серый, М.С. Яницкий; под общ. ред. А.А. Бучек, Ю.Ю. Неяскиной, М.А. Фризена. Петропавловск-Камчатский: КамГУ имени Витуса Беринга, 2012. С. 90–97.
- Тарасова Л.Н., Ковалев С.Ю. Теории времени в психологии // Вестник Мордовского университета. 2007. № 2. С. 116–118.
- Тиганов А.С., Снежневский А.В., Орловская Д.Д. и др. Руководство по психиатрии / под ред. А.С. Тиганова. М.: Медицина, 1999.

- Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н.* Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. № 1. С. 8–20.
- Чугунов Д.Н.* Психологические механизмы формирования концепции болезни и качества жизни при соматоформных депрессиях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2006. 32с.
- Шустрова Г.П.* Психосемантический подход в диагностике личности и оценке динамики лечения больных с депрессивными расстройствами в пожилом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, 2006. 24 с.
- Яничев П.И.* Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2007. № 42. С. 7–20.
- Beck A.T.* Depression: Causes and treatment. Philadelphia: University Pennsylvania Press, 1972. 370 p. <https://doi.org/10.9783/9780812290882>
- Boniwell I., Zimbardo P.G.* Balancing Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning // Positive Psychology in Practice / Eds. Alex Linley, Stephan Joseph. Hoboken: John Wiley & Sons, 2012. Pp. 165–178. <https://doi.org/10.1002/9780470939338.ch10>
- Frank L.K.* Time perspective // Journal of Philosophy. 1939. Vol. 4. Pp. 293–312.
- Hawkins W.L., French L.C., Crawford B.D., Enzle M.E.* Depressed affect and time perception // Journal of Abnormal Psychology. Vol. 97. No. 3. Pp. 275–280. <https://doi.org/10.1037/0021-843x.97.3.275>
- Kaya Lefèvre H., Mirabel-Sarron C., Docteur A., Leclerc V., Laszcz A., Gorwood P., Bungener C.* Time perspective differences between depressed patients and non-depressed participants, and their relationships with depressive and anxiety symptoms // Journal of Affective Disorders. 2019. Vol. 246. Pp. 320–326. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2018.12.053>
- Mahlberg R., Kienast T., Bschor T., Adli M.* Evaluation of time memory in acutely depressed patients, manic patients, and healthy controls using a time reproduction task // European Psychiatry. 2008. Vol. 23. No. 6. Pp. 430–433. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2007.07.001>
- Mioni G., Stablum F., Prunetti E., Grondin S.* Time perception in anxious and depressed patients: A comparison between time reproduction and time production tasks // Journal of Affective Disorders. 2016. Vol. 196. Pp. 154–163. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2016.02.047>
- Mundt C., Richter P., van Hees H., Stumpf T.* Time perception and time estimation in depressive patients // Nervenarzt. 1998. Vol. 69. No. 1. Pp. 38–45. <https://doi.org/10.1007/s001150050236>
- Oyanadel C., Buela-Casal G.* Time perception and psychopathology: Influence of time perspective on quality of life of severe mental illness // Actas Españolas de Psiquiatría. 2014. Vol. 42. No. 3. Pp. 99–107.
- Thönes S., Oberfeld D.* Time perception in depression: a meta-analysis // Journal of Affective Disorders. 2015. Vol. 175. Pp. 359–372. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2014.12.057>
- Zimbardo P.G., Boyd J.N.* Putting Time into Perspective. A Valid, Reliable Individual-Differences Metric Measurement // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. Pp. 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>

История статьи:

Поступила в редакцию: 24 мая 2019 г.

Принята к печати: 25 июля 2019 г.

Для цитирования:

Захарова А.Ю., Трусова А.В. Временная перспектива личности при аффективных расстройствах: обзор научных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 435–450. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-435-450>

Сведения об авторах:

Захарова Анна Юрьевна, аспирант кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: zastudy1@mail.ru

Трусова Анна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева. eLIBRARY SPIN-код: 3486-9970. E-mail: anna.v.trusova@gmail.com

Review article

Time Perspective in Patients with Affective Disorders: Review of Scientific Research

Anna Yu. Zakharova¹, Anna V. Trusova^{1,2}

¹Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

²V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology
3 Bekhtereva St., Saint Petersburg, 192019, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the theoretical analysis of the Russian and international studies devoted to the phenomenon of the time perspective of the personality. The time perspective is an extremely relevant research topic, and at the same time, a little-studied area of psychological and psychiatric science. The history of the term is briefly described, the main approaches to the definition of the concept are considered, the important properties and characteristics of the time perspective of the individual are determined. In this article, the features of the time perspective of a personality are considered with regard to anxiety and depression, important manifestations of affective disorders; the properties of the temporal perspective are considered in the context of manifestations of anxiety and depression in patients with affective disorders. The connection of the depressive episodes and the subjective attitude to the past, present, and future is marked, the role of dysfunctional time perspective in the context of depressive and anxious experiences is emphasized. The influence of subjective perception of time, especially future, on the increasing anxiety is reflected. Some foreign and domestic studies of the time perspective in patients with affective disorders are considered and analyzed. We found some differences in subjective perception of time and time perspective in patients with anxious and depressive manifestations: the speed of time in depressed patients is slowed down, in anxious patients it is accelerated; as for the attitude to the past, present, and future, in patients with severe depressive manifestations there is a pessimistic attitude to the events of the future and fixation on the events of the past.

Key words: time perspective; past; present; future; time perception; anxiety; depression; affective disorders

References

Abulkhanova, K.A., & Berezina, T.N. (2009). *Vremya lichnosti i vremya zhizni*. Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (In Russ.)

- Ambrumova, A.G. (1978). Suicid kak fenomen social'no-psihologicheskoy dezadaptatsii lichnosti. *Aktual'nye problemy suikidologii* (pp. 6–28). Moscow: Research Institute of Psychiatry Publ. (In Russ.)
- Beck, A.T. (1972). *Depression: Causes and Treatment*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. <https://doi.org/10.9783/9780812290882>
- Boniwell, I., & Zimbardo, P.G. (2012). Balancing Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning. *Positive Psychology in Practice* (pp. 165–178). <https://doi.org/10.1002/9780470939338.ch10>
- Chistopolskaya, K.A., & Enikolopov, S.N. (2015). Otnoshenie k smerti posle popytki samoubistva: stigmatizatsiya i samostigmatizatsiya suicidal'nykh pacientov. *Vestnik Psikhiiatrii i Psikhologii Chuvashii*, (1), 8–20. (In Russ.)
- Chugunov, D.N. (2006). *Psikhologicheskie mexanizmy formirovaniya koncepcii bolezni i kachestva zhizni pri somatiformnykh depressiyakh*. Ph.D. Thesis Abstract. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.)
- Druzhinin, V.N. (2001). Kognitivnye sposobnosti: struktura, diagnostika, razvitie. Moscow: PERSE Publ.; Saint Petersburg: IMATON-M Publ. (In Russ.)
- Ermolova, I.M. (2015). Vremennaya perspektiva u suikidentov pri perezhivanii beznadezhnosti. *Omskij Psikhiiatricheskij Zhurnal*, 3(5), 38–41. (In Russ.)
- Ermolova, I.M., Shtrakhova, A.V. (2015). Time perspective and hopelessness feeling in the structure of internal forms of suicidal behavior. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 8(4), 39–51. <https://doi.org/10.14529/psy150405>. (In Russ.)
- Frank, L.K. (1939). Time Perspective. *Journal of Philosophy*, (4), 293–312.
- Golovakha, E.I., & Kronik, A.A. (1984). *Psikhologicheskoe Vremya Lichnosti*. Kiev: Naukova dumka Publ. (In Russ.)
- Hawkins, W.L., French, L.C., Crawford, B.D., & Enzle, M.E. (1988). Depressed affect and time perception. *Journal of Abnormal Psychology*, 97(3), 275–280. <https://doi.org/10.1037/0021-843x.97.3.275>
- Ilyin, E.P. (2005). *Psikhofiziologiya Sostoyanij Cheloveka*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Kaya Lefèvre, H., Mirabel-Sarron, C., Docteur, A., Leclerc, V., Laszcz, A., Gorwood, P., & Bungener, C. (2019). Time perspective differences between depressed patients and non-depressed participants, and their relationships with depressive and anxiety symptoms. *Journal of Affective Disorders*, 246, 320–326. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2018.12.053>
- Kazakovtsev, B.A., & Golland, V.B. (Eds.). (1998). *Psikhicheskie Rasstrojstva i Rasstrojstva Povedeniya (F00-F99). Klass V MKB-10*. Moscow: Russian Ministry of Health.
- Kovalev, V.I. (1995). Osobennosti lichnostnoj organizatsii vremeni zhizni. *Gumanisticheskie Problemy Psikhologicheskoy Teorii*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kvasova, O.G. (2013). *Transformatsiya Vremennoj Perspektivy Lichnosti v Ekstremal'noj Situatsii*. Ph.D. Thesis. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Mahlberg, R., Kienast, T., Bschor, T., & Adli, M. (2008). Evaluation of time memory in acutely depressed patients, manic patients, and healthy controls using a time reproduction task. *European Psychiatry*, 23(6), 430–433. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2007.07.001>
- Midko, A.A., Biron, B.V., & Rozanov, V.A. (2013). Suicidal'noe povedenie muzhchin: utochnenie roli beznadezhnosti i depressii metodami strukturnogo modelirovaniya. Chast II. Fenomen beznadezhnosti i suicidal'nost': efekty stratifikatsii. *Suikidologiya*, 4 (13), 17–26. (In Russ.)
- Midko, A.A., & Rozanov, V.A. (2011). Gnev i drugie lichnostnye prediktory tyazhesti suicidal'noj popytki v svyazi s perezhivaniem beznadezhnosti. *Meditsinskaya Psikhologiya*, (1), 70–77. (In Russ.)
- Mikeladze, L.I. (2016) Vremennaya perspektiva pri normal'nom i patologicheskom starenii: teoriya vitaukta. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, (3), 178–190. (In Russ.)
- Mioni, G., Stablum, F., Prunetti, E., & Grondin, S. (2016). Time perception in anxious and depressed patients: A comparison between time reproduction and time production tasks. *Journal of Affective Disorders*, (196), 154–163. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2016.02.047>

- Mundt, C., Richter, P., van Hees, H., & Stumpf, T. (1998). Time perception and time estimation in depressive patients. *Der Nervenarzt*, 69(1), 38–45. <https://doi.org/10.1007/s001150050236>. (In Germ.)
- Nyutten, Zh. (2004). *Motivaciya, Dejstvie i Perspektiva Budushhego*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Oyanadel, C., & Buela-Casal, G. (2014). Time perception and psychopathology: Influence of time perspective on quality of life of severe mental illness. *Actas Españolas de Psiquiatría*, 42(3), 99–107.
- Panteleeva, V.V., & Kupriyanov, S.N. (2019). Vzaimosvyaz' vremennoj perspektivy s urovnem lichnostnoj i situativnoj trevozhnosti lichnosti. *Nauchen Vektor na Balkanite*, 1(3), 63–65. (In Russ.)
- Pavlova, E.V., & Simonova, P.P. (2011). Time perspective changes of patients in the crisis states. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues In Education, Science and Culture*, 95(4), 225–231. (In Russ.)
- Prikhozhan, A.M. (1998). Prichiny, profilaktika i preodolenie trevozhnosti. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie*, (2), 11–17. (In Russ.)
- Shustrova, G.P. (2006). *Psikhosemanticheskij Podkhod v Diagnostike Lichnosti i Otsenke Dinamiki Lecheniya Bol'nykh s Depressivnymi Rasstrojstvami v Pozhilom Vozraste*. Ph.D. Thesis Abstract. Saint Petersburg: Saint Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute. (In Russ.)
- Slavinskaya, Yu.V., & Bovin, B.G. (2011). Typology of time perspectives of prisoners serving life imprisonment. *Chelovek: Prestuplenie i Nakazanie*, (4), 126–130. (In Russ.)
- Strizhiczskaya, O.Yu. (2006). *Samootnoshenie i Vremennaya Transspetiva Lichnosti v Period Pozdnej Vzroslosti*. Ph.D. Thesis Abstract. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.)
- Sumina, N.E., & Nichiporenko, N.P. (2007). Interconnection between anticipation consistency and personality properties. *Russian Psychological Journal*, (4), 22–29.
- Surikova, Ya.A. (2012). Osobennosti vremennoj perspektivy pozhilykh, prozhivayushhikh v usloviyakh social'noj izol'yi. *Lichnost' v Ekstremal'nykh Usloviyakh*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University named after Vitus Bering Publ. (In Russ.)
- Tarasova, L.N., & Kovalev, S.Yu. (2007). Teorii vremeni v psikhologii. *Vestnik Mordovskogo Universiteta*, (2), 116–118. (In Russ.)
- Thönes, S., & Oberfeld, D. (2015). Time perception in depression: A meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 175, 359–372. <https://doi.org/doi:10.1016/j.jad.2014.12.057>
- Tiganov, A.S., Snezhnevskij, A.V., & Orlovskaya, D.D. (1999). *Rukovodstvo po Psikhiiatrii*. Moscow: Medicina Publ. (In Russ.)
- Vasserman, L.I., Trifonova, E.A., & Chervinskaya, K.R. (2009). *Semanticheskij Differencial Vremeni: Ekspertnaya I Psikhodiagnosticheskaya Sistema v Medicinskoj Psikhologii*. Saint Petersburg: Saint Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute. (In Russ.)
- Vekker, L.M. (1998). *Psikhika i Real'nost': Edinaya Teoriya Psikhicheskikh Processov*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Yanichev, P.I. (2007). Psikhologiya Otrazheniya i Perezhivaniya Vremeni: Aktual'nye Problemy. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (42), 7–20.
- Zaitseva, Yu.E. (2016). Self-narrative as an instrument of identity construction: existential-narrative approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, (1), 118–136. (In Russ.)
- Zaitseva, Yu.E. (2018). Time of meaning: Narrative modus of time perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 8(1), 16–33. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.102>. (In Russ.)
- Zharikov, N.M., & Tyulpin, Yu.G. (2002). *Psikhiiatriya*. Moscow: Medicina Publ. (In Russ.)
- Zimbardo, P.G., & Boyd, J.N. (1999). Putting Time into Perspective. A Valid, Reliable Individual-Differences Metric Measurement. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77, 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>

Zimina, S.V., Kostyukova, E.G., & Mosolov, S.N. (2016). Daily dynamics of time perception in bipolar II disorder patients with redarted or anxious depression. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry [Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova]*, 116(12), 34–38. <https://doi.org/10.17116/jnevro201611612134-38>. (In Russ.)

Article history:

Received: 24 May 2019

Revised: 23 July 2019

Accepted: 25 July 2019

For citation:

Zakharova, A. Yu., & Trusova, A. V. (2019). Time Perspective in Patients with Affective Disorders: Review of Scientific Research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 435–450. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-435-450>

Bio notes:

Anna Yu. Zakharova is Ph.D. Student, Division of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University. E-mail: zawork1@mail.ru

Anna V. Trusova, Ph.D., is Associate Professor, Department of Psychology, Division of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University; Research Fellow, Department of Addictions, V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology. eLIBRARY SPIN-code: 3486-9970. E-mail: anna.v.trusova@gmail.com

Теоретическая статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-451-465

УДК 378.1:37.047:377.1

Индивидуальные образовательные программы как новый механизм сопряжения высшего образования и сферы труда

В.С. Сенашенко, Е.П. Стручкова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В настоящее время особую актуальность приобрела проблема сопряжения высшего образования и сферы труда. Отмечается, что ранее предпринятые рядом авторов попытки решить эту проблему путем сопряжения образовательных и профессиональных стандартов, а также посредством гармонизации требований, предъявляемых рынком труда к квалификациям специалистов, и компетенций выпускников высшей школы сталкиваются со значительными трудностями. В данной работе рассмотрены индивидуальные образовательные программы как один из механизмов сопряжения высшего образования и сферы труда. Проведен анализ возникающих отличий сопряжения высшего образования и сферы труда в контексте различных образовательных моделей. Так, в рамках профессиональной модели организации учебного процесса возможности построения индивидуальных образовательных программ ограничены величиной трудоемкости вариативной части образовательной программы по направлению подготовки или специальности. При этом речь идет о профессионализированных индивидуальных образовательных программах, основу которых составляют процессы становления профессиональной субъектности студента и формирования его профессионального облика. Такие индивидуальные образовательные программы уже на студенческой скамье ориентируют студентов не только на определенный вид трудовой деятельности, но и гарантируют обоснованный выбор будущей профессии. В работе акцентируется внимание на значительном влиянии индивидуализации профессиональных и профессионализации индивидуальных образовательных программ, а также многоуровневой структуры высшего образования на характер сопряжения образовательных программ высшей школы и траекторий профессионального становления молодых специалистов. Подчеркивается, что адаптация обучающихся к учебному процессу, построенному на принципах индивидуализации образовательных программ, является ключевым моментом междисциплинарной психолого-педагогической проблемы развития творческих способностей обучающихся и сопровождается овладением ими новыми умениями и навыками.

Ключевые слова: образовательная модель; индивидуализация учебного процесса; индивидуальные образовательные программы; адаптация студентов; нормативно-правовое обеспечение; многоуровневая структура высшего образования; индивидуализация профессиональных образовательных программ; профессионализация индивидуальных образовательных программ; сопряжение высшего образования и сферы труда; механизм сопряжения

© Сенашенко В.С., Стручкова Е.П., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В настоящее время особую актуальность приобрела проблема сопряжения высшего образования и сферы труда (Белоцерковский, 2015; Блинов, Батрова, Есенина, Факторович, 2015; Прохоров, 2018; Соловьев, Перескокова, 2017; Сенашенко, 2015; Севостьянов, 2018). Попытки ее решения путем сопряжения образовательных и профессиональных стандартов сталкиваются со значительными трудностями (Шехонин, Тарлыков, Вознесенская, Бахолдин, 2017; Караваева, 2017; Коршунов, 2018; Сенашенко, 2018). Рамочный характер образовательных стандартов ведет к тому, что стремление привязать образовательные стандарты к профессиональным оказывается малопродуктивным.

Среди возможных вариантов решения проблемы сопряжения высшего образования и сферы труда ранее была рассмотрена возможность гармонизации требований, предъявляемых рынком труда к квалификациям специалистов, и компетенций выпускников высшей школы (Пилипенко, Жидков, Караваева, Серова, 2016; Караваева, 2017). Такой подход к решению рассматриваемой проблемы опять же вызывает вопросы.

Во-первых, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) не соответствуют Федеральному закону «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, в котором применяется понятие единой компетенции, определяемой как часть квалификации выпускника высшей школы, тогда как в каждом ФГОС ВО вводится совокупность компетенций в виде требований к результатам обучения. Поэтому попытки соотносить требования, предъявляемые рынком труда к квалификациям работающих специалистов, и компетенции выпускников высшей школы вызывают недоумение, поскольку сравниваются фактически несопоставимые характеристики субъектов, занятых различными видами трудовой деятельности. Более правильно было бы сравнивать квалификацию выпускника высшей школы и квалификацию работающего специалиста или компетенции выпускника высшей школы и обобщенные трудовые функции работающего специалиста.

Во-вторых, имеют место дополнительные сложности, поскольку образовательные стандарты не соответствуют определению квалификации выпускника высшей школы, которое дается в Федеральном законе «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, а профессиональные стандарты не соответствуют определению квалификации работника, которое дается в ст. 195.1 Трудового кодекса РФ. Вместе с тем нужно иметь в виду, что различия между «квалификациями по диплому» и профессиональными квалификациями сохраняются в любом случае, поскольку их появление вызвано отличиями условий (отличиями образовательной и профессиональной среды), в которых происходит формирование этих квалификаций.

Откликом на появление профессиональных стандартов стали обновление образовательной модели выпускника высшей школы и разработка практико-ориентированных образовательных программ (Пак, Нугужин, Пак, Яманов, 2018). При этом сопряжение основных образовательных программ

высшего образования и профессиональных стандартов с последующей индивидуализацией учебного процесса на основе практико-ориентированных образовательных программ видится как более конструктивное решение рассматриваемой проблемы (Сенашенко, 2018). В качестве инструмента сопряжения высшего образования и сферы труда можно предложить организацию учебного процесса на основе алгоритма генерирования индивидуальных образовательных программ¹. Такой подход видится особенно значимым, принимая во внимание все возрастающее многообразие кадровых запросов работодателей, а также множество образовательных потребностей обучающихся (Блинов, Есенина, Клинок, Рыкова, Факторович, 2016). К тому же основные образовательные программы высшей школы остаются профильными² без определенной специализации³, которая ориентировала бы выпускника на выполнение определенных трудовых функций.

Следует отметить также связь характера сопряжения высшего образования и сферы труда с различными образовательными моделями организации учебного процесса. Так, при использовании либеральной образовательной модели требуется профессионализация индивидуальных образовательных программ, характеризующая их структуру и смысловые взаимосвязи, тогда как в случае профессиональной образовательной модели возникает необходимость в индивидуализации профессиональных образовательных программ с последующими организационными изменениями в учебном процессе (Сенашенко, Стручкова, 2019).

Для российской системы высшего образования профессиональная образовательная модель представляет собой традиционную основу образовательной деятельности образовательных организаций. Широкое распространение получило так называемое целевое обучение, при котором индивидуальные образовательные программы имеют, как правило, «групповой характер», а содержание соответствующих образовательных программ определяется не только с учетом интересов обучающихся, но и при непосредственном участии работодателей. Либеральная образовательная модель уходит от «групповой индивидуализации» образовательных программ, теряя при этом их профессиональную направленность. Происходит смена целевых ориентиров образовательных программ с профессионального выбора на индивидуальные, персонализированные предпочтения, при этом главная роль отводится интересам и возможностям самих обучающихся.

¹ Индивидуальная образовательная программа, или индивидуальный образовательный маршрут, – это персональный путь реализации в образовании личностного потенциала каждого обучающегося.

² Направленность (профиль) образования – ориентация образовательной программы на конкретные области знания и/или виды деятельности, определяющая ее предметно-тематическое содержание, преобладающие виды учебной деятельности обучающегося и требования к результатам освоения образовательной программы (ст. 2 п. 25 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ).

³ Специализация – это планомерная, целенаправленная подготовка учащихся и студентов к конкретному виду будущей трудовой деятельности в рамках определенной профессии. URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-84420-что-такое-специализация#ixzz5ka6bW7ym>

Очевидно, что в зависимости от выбора образовательной модели проблема сопряжения высшего образования и сферы труда решается различным образом – либо путем индивидуализации профессиональных программ, либо путем профессионализации индивидуальных образовательных программ. Изучение особенностей формирования профессиональной составляющей индивидуальных образовательных программ в рамках различных образовательных моделей позволяет выявить их влияние на эффективность сопряжения высшего образования и сферы труда⁴, получить более полное представление о направлениях совершенствования учебного процесса (Минеев, Соловьева, 2010; Сенашенко, Стручкова, 2019)

Целью настоящей работы является исследование возможностей нового механизма сопряжения высшего образования и сферы труда на основе индивидуальных образовательных программ в контексте различных образовательных моделей с учетом уровневой структуры высшего образования. Рассмотрены профессионализация индивидуальных образовательных программ и индивидуализация профессиональных образовательных программ в качестве основы для сопряжения индивидуальных образовательных программ и траекторий профессионального становления молодых специалистов.

Нормативно-правовое обеспечение формирования индивидуальных образовательных программ

В настоящее время алгоритмы формирования индивидуальных образовательных программ определяются Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, который предусматривает «обучение по индивидуальному учебному плану⁵ в пределах осваиваемой образовательной программы». Такой учебный план строится при «участии обучающегося в формировании содержания своего профессионального образования при условии соблюдения требований государственных образовательных стандартов». Обучающийся имеет право «выбора факультативных (необязательных для данного уровня образования) и элективных (избираемых в обязательном порядке) учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность» (ст. 34 пп. 3, 4, 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ). В соответствии с перечисленными положениями федерального закона определены требования ФГОС ВО к структуре основных образовательных программ, согласно которым образовательная программа по направлению подготовки или специальности «включает в себя базовую часть, являющуюся обязательной вне зависимости от направленности программы,

⁴ Эффективность сопряжения – это соотношение достигнутого и первоначального результатов освоения образовательной программы с учетом требований сферы труда.

⁵ Индивидуальный учебный план – учебный план, обеспечивающий освоение образовательной программы на основе индивидуализации ее содержания с учетом особенностей и образовательных потребностей конкретного обучающегося (ст. 2 п. 23 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ).

и вариативную часть, формируемую участниками образовательных отношений в соответствии с направленностью программы». Очевидно, что возможности построения индивидуальных образовательных программ в этом случае ограничены вариативной частью образовательной программы по направлению подготовки или специальности. При этом речь идет о профессионализированных индивидуальных образовательных программах, основу которых составляют процессы становления профессиональной субъектности студента и формирования его профессионального облика, что соответствует профессиональной модели организации учебного процесса. Такие индивидуальные образовательные программы уже на студенческой скамье ориентируют студентов не только на определенный вид трудовой деятельности, но и гарантируют обоснованный выбор будущей профессии.

В то же время не следует забывать, что в зарубежных системах высшего образования широкое распространение получили академические индивидуальные образовательные программы (Прянишникова, Лейбович, 2008). Образовательные программы такого вида, часто называемые студентоцентрированными, в максимальной степени учитывают возможности, потребности и интересы каждого студента и формируются в рамках либеральной модели организации учебного процесса, представляя собой композицию из элективных и факультативных курсов, а также модулей дополнительного образования. Вместе с тем в отечественной системе высшего образования профессионализацию индивидуальных образовательных программ следует рассматривать как основу сопряжения индивидуальных образовательных программ и траекторий профессионального становления молодых специалистов. Естественно, что такая постановка проблемы сопряжения высшего образования и сферы труда потребует обновления нормативно-правового обеспечения формирования индивидуальных образовательных программ. В сущности, речь должна идти об индивидуализации практико-ориентированных образовательных программ высшей школы. При этом возникает необходимость не только в их организационно-технологическом сопровождении, но и в уточнении нормативного обеспечения их реализации.

Многоуровневая структура высшего образования как источник индивидуализации учебного процесса

В настоящее время в высшем образовании России имеются следующие квалификации выпускника высшей школы: бакалавр, магистр, специалист. Они относятся к различным уровням высшего образования и обеспечивают различную степень профессиональной готовности выпускников для включения их непосредственно после окончания вуза в профессиональную деятельность.

В качестве нового механизма сопряжения высшего образования и сферы труда рассматриваются индивидуальные образовательные программы с учетом уровневой структуры высшего образования. Их формирование имеет свои особенности, которые возникают из-за разных требований к структуре и

содержанию образовательных программ различного уровня, изменения соотношения между трудоемкостью базовой и вариативной составляющих учебных планов, отличий объема аудиторной и самостоятельной работы студентов. Анализ структуры основных образовательных программ бакалавриата, магистратуры и специалитета показывает, что вариативная часть составляет не более 40 % от общей трудоемкости образовательных программ бакалавриата, тогда как в магистратуре вариативная часть приближается к 70 %. В образовательных программах специалитета вариативная часть образовательных программ несколько меньше, чем в магистратуре, но значительно больше, чем в бакалавриате. Таким образом, возможности индивидуализации разноплановых образовательных программ высшего образования отличаются весьма существенно.

Используя механизм индивидуализации, многоуровневая структура высшего образования позволяет обучающимся выстраивать образовательные программы с учетом ограничений для каждого образовательного уровня. Обучающиеся на каждом уровне высшего образования в зависимости от своих профессиональных и личных интересов и возможностей могут выбрать учебные дисциплины, предметы, дополнительные курсы и т.д., тем самым выстраивать различные образовательные маршруты, варьируя направление профессиональной подготовки (Темнова, Лизунова, 2017). Например, выпускник бакалавриата имеет право поступить в магистратуру при условии успешной сдачи вступительных экзаменов не только на смежные, но и на другие направления подготовки. Подобная возможность предусмотрена и при поступлении в аспирантуру. Очевидно, что проблема качества профессиональной подготовки выпускников требует при этом повышенного внимания.

Если же обратиться к проблеме сопряжения высшего образования и сферы труда, то следует заметить, что характер учета требований профессиональных стандартов должен зависеть от уровня высшего образования и степени профессионализации основных образовательных программ: для программ бакалавриата он должен быть более либеральным, чем для программ специалитета или магистратуры. Однако чрезвычайно трудно конвертировать профессиональные компетенции выпускников в определенные трудовые функции, выстраивая их по степени сложности и масштабу деятельности (Сенашенко, 2017). Поэтому в российской системе образования все еще сохраняется институт профессионального патронажа выпускников основных образовательных программ высшей школы, характер которого различен для бакалавров, магистров, специалистов. При этом совокупность инструментов, используемых для получения выпускниками высшей школы статуса работающего специалиста, в значительной степени воспроизводит модель «молодого специалиста советского времени»: наставничество, стажировка, обучение на рабочем месте. Попытка введения института тьюторов в высшей школе России по типу существующего в зарубежных системах образования как организационной основы формирования индивидуальных образовательных программ все еще находится на стадии становления.

Обращает на себя внимание тот факт, что в европейских странах описание профессиональных квалификаций обычно дается через рамочные дескрипторы профессиональной деятельности либо через компетенции специалиста, что позволяет относить квалификации к тому или иному уровню, делая их одним из основных инструментов сопряжения профессионального образования и системы профессиональных квалификаций (Воробьева, Телешова, 2018; Сенашенко, 2018).

Сопряжение высшего образования и сферы труда на основе индивидуальных образовательных программ

Одним из подходов к решению проблемы сопряжения высшего образования и сферы труда является выбор образовательной модели. Следующим шагом должна стать оценка возможностей различных образовательных моделей для построения индивидуальных образовательных программ, ориентированных на решение проблемы сопряжения высшего образования и сферы труда. При этом существенное значение приобретает сопряжение образовательных и профессиональных понятий на основе концепции индивидуальных образовательных программ: с одной стороны – знания, умения, навыки, ценностные установки, компетенции, а с другой – обобщенные трудовые функции, трудовые функции, должностные обязанности. Причем основой обобщенных трудовых функций становятся знания, умения, навыки и индивидуальные компетенции.

Одновременно возникает проблема целостности профессиональной составляющей индивидуальных образовательных программ. Ее решение возможно лишь при соблюдении уровневой преемственности основных образовательных программ высшей школы. Особое место в рассматриваемой проблеме занимают вопросы содержания учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) и применяемых в учебном процессе образовательных технологий, целью которых должно стать устранение несоответствия между качеством профессиональной подготовки выпускников высшей школы и требованиями предприятий-работодателей.

В результате становится очевидной опасность того, что текущие кадровые запросы работодателей могут объективно ограничивать свободу преподавания, диктуя конкретные прикладные темы и разделы в структуре преподаваемых дисциплин. Поэтому требования профессиональных стандартов к структуре и содержанию образовательных программ высшей школы должны носить рамочный характер, а результатом освоения образовательной программы должны стать знания, умения, навыки как структурные составляющие обобщенных трудовых функций (Сенашенко, 2017). Основное внимание следует уделить сопряжению индивидуальных образовательных программ и траекторий профессионального становления молодых специалистов. Одним из инструментов решения этой проблемы могло бы стать включение в индивидуальные учебные планы продолжительных производственных практик

на рабочих местах. Организационной основой такого подхода могли бы быть базовые кафедры или другие формы взаимодействия высшей школы с потенциальными работодателями.

Профессионализация индивидуальных образовательных программ⁶

Содержательное наполнение понятия «индивидуальная образовательная программа» зависит от выбора образовательной модели и организации учебного процесса на ее основе. Так, в контексте либеральной образовательной модели, которая ориентирована на формирование индивидуальных образовательных программ, играющих роль опорных конструкций при разработке основных образовательных программ высшего образования, проблема сопряжения высшего образования и сферы труда решается путем профессионализации индивидуальных образовательных программ. Этот процесс фактически вынесен за пределы вузовских учебных занятий и решается независимо от вуза сетью сертификационных центров. При этом процедура сертификации выпускников высшей школы на основе индивидуальных образовательных программ различной направленности становится эффективным инструментом сопряжения высшего образования и сферы труда. Кроме того, для обеспечения сопряжения высшего образования и сферы труда, получения выпускниками необходимых профессиональных умений⁷ и навыков в рамках рассматриваемой образовательной модели формируется комплекс взаимосвязанных профилей (специализаций) профессионализации индивидуальных образовательных программ, практическая реализация которых осуществляется при доминирующем участии работодателя (Сенашенко, Стручкова, 2019).

Особый интерес видится в использовании профессионально-общественной аккредитации как инструмента корректировки характера профессионализации индивидуальных образовательных программ с целью их приближения к реальным кадровым запросам рынка труда, что способствовало бы повышению качества подготовки специалистов.

Индивидуализация профессиональных образовательных программ

Проблема индивидуализации профессиональных образовательных программ возникает в рамках профессиональной образовательной модели и становится неотъемлемой частью учебного процесса. Основным ресурсом ин-

⁶ Профессионализация индивидуальных образовательных программ используется применительно к обучающимся на программах высшего образования по индивидуальным учебным планам.

⁷ Профессиональные умения – это способность специалиста решать определенный класс профессиональных задач, выполнять профессиональные действия различной сложности на основе усвоенных знаний, опыта, навыков.

дивидуализации является вариативная часть образовательных программ высшей школы.

В случае, когда при формировании индивидуальных учебных планов наборы учебных дисциплин различаются между собой, происходит индивидуализация профессиональных образовательных программ. Одновременно возможно формирование групповых образовательных траекторий, если группа обучающихся выбирает единый набор дисциплин вариативной части образовательной программы. В этом случае можно говорить о профессионализации образовательных программ, индивидуализация которых происходит на уровне определенной специализации, а возможно, и на уровне отдельного направления или специальности высшего образования (Сенашенко, Стручкова, 2019). Тем самым проблема сопряжения высшего образования и сферы труда решается в рамках вузовских образовательных программ.

В настоящее время образовательные программы в системе отечественного высшего образования реализуются при ограниченном участии работодателя. По этой причине возникают определенные сложности при использовании индивидуальных образовательных программ в качестве механизма сопряжения высшего образования и сферы труда. Естественно, возникает необходимость вовлечения представителей сферы труда в учебный процесс, выстраивания алгоритмов соотнесения профессиональных стандартов и нормативно-правовых документов, регламентирующих структуру и содержание основных образовательных программ высшей школы. Соответствующим образом формируется набор инструментов, обеспечивающих индивидуализацию профессиональных образовательных программ (Сенашенко, Стручкова, 2019).

Однако независимо от выбора образовательной модели высшее образование нуждается в кардинальных изменениях всех его компонентов, включая:

- разработку новых форматов представления содержания образования;
- обновление образовательных технологий, методов преподавания и обучения;
- создание новых, деятельностно-ориентированных контрольно-оценочных средств;
- обновление технологий оценивания результатов обучения.

Адаптация обучающихся к учебному процессу на основе индивидуальных образовательных программ

В условиях формирования индивидуальных образовательных программ возникает сложная психолого-педагогическая задача развития творческих способностей обучающихся как субъектов образовательной деятельности, что предполагает прежде всего необходимость формирования умения самостоятельно учиться, планировать и организовывать свою образовательную деятельность. Образовательную адаптацию следует рассматривать как процесс взаимодействия личности с образовательной средой, включающий усвоение норм и ценностей образовательной среды во время освоения образователь-

ной программы, а также изменение, преобразование образовательной среды в соответствии с особыми условиями и целями образовательной и профессиональной деятельности (Тукачев, 2003). Адаптацию обучающихся в высшей школе можно представить в виде двух взаимосвязанных компонентов: профессионального, подразумевающего приспособление обучающихся к условиям и организации учебного процесса, формирование умений и навыков самостоятельной работы, и социально-психологического, предполагающего прежде всего выработку собственного стиля поведения в особых условиях взаимодействия субъектов образовательной деятельности.

Решая проблему индивидуализации профессиональных образовательных программ, следует учитывать различия стереотипов поведения студентов в процессе учебной деятельности. Вряд ли следует предлагать индивидуальные учебные планы студентам, познавательная активность которых направлена на усвоение знаний, навыков и умений только в рамках традиционной образовательной программы. В то же время индивидуализация профессиональных образовательных программ является наиболее естественной для студентов, ориентированных на широкую профессиональную подготовку, познавательные интересы которых выходят за пределы знаний, очерченных устоявшимися учебными планами и обычными программами учебных курсов. При этом эффективность обучения, состояние нравственного и физического здоровья обучающихся зависят очевидным образом от уровня их адаптации к особым условиям организации учебного процесса, требующим повышенного уровня ответственности.

Заключение

Проведенный анализ проблемы сопряжения высшего образования и сферы труда показывает, что профессионализация индивидуальных образовательных программ на основе традиционных образовательных программ практической направленности может стать эффективным инструментом сопряжения высшего образования и сферы труда. Успех профессионализации индивидуальных образовательных программ определяется выбором образовательной модели, которая обеспечивает не только удовлетворение образовательных потребностей личности в университетском образовании, но и высокий уровень профессиональной подготовленности обучающихся, а также учитывает требования работодателя к выпускникам высшей школы. К числу условий, необходимых для успешной профессионализации индивидуальных образовательных программ, следует отнести формирование их содержания, учитывающего особенности направления подготовки или специальности, а также использование современных образовательных технологий в учебном процессе (Вербицкий, 2017). Очевидно, что важным моментом сопряжения высшего образования и сферы труда становится отказ от сопряжения образовательных и профессиональных стандартов и переход к сопряжению образовательных программ высшей школы и траекторий профессионального становления молодых специалистов.

Оценка эффективности сопряжения должна проводиться путем сравнения полученных результатов с результатами предыдущих диагностических оценок с целью выявления динамики профессионального роста выпускников. При этом особенно важны сущностные характеристики профессиональной готовности выпускника: уровень общей эрудиции, широта и глубина знаний, необходимых современному специалисту, уровень профессиональных умений, требующихся при решении как типичных, так и нестандартных задач.

Главной проблемой современного профессионального образования становится подготовка профессионально мотивированных студентов. Для этого необходимо, чтобы в процессе профессионального обучения имело место превращение студента в личность, заинтересованную в профессиональном развитии, а в дальнейшем – перерастание специалиста в профессионала. Обеспечение условий для такого превращения должно стать основной целью обновления высшей профессиональной школы, которая принципиально отличается от традиционной цели – подготовки студентов к выполнению конкретных профессиональных действий.

Предлагаемое решение проблемы по обеспечению сопряжения сферы образования и сферы труда может потребовать новых нормативных и правовых актов в области профессионального образования, взвешенного выбора механизмов и инструментов реформенных преобразований. Вместе с тем определять судьбу отечественного высшего образования, генерировать жизнеспособные решения, формируя новую образовательную среду, должна сама жизнь. Но возможно ли это, когда новые образовательные институты внедряются, а не рождаются на основе опыта, накопленного системой образования? Более того, чего ждать от образовательной системы, конструируемой по западным лекалам, инородческим российской образовательной традиции, да еще на скорую руку, как это было вначале 1990-х годов, а затем повторилось в 2000-е годы на волне подписания Россией Болонской декларации (Берлин, 2003 г.)? В целом это сложный социально насыщенный сюжет. Как будет развиваться высшее образование страны при отсутствии выверенных, четко сформулированных стратегических целей покажет время. Ясно только одно – в такой ситуации возникает неопределенность при решении целого ряда образовательных проблем, в том числе и обсуждаемой проблемы индивидуальных образовательных траекторий как значимой составляющей различных образовательных моделей. Возможно, этим же объясняется недостаточная восприимчивость высшей школой проблемы сопряжения высшего образования и сферы труда.

Список литературы

- Белоцерковский А.В.* К вопросу о согласовании образовательных и профессиональных стандартов // *Высшее образование в России.* 2015. № 6. С. 26–31.
- Блинов В.И., Батрова О.Ф., Есенина Е.Ю., Факторович А.А.* Профессиональные стандарты: от разработки к применению // *Высшее образование в России.* 2015. № 4. С. 5–13.

- Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Клинк О.Ф., Рыкова Е.А., Факторович А.А. Профессиональные стандарты как инструмент формирования и реализации кадровой политики образовательной организации // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 16–23.
- Вербицкий А.А. О категориальном аппарате теории контекстного образования // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 57–67.
- Воробьева О.В., Телешова И.Г. Научно-исследовательский вид деятельности в европейской системе квалификаций: опыт и проблемы // Высшее образование в России. 2018. № 5. С. 74–86.
- Караваева Е.В. Квалификации высшего образования и профессиональные квалификации: «сопряжение с напряжением» // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 5–12.
- Коршунов С.В. Системе стандартизации образования в Российской Федерации – четверть века // Высшее образование в России. 2018. № 3. С. 23–37.
- Минеев П.В., Соловьева Т.В. Реализация индивидуальной образовательной траектории // Высшее образование в России. 2010. № 7. С. 44–47.
- Пак Ю.Н., Нугужинов Ж.С., Пак Д.Ю., Яманов М.Ю. Институциональные аспекты сопряжения образовательных и профессиональных стандартов // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 10. С. 4–7.
- Пилипенко С.А., Жидков А.А., Караваева Е.В., Серова А.В. Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 5–15.
- Прохоров В.А. Профессиональный стандарт и ФГОС бакалавриата // Высшее образование в России. 2018. № 1. С. 31–36.
- Прянишникова О.Д., Лейбович А.Н. Профессиональные стандарты: краткий обзор зарубежного опыта // *Промышленник России*. 2008. № 3. С. 37–41.
- Севостьянов Д.А. Образовательные стандарты и кризис образования // Высшее образование в России. 2018. № 4. С. 57–65.
- Сенашенко В.С. Нормативно-правовое обеспечение высшего образования нуждается в реконструкции (комментарий к статье С.В. Коршунова) // Высшее образование в России. 2018. № 4. С. 48–56.
- Сенашенко В.С. О соотношении профессиональных стандартов и ФГОС высшего образования // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 31–36.
- Сенашенко В.С. Становление профессиональных стандартов как основа кадровых решений профессионального сообщества // *Ректор вуза*. 2017. № 3. С. 30–35.
- Сенашенко В.С. Уровни сопряжения системы высшего образования и сферы труда // Высшее образование в России. 2018. № 3. С. 38–47.
- Сенашенко В.С., Стручкова Е.П. Образовательная модель – важный фактор влияния на сопряжение системы высшего образования и сферы труда // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 9–20.
- Соловьев В.П., Перескокова Т.А. Образовательные и профессиональные стандарты: проблемы, точки соприкосновения, перспективы инженерной подготовки // Высшее образование сегодня. 2017. № 5. С. 2–8.
- Темнова Л.В., Лизунова О.А. Факторы формирования карьерных траекторий выпускников вузов // Высшее образование в России. 2017. № 11. С. 89–97.
- Трудовой кодекс Российской Федерации. Статья 195.1. Понятия квалификации работника, профессионального стандарта (введена Федеральным законом от 03.12.2012 № 236-ФЗ).
- Тукачев Ю.А. Образовательные и профессиональные стандарты: поиск теоретико-методологических оснований // *Психология профессионально-образовательного пространства личности: сборник научных статей*. Екатеринбург, 2003. С. 142–148.
- Шехонин А.А., Тарлыков В.А., Вознесенская А.О., Бахолдин А.В. Гармонизация квалификаций в системе высшего образования и в сфере труда // Высшее образование в России. 2017. № 11. С. 5–11.
- Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации».

История статьи:

Поступила в редакцию: 03 мая 2019 г.

Принята к печати: 25 июля 2019 г.

Для цитирования:

Сенашенко В.С., Стручкова Е.П. Индивидуальные образовательные программы как новый механизм сопряжения высшего образования и сферы труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 451–465. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-451-465>

Сведения об авторах:

Сенашенко Василий Савельевич, доктор физико-математических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов. E-mail: vsenashenko@mail.ru

Стручкова Елена Павловна, аспирант кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов. E-mail: elenastruch1988@gmail.com

Theoretical article

**Individual Educational Programs
as New Mechanism of Integration
between Higher Education and Labor Sphere**

Vasiliy S. Senashenko, Elena P. Struchkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. At present the problem of the integration between the higher education and the sphere of labor has become particularly urgent. It is noted that the attempts earlier made by a number of authors to solve the problem of the integration between the higher education and the labor sphere by combining educational and professional standards, as well as by harmonizing the requirements of the labor market for the qualifications of specialists and the competencies of graduates of higher education are facing significant difficulties. In this paper, we consider individual educational programs as one of the mechanisms of combining the higher education and labor. The analysis of the emerging differences between the higher education and the sphere of labor in the context of different educational models has been conducted. Thus, for example, within the framework of the professional model of the educational process organization, the possibilities of building individual educational programs are limited by the amount of labor intensity of the variable part of the educational program according to the field of study or subject specialism. At the same time, we are talking about professional individual educational programs, which are based on the processes of the formation of professional subjectivity of the student and the formation of his/her professional image. Such individual educational programs not only orient students on a certain type of work activity already at university, but also guarantee a well-grounded choice of the future profession. The paper focuses on the significant impact of the individualization of professional and professionalization of individual educational programs, as well as the multilevel structure of higher education on the nature of the integration of educational programs of higher education and the trajectories of professional

development of young professionals. It is emphasized that the adaptation of students to the educational process, built on the principles of individualization of educational programs, is a key point of interdisciplinary psychological and pedagogical problems of the development of creative abilities of students and is accompanied by the mastery of new skills.

Key words: educational model; individualization of the educational process; individual educational programs; legal support; multi-level structure of higher education; individualization of professional educational programs; adaptation of the student; professionalization of individual educational programs; the integration of the higher education and sphere of labor; mechanism of the integration

References

- Belotserkovsky, A.V. (2015). On coordination of educational and professional standards. *Higher Education in Russia*, (6), 26–31. (In Russ.)
- Blinov, V.I., Batrova, O.F., Jesenina, E.Yu., & Faktorovich, A.A. (2015). Professional standards: from development to application. *Higher Education in Russia*, (4), 5–13. (In Russ.)
- Blinov, V.I., Esenina, E.Yu., Klink, O.F., Rykova, E.A., & Faktorovich, A.A. (2016). The Occupational standards as a tool of the human resource management in the educational organization. *Higher Education in Russia*, (10), 16–23. (In Russ.)
- Karavaeva, E.V. (2017). Qualifications of higher education and professional qualifications: Harmonization with efforts. *Higher Education in Russia*, (12), 5–12. (In Russ.)
- Korshunov, S.V. (2018). The system of standardization of education in the Russian Federation celebrates a quarter of a century. *Higher Education in Russia*, (3), 23–37. (In Russ.)
- Mineev, P., & Solovyova, T. (2010). Realization of the individual educational trajectories on the basis of the state standards of the third generation. *Higher Education in Russia*, (7), 44–47. (In Russ.)
- Pak, Yu.N., Nuguzhinov, Zh.S., Pak, D.Yu., & Yamanov, M.Yu. (2018). Institutional aspects of conjugation between educational and professional standards. *Alma Mater (Higher School Herald)*, (10), 4–7. (In Russ.)
- Pilipenko, S.A., Zhidkov, A.A., Karavaeva, E.V., & Serova, A.A. (2016). On the correlation between federal educational standards of higher education and professional standards: problems, possible approaches, recommendation on actualization. *Higher Education in Russia*, 6, 5–15. (In Russ.)
- Prokhorov, V.A. (2018). Professional standard and federal state educational standard for undergraduate programs. *Higher Education in Russia*, (1), 31–36. (In Russ.)
- Pryanishnikova, O.D., & Leubovich, A.N. (2008). Professional standards: a brief overview of foreign experience. *Promyshlennik Rossii*, (3), 37–41. (In Russ.)
- Senashenko, V.S. (2015). On the correlation between professional standards and federal educational standards of higher education. *Higher Education in Russia*, 6, 31–36. (In Russ.)
- Senashenko, V.S. (2017). Formation of professional standards as the basis of personnel decisions of the professional community. *Rector of the University*, (3), 30–35. (In Russ.)
- Senashenko, V.S. (2018). Conjugation levels between higher education and labour sphere. *Higher Education in Russia*, (3), 38–47. (In Russ.)
- Senashenko, V.S. (2018). Legal framework of higher education in Russia needs reconfiguration. *Higher Education in Russia*, (4), 48–56. (In Russ.)
- Senashenko, V.S., & Struchkova, E.P. (2019). Educational model is an important factor of influence on conjugation higher education with labor sphere. *Higher Education in Russia*, 4, 9–20.
- Sevostyanov, D.A. (2018). Educational standards and the crisis of education. *Higher Education in Russia*, (4), 57–65. (In Russ.)

- Shekhonin, A.A., Tarlykov, V.A., Voznesenskaya, A.O., & Bakholdin, A.V. (2017). Harmonization of qualifications in higher education and in the job market. *Higher Education in Russia*, (11), 5–11. (In Russ.)
- Solovyev, V.P., & Pereskokova, T.A. (2017). Educational and professional standards: challenges, common grounds, engineer training prospects. *Higher Education Today*, (5), 2–8. (In Russ.)
- Temnova, L.V., & Lizunova, O.A. (2017). Factors of formation of university graduates' career trajectories. *Higher Education in Russia*, (11), 89–97. (In Russ.)
- The Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation". (In Russ.)
- The Labor Code of the Russian Federation. *Article 195.1. The concepts of employee qualification, professional standard* (introduced by Federal Law of 03.12.2012 No. 236-FZ). (In Russ.)
- Tukachev, Yu.A. (2003). Educational and professional standards: search for theoretical and methodological grounds. *Psychology of Professional and Educational Space of Personality: collection of scientific articles* (pp. 142–148). Yekaterinburg, 2003. (In Russ.)
- Verbitskiy, A.A. (2017). Categorical apparatus of the theory of contextual education. *Higher Education in Russia*, (6), 57–67. (In Russ.)
- Vorobieva, O.V., & Teleshova, I.G. (2018). Research activities in the European Qualifications System: Experience and Problems. *Higher Education in Russia*, (5), 74–86. (In Russ.)

Article history:

Received: 03 April 2019

Revised: 13 June 2019

Accepted: 25 July 2019

For citation:

Senashenko, V.S., & Struchkova, E.P. (2019). Individual Educational Programs as New Mechanism of Integration between Higher Education and Labor Sphere. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 451–465. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-451-465>

Bio notes:

Vasily S. Senashenko, Dr. Sci. (Phys.-Math.), is Full Professor, Professor, Comparative Education Policy Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: vsenashenko@mail.ru

Elena P. Struchkova is PhD student, Comparative Education Policy Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: elenastruch1988@gmail.com

Биографическая статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-466-473

УДК 159.99

Путь Этнопсихолога: к 70-летию со дня рождения Татьяны Гавриловны Стефаненко

М.В. Котова¹, Н.Г. Малышева², О.В. Соловьева²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 9

Статья посвящена памяти профессора факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущей исследовательницы в области этнопсихологии в России – Татьяны Гавриловны Стефаненко, которой в 2019 году исполнилось бы 70 лет. Рассмотрены основные вехи ее жизни, педагогической, научной и практической работы, затронуты грани ее личности.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко; этнопсихология; культура

24 ноября 2019 года Татьяне Гавриловне Стефаненко исполнилось бы 70 лет (рис. 1). Уже почти два года ее нет с нами, но по-прежнему непривычно использовать сослагательное наклонение и прошедшее время, говоря о ней. Ведь след, который оставлен Татьяной Гавриловной в науке, в стенах Московского университета и в сердцах тех, кто знаком с ней, делает более подходящим употребление настоящего времени, потому что сохраняется ощущение ее присутствия и со-бытия.

Интерес к культурам, странам и народам мира выглядит сквозной темой жизни Татьяны Гавриловны, подобно Транссибирской железнодорожной магистрали, по которой она в детстве путешествовала с родителями в Китай. Проведенные в Китае пять лет, обучение на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, знакомство с С.А. Токаревым и его работами, посвященными этногенезу и социальной организации различных народов, исследования межгрупповых отношений, этнической идентичности и культурно-исторической памяти на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ – вехи, задающие вектор не только ее личного становления, но и развития этнопсихологии на постсоветском пространстве.

© Котова М.В., Малышева Н.Г., Соловьева О.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Рис. 1. Татьяна Гавриловна Стефаненко (1949–2018 гг.)
[Figure 1. Tatiana G. Stefanenko (1949–2018)]

Основной же территорией, по которой пролегает этот маршрут, безусловно, является Московский университет. В 1967 году Татьяна Гавриловна становится студенткой исторического факультета МГУ, в 1972 году, после окончания учебы, начинает сотрудничество с факультетом психологии. По приглашению Галины Михайловны Андреевой в 1982 году она связывает свою жизнь с кафедрой социальной психологии. В 1989 году Т.Г. Стефаненко становится кандидатом психологических наук, защитив диссертацию «Атрибутивные процессы в межгрупповых отношениях» под руководством Г.М. Андреевой, а в 1999 году получает степень доктора психологических наук за диссертацию «Социальная психология этнической идентичности». С 2002 года она профессор Московского университета, а в 2009 году получает звание заслуженного профессора. С 2006 по 2017 год – заведующая кафедрой социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (рис. 2).

Рис. 2. Т.Г. Стефаненко на праздничном заседании кафедры вручает подарок Н.Н. Богомоловой по случаю ее 80-летнего юбилея, 4 сентября 2007 г.

[**Figure 2.** Tatiana G. Stefanenko presents a gift to Nina N. Bogomolova on her 80th birthday, at the Department of Social Psychology, September 4, 2007]

Проложенные Татьяной Гавриловной Стефаненко «пути сообщения» связывают воедино множество людей и идей, позволяют быстро и эффективно доставлять знания до адресатов. И конечно, важную роль в этих процессах играет учебник «Этнопсихология», концептуальная рамка которого базируется на ее докторской диссертации. Впервые изданный в 1998 году, он и сегодня востребован студентами и специалистами не только в психологии, но и в смежных научных направлениях. Учебник переиздавался еще четыре раза – в 1999, 2003, 2006 и 2014 годах. Каждое новое издание включает в себя содержательные дополнения и изменения. Появление в них новых теоретических моделей, данных отечественных и зарубежных исследований, изменения и уточнения собственных размышлений и выводов – все это отражает горячий интерес Татьяны Гавриловны к своей научной области и постоянное развитие как преподавателя и ученого. Учебник «Этнопсихология» был включен в юбилейную серию изданий к 250-летию Московского университета и издан в серии «Классический университетский учебник».

Курс «Этнопсихология» благодаря усилиям Т.Г. Стефаненко является частью учебных программ многих университетов. Другие учебные курсы Татьяны Гавриловны – спецкурсы «Психология межгрупповых отношений», «Психология межгруппового конфликта», спецпрактикум по тренингу этнокультурной компетентности – имеют сходные цели: развитие у студентов понимания себя и других в единстве общечеловеческого и культурно-специфического, что позволяет эффективно взаимодействовать и на межличностном,

и на межгрупповом уровнях. Лекции Татьяны Гавриловны служат образцом сочетания точного изложения фактов, исторически выверенного подхода к преподнесению материала с тонким юмором и глубокой, мудрой жизненной позицией. Увлеченность и искреннее чувство, вкладываемые ею в преподавание, вызывали интенсивный отклик у слушателей (рис. 3).

Рис. 3. Т.Г. Стефаненко с коллегами и выпускниками кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011 год
[Figure 3. T.G. Stefanenko with colleagues and graduates of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, 2011]

Многие молодые этнопсихологи могут сказать, что именно благодаря лекциям и работам Татьяны Гавриловны они стали исследователями в этой области психологии. За время преподавания на кафедре под руководством Т.Г. Стефаненко подготовлено и успешно защищено более 60 дипломных работ и 9 кандидатских диссертаций. Дипломники и аспиранты с теплотой и гордостью называют себя учениками Татьяны Гавриловны, а ее зачастую «научной родительницей». Неизменно внимательное чтение ею текстов работ, множество комментариев на полях, обстоятельное обсуждение замыслов и результатов, помощь студентам в поиске собственного пути в сочетании с требованиями точности, тщательности и честности в научной деятельности задают высокую планку академической работы и вдохновляют учеников воспроизводить дух университета в собственных исследованиях.

Сложно переоценить роль Т.Г. Стефаненко в становлении в нашей стране этнопсихологии как самостоятельной междисциплинарной научной области. Ею написаны более 100 научных и научно-методических работ по пробле-

мам формирования и изменения социальных (и особенно этнических) стереотипов, роли и специфики атрибутивных процессов в межгрупповом взаимодействии, особенностям социальной и этнической идентичности, адаптации человека в инокультурной среде. Среди них: «Социальные стереотипы и межэтнические отношения», 1987; «Методы исследования этнических стереотипов», 1993; «Measuring stereotypes: A comparison of methods using Russian and American samples», 1993 (в соавт.); «Атрибутивные механизмы межгрупповой дифференциации», 1992; «Изучение социальной каузальной атрибуции: успехи, проблемы, перспективы», 1999; «Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности», 1997; «Язык как фактор этнической идентичности», 1997 (в соавт.); «Этническая социализация подростка», 2000 (в соавт.); «Memory for cultural information about Russia and United States: Effects of nationality», 2001 (в соавт.); «Тренинг этнической толерантности для школьников», 2004; «Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии», 2009; «Этнопсихология Г.Г. Шпета в 21 веке», 2009; «Обыденные представления молодежи о России в современном мире», 2010 (в соавт.); «Образ России в многополярном мире: кросс-культурный анализ», 2012 (в соавт.).

Научный поиск и развитие Татьяны Гавриловны как исследователя не замедляются со временем. Новые горизонты в последние годы открываются для нее в изучении коллективных переживаний, культурной памяти и социальных эмоций как базовых феноменов, определяющих существование человека в культуре. Эти поиски находят отражение в неожиданных и оригинальных статьях Т.Г. Стефаненко «Читая Л.Н. Толстого: еще раз о русской улыбке», 2013; «Русское общение и западная коммуникация», 2014; «Улыбка и высококонтекстность русской культуры», 2014.

На этом этапе совместно с коллегами и учениками готовятся и выходят статьи: «Понимание межкультурных различий в эмоциональных переживаниях», 2012; «Honor as a value in Finland, Estonia, Italy, Russia, and Switzerland», 2012; «Эмоции негативного самоотношения (вина и стыд) у российских студентов», 2013; «Понятие эмоций в социальной психологии XXI века: основные подходы», 2014; «О коллективных переживаниях и социальных эмоциях», 2016; «Этнические и смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством», 2016; «Геноцид как историко-политический фактор коллективной памяти российских армян», 2017; «Индивидуализм и коллективизм как параметры коллективной памяти российского народа», 2017; «Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа», 2017; «Культурная память о геноциде и этническая идентичность российских армян», 2017; «Направления изучения трудноразрешимого межгруппового конфликта», 2017.

В этот период на руководимой ею кафедре социальной психологии Татьяна Гавриловна собирает команду единомышленников для изучения переживания социальных проблем представителями различных социальных групп в современном российском обществе. Проект был поддержан фондом РГНФ. Итогом трехлетних исследований по гранту стали подготовка и издание кол-

лективной монографии «Коллективные переживания социальных проблем» (под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015).

Научное знание для Т.Г. Стефаненко важно не само по себе – оно обязательно соединяется с жизнью. Много сил Татьяны Гавриловны вложено в практику этнопсихологической работы, в формирование толерантного отношения между этническими группами. Мечтая о том, чтобы конфликтов на планете становилось меньше, чтобы стало возможным пространство диалога для самых разных групп, она участвует в проектах федеральной программы «Формирование установок толерантного сознания» и в проекте сотрудничества ЕС и России (ТАСИС) «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России». Становится научным консультантом экспериментальной площадки в рамках городской программы «Москва многонациональная. Формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия», в 2006–2007 годах участвует в проекте «В будущее – без ненависти» (CAF) по подготовке школьных психологов из Ингушетии и Северной Осетии. Совместно с психологами Российского университета дружбы народов готовит программы повышения квалификации специалистов, работающих с иностранными студентами, а также принимает активное участие в реализации одной из первых российских федеральных целевых программ «Межкультурная адаптация иностранных студентов в России: диагностика и пути оптимизации» (2009–2013 годы). На протяжении многих лет она участвует в совместных исследованиях факультета психологии МГУ, Хельсинкского университета и Университета штата Нью-Йорк (SUNY). Практический опыт проектов и методические рекомендации по проведению исследований в этнопсихологии лежат в основе учебного пособия «Этнопсихология: практикум» (2006, 2013), подготовленного совместно с учениками и коллегами.

Близко общавшиеся с Татьяной Гавриловной продолжают ощущать обаяние ее личности – интеллектуала и интеллигента, умеющего дружить и профессионально, и человечески. Значимого и очень включенного члена этнопсихологического сообщества России. Настоящего друга – внимательного, заботливого, поддерживающего и очень верного. Бережного, деликатного человека. Эмоционального, ранимого. И в то же время цельного и сильного. В ней уникальным образом оказались соединены хрупкость и изящество, сила и стойкость.

Татьяна Гавриловна Стефаненко остается в нашей памяти человеком добрым, обладающим тонкой душевной организацией, широкой эрудицией, предельной честностью и чуткостью. Ее глубокие размышления о живописи, литературе, музыке, театре, кинематографе, архитектуре, моменты душевных разговоров на самые разные темы – те сокровища, которые мы храним в своих сердцах. Живой отклик Татьяны Гавриловны на боль других, на несправедливость и черствость по отношению к людям и группам подсказывает, что есть более общий вектор ее жизни – желание сделать мир добрее и человечнее. И в дни ее юбилея хочется верить, что мы продолжаем ее дело и помогаем исполнению этого желания.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко будет посвящен специальный выпуск нашего журнала (№ 1 2020 года). До 1 декабря 2019 года принимаются к рассмотрению статьи по этнопсихологической тематике, а также статьи с личными воспоминаниями о Татьяне Гавриловне. Подробности на сайте журнала в разделе «Объявления»: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/index>

Список литературы

- К 60-летию Татьяны Гавриловны Стефаненко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 4. С. 93–94.
- Светлой памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 206–208. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090115>

История статьи:

Поступила в редакцию: 20 июля 2019 г.

Принята к печати: 26 августа 2019 г.

Для цитирования:

Котова М.В., Мальшева Н.Г., Соловьева О.В. Путь Этнопсихолога: к 70-летию со дня рождения Татьяны Гавриловны Стефаненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 466–473. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-466-473>

Сведения об авторах:

Котова Марина Викторовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Защитила под руководством Т.Г. Стефаненко диплом по специальности «Психология» (МГУ, 2005 г.) и кандидатскую диссертацию (МГУ, 2008 г.). E-mail: mkotova@hse.ru

Мальшева Наталья Георгиевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Защитила под руководством Т.Г. Стефаненко кандидатскую диссертацию (МГУ, 2008 г.). Работала с Т.Г. Стефаненко в качестве заместителя заведующего кафедрой социальной психологии по научной работе (2012–2017 гг.). E-mail: tasha.malysheva@gmail.com

Соловьева Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Работала с Т.Г. Стефаненко в качестве заместителя заведующего кафедрой социальной психологии по научной работе (2007–2012 гг.). E-mail: olga_solovyova@inbox.ru

The Path of Ethnopsychologist: to the 70th Anniversary of Tatiana G. Stefanenko

Marina V. Kotova¹, Natalia G. Malysheva², Olga V. Solovyova²

¹National Research University – Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University
11 Mokhovaya St., bldg. 9, Moscow, 125009, Russian Federation

This article is dedicated to the memory of Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, a leading researcher in the field of ethnopsychology in Russia – Tatyana Gavrilovna Stefanenko, who in 2019 would have turned 70 years old. The article deals with the main milestones of her life, pedagogical, scientific and practical work, touches upon the facets of her personality.

Key words: Tatiana G. Stefanenko; ethnopsychology; culture

References

- Light memory of Tatyana Gavrilovna Stefanenko. (2018). *Social Psychology and Society*, 9(1), 206–208. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090115> (In Russ.)
- To the 60th anniversary of Tatyana Gavrilovna Stefanenko. (2009). *Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, (4), 93–94. (In Russ.)

Article history:

Received: 20 July 2019

Revised: 23 August 2019

Accepted: 26 August 2019

For citation:

Kotova, M.V., Malysheva, N.G., & Solovyova, O.V. (2019). The Path of Ethnopsychologist: to the 70th Anniversary of Tatiana G. Stefanenko. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 466–473. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-466-473>

Bio notes:

Marina V. Kotova, PhD in Social Psychology, is Senior Lecturer at the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University – Higher School of Economics. E-mail: mkotova@hse.ru

Natalia G. Malysheva, PhD in Social Psychology, is Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: tasha.malysheva@gmail.com

Olga V. Solovyova, PhD in Social Psychology, Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: olga_solovyova@inbox.ru

Scientific report

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-474-479

UDC 159.99

Celebrating Psi Chi at Yale University

Harold Takooshian¹, Florence L. Denmark²

¹Fordham University

113 W. 60th St., New York, NY 10023, The United States of America

²Pace University

1 Pace Plz., New York, NY 10038, The United States of America

Abstract. Psi Chi was founded at Yale University on 4 September 1929, during the historic Ninth International Congress of Psychology – the first congress on U.S. soil. This report recounts how Yale University has been partnering with leaders of Psi Chi to host four joyous Anniversary Convocations to date, to salute international psychology, Psi Chi and student excellence in psychology – in 1999, 2004, 2009, and 2019.

Key words: Psi Chi; Yale University; international psychology

Since Yale University was founded in 1701 – over 30 years before the birth of George Washington (1732–1799) – Yale surely has become a global center for excellence in research and teaching across many fields. In the case of psychology, Yale stands out for at least two reasons, both occurring back in 1929:

1) Yale hosted what has been called “the most impressive gathering in the history of psychology” – the Ninth International Congress of Psychology on 1–7 September 1929 – with a 535-page program book that listed 1,050 participants from 21 nations (Boring, 1930);

2) during this same week, Yale was the birthplace of Psi Chi, the “international honor society in psychology,” which has now (by most measures) grown into “the world’s largest honor society,” with over 700,000 life members at 1,130 campuses world-wide as of 2019.

To celebrate Psi Chi’s 70th anniversary in 1999, a dozen Past-Presidents of Psi Chi gathered at the APA meeting in Boston (Figure 1). At their request, Yale University kindly agreed to host a 70th Anniversary Convocation in its stately Presidents Room – a majestic rotunda lined with portraits of Yale’s Presidents over the past 300 years.

Meanwhile, the erudite Psi Chi Director of Publications Daniel P. Bockert found a long-lost photo of several hundred participants in the 1929 meeting, and Psi Chi paid \$400 to restore this remarkable “Yard of Psychologists” photo in time to display at APA (Figure 2).

© Takooshian H., Denmark F.L., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Figure 1. Psi Chi's 70th anniversary at the APA meeting in Boston, 1999

Figure 2. "Yard of Psychologists" photo at the Ninth International Congress of Psychology at Yale University, 1929

1999. On Friday, September 3, over 30 professors and students gathered for a joyous Convocation featuring many speakers, including a keynote address by John D. Hogan of St. John's University (Hogan, 2000). A highlight of this Convocation was the "return" of the restored "Yard of Psychologists" photo to Yale University President Richard C. Levin (Takooshian, 2000) (Figure 3).

Figure 3. The "return" of the restored "Yard of Psychologists" photo to Yale University, September 3, 1999

2004. On Friday, September 3, over 75 people gathered for a joyous Convocation marking 75 years of Psi Chi (Greer, 2004). The 14 inspiring presentations included two keynote messages by Professor John D. Hogan of St. John’s, and Daniel P. Bockert, the Psi Chi Director of Publications from 1989 till 2003. Psi Beta Past-President Anne Garrett Robinson presented Yale Dean Peter Salovey with a public proclamation from New Haven Mayor John DeStefano proclaiming “Psi Chi Day” in New Haven. “The same electricity that charged the air in the 1929 Congress seemed apparent to participants in the 2004 Convocation” (Takooshian & Salovey, 2004. P. 24) (Figure 4).

Figure 4. Celebrating 70th anniversary of Psi Chi at Yale, September 3, 2004

2009. On Friday, September 4, over 50 people gathered for a Yale Convocation celebrating “80 years of excellence.” Historian John D. Hogan of St. John’s offered the keynote address comparing the 1889 and 1929 Congresses of Psychology (Figure 5). This was hosted by incoming Yale President Peter Salovey, and the 15 presenters included five Past-Presidents of Psi Chi or Psi Beta (Takooshian, Young, & Prohaska, 2009). In April of 2009, the 1,050 Psi Chi chapters in the USA voted to go beyond the USA into the “International Honor Society in Psychology” (Davis, 2019) – in time to celebrate at Yale that August, as Psi Chi returned to its international roots.

2019. On Wednesday, September 4, while many people could not visit Yale during their first week of classes, over 20 people gathered in Sterling Library for a Yale Convocation marking 90 years, chaired by Distinguished Professor Florence L. Denmark of Pace University. In two keynote addresses, Professors Harold Takooshian of Fordham focused on the growth of Psi Chi, and Scott Plous of Wesleyan focused on the bright future of international psychology. Several inspiring presentations celebrated international psychology, Psi Chi, Psi Beta, Psi Alpha, and psychology at Yale (Figure 6).

A highlight of the Convocation was the presentation to Yale of the *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* special issue on Psi Chi, signed by Editor Irina Novikova (2019), and accepted by Yale University Professors Tyrone D. Cannon (Chair of the Psychology Department) and Yarrow Dunham (Faculty Advisor of Psi Chi) (Figure 7).

Figure 5. Celebrating 80th anniversary of Psi Chi at Yale, September 4, 2009

Figure 6. Celebrating 90th anniversary of Psi Chi at Yale, September 4, 2019

Figure 7. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* at 90th anniversary of Psi Chi, Yale University, September 4, 2019

With luck, the centenary of Psi Chi will be celebrated at Yale the week of September 4, 2029.

References

- Boring, E.G. (Ed.). (1930). *Proceedings of the Ninth International Congress of Psychology*. Princeton, NJ: The Psychological Review Company.
- Davis, J. (2019). How Psi Chi became the *International Honor Society in Psychology*. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 237–244. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-237-244>
- Greer, M. (2004, November). Psi Chi turns 75, celebrates its beginnings. *APA Monitor on Psychology*, 35(10), 11. Retrieved from www.apa.org/monitor/nov04/psichi
- Hogan, J.D. (2000, Winter). The founding of Psi Chi at the Ninth International Congress of Psychology, 1929. *Eye on Psi Chi*, 4(2), 11–13. Retrieved from www.psichi.org/page/timeline#.XXxl3C5Kjbg
- Novikova, I.A. (Ed.). (2019). Cross-National Scientific Cooperation: On the 10th Anniversary of Psi Chi Internationalization (Special Section). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 224–286. Retrieved from <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/issue/view/1200>
- Takooshian, H. (2000, Spring). Convocation at Yale marks Psi Chi's 70th anniversary. *Eye on Psi Chi*, 4(2), 10.
- Takooshian, H., & Salovey, P. (2004, November). Psign of the times. *APS Observer*, 23–24. Retrieved from www.psychologicalscience.org/index.php/uncategorized/psign-of-the-times.html
- Takooshian, H., Young, J.R., & Prohaska, V. (2009, October). Yale Convocation celebrated 80 years of Psi Chi. *APS Observer*, 22(8), 10. Retrieved from www.psychologicalscience.org/observer/yale-convocation-celebrates-80-years-of-psi-chi

Article history:

Received: 07 September 2019

Accepted: 10 September 2019

For citation:

Takooshian, H., & Denmark, F.L. (2019). Celebrating Psi Chi at Yale University. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 474–479. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-474-479>

Bio notes:

Harold Takooshian, PhD, is Professor of Psychology, Urban Studies, and Organizational Leadership at Fordham University. He is Past-President of the APA Division of International Psychology (2003), and past officer and President of Psi Chi from 1993 to 2000. He was elected a Distinguished Member of Psi Beta and Psi Chi. E-mail: takoosh@aol.com

Florence L. Denmark, PhD, is Distinguished Professor at Pace University. She is Past-President of the American Psychological Association (1980) and its Division of International Psychology, and Past-President of Psi Chi. E-mail: fdenmark@pace.edu.

Научный репортаж

Чествование Psi Chi в Йельском университете

Г. Такушьян¹, Ф.Л. Денмарк²

¹Университет Фордхэм

Соединенные Штаты Америки, 10023, Нью-Йорк, 60-я ул., 113

²Пэйс Университет

Соединенные Штаты Америки, 10038, Нью-Йорк, Пейс плаза, 1

Психологическое общество почета Psi Chi было основано в Йельском университете 4 сентября 1929 года во время исторического Девятого Международного конгресса психологов – первого психологического конгресса на территории США. В репортаже рассказывается о том, как Йельский университет в сотрудничестве с руководством Psi Chi организовал празднование четырех юбилеев общества, чтобы приветствовать международную психологию, Psi Chi и лучших студентов в области психологии, в 1999, 2004, 2009 и 2019 годах.

Ключевые слова: Psi Chi; Йельский университет; международная психология

История статьи:

Поступила в редакцию: 07 сентября 2019 г.

Принята к печати: 10 сентября 2019 г.

Для цитирования:

Takooshian H., Denmark F.L. Celebrating Psi Chi at Yale University (Чествование Psi Chi в Йельском университете) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 474–479. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-474-479>

Сведения об авторах:

Гарольд Такушьян, Ph.D., профессор психологии, урбанистики и организационного лидерства в Университете Фордхэм. Был президентом отделения международной психологии Американской психологической ассоциации (2003 г.), а также офицером и президентом Psi Chi (1993–2000 гг.). Избран заслуженным членом Psi Beta и Psi Chi. E-mail: takoosh@aol.com

Флоренсе Л. Денмарк, Ph.D., профессор Университета Пэйс. Была президентом Американской психологической ассоциации (1980 г.), 52-го отделения международной психологии Американской психологической ассоциации, а также президентом Psi Chi. E-mail: fdenmark@pace.edu.

Научный репортаж

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-480-485

УДК 159.99

**Психология: создаем будущее вместе –
итоги XVI Европейского психологического конгресса****Р.В. Ершова***Государственный социально-гуманитарный университет
Российская Федерация, 140410, Коломна, ул. Зеленая, 30*

Публикация содержит краткий обзор XVI Европейского психологического конгресса (ЕСР-2019), который впервые проходил в Москве (2–5 июля 2019 г.). Конгресс собрал более 3000 делегатов из 94 стран мира и стал одним из знаковых международных событий в области психологии 2019 года.

Ключевые слова: Европейский психологический конгресс; ЕСР-2019; Европейская федерация психологических ассоциаций; Российское психологическое общество

XVI Европейский психологический конгресс (ЕСР-2019) состоялся в Москве 2–5 июля 2019 года. На этот раз он проходил под девизом «Психология: создаем будущее вместе». Следует отметить, что наша страна лишь во второй раз принимала у себя столь статусный международный психологический форум. Напомним, что в 1966 году Москва встречала гостей XVIII Всемирного психологического конгресса.

ЕСР-2019 стал одним из знаковых международных событий в области психологии по нескольким причинам.

Во-первых, по числу зарегистрированных участников – более 3000 делегатов из 94 стран мира, причем не только из Европы. С докладами на конгрессе выступили психологи из США, Канады, Австралии, Индии, Стран Азии и Латинской Америки. На три дня Шуваловский корпус МГУ имени М.В. Ломоносова стал центром мировой психологии, объединив под своими сводами ведущих специалистов: психологов, социальных педагогов, врачей, ученых.

Во-вторых, по широте обсуждаемых проблем. Выходя за рамки исключительно психологической проблематики, конгресс дал возможность всем, кто посвятил свою жизнь изучению природы человека, представить результаты собственных исследований, поучиться у соратников, обменяться опытом на тематических презентациях, симпозиумах, панельных дискуссиях, установить научные контакты с коллегами. Профессиональное общение проходило

© Ершова Р.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

более чем по 30 направлениям психологической науки, которые условно были разделены на шесть тематических потоков: психология и здоровье, психология и общество, психология и другие науки, психология и образование, психология и цифровое будущее, психология и безопасность. Широта представленной для обсуждения проблематики вполне оправдана, ведь, как отметил Тельмо Мауриньо Баптиста, президент Европейской федерации психологических ассоциаций (European Federation of Psychologists' Associations, EFPA), психологи сегодня должны активнее вовлекаться в мировые трансформационные процессы, бороться за способность психологии быть услышанной, распространять новые формы влияния для совершенствования человеческой жизни.

Следует отметить, что, традиционно проходящий под эгидой Европейской федерации психологических ассоциаций, в этот раз конгресс впервые проходил еще и под генеральным патронатом ЮНЕСКО.

Церемония открытия конгресса состоялась 2 июля в Государственном Кремлевском дворце, на ней впервые была вручена премия имени выдающегося психолога Льва Семеновича Выготского (рис. 1). Первым ее лауреатом стал норвежский исследователь, занимающийся проблемами психологии развития, Франциско Понс (Francisco Pons).

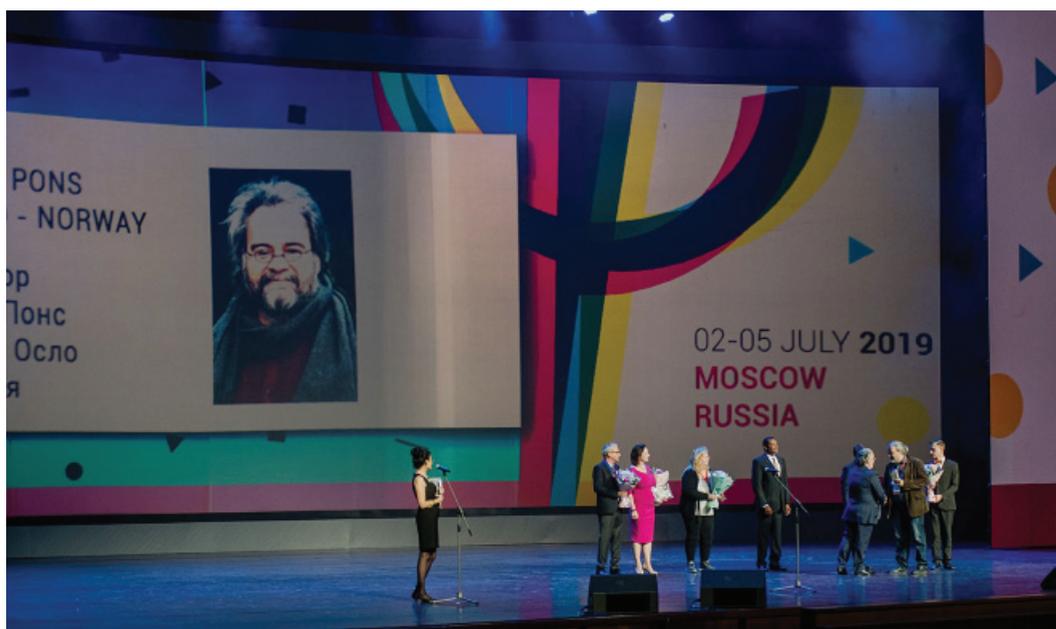

Рис. 1. Вручение премии имени Л.С. Выготского на торжественной церемонии открытия XVI Европейского психологического конгресса на сцене Государственного Кремлевского дворца¹

[Figure 1. Awarding the Vygotsky Prize at the opening ceremony of the 16th European Congress of Psychology at the State Kremlin Palace]

В приветственном слове участникам конгресса президент Российского психологического общества (РПО), декан психологического факультета МГУ Юрий

¹ Фото с сайта XVI Европейского психологического конгресса. URL: <https://ecp2019.ru/about/foto/>

Зинченко сказал: «Самый главный вопрос для психологии как науки – это как сделать человека счастливым в постоянно меняющемся глобализирующемся мире». Разные аспекты этой проблемы активно обсуждались на полях конгресса: в ходе пленарных докладов, тематических симпозиумов, постерных презентаций и в кулуарах международного мероприятия. Доктор психологических наук, профессор НИУ ВШЭ и факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Дмитрий Леонтьев в своем докладе «По направлению к дифференциальной психологии жизни» представил авторскую концепцию личностной жизненной позиции, которая определяется как установка человека по отношению к собственной жизни.

Интересный доклад, посвященный генетическим коррелятам нервной анорексии, представила на конференции основательница Центра перспективных исследований расстройств пищевого поведения в Университете Северной Каролины Синтия М. Бьюлик. Нервная анорексия по уровню смертности существенно обгоняет иные психические расстройства (например, суицидальное поведение). Как отметила С. Бьюлик, последние открытия в области генетических основ расстройств пищевого поведения привели к более глубокому пониманию биологии нервной анорексии и позволили объяснить, почему большинство методов лечения не давали должного результата. В своем докладе С. Бьюлик презентовала схему, позволяющую специалистам понять сложную систему генетически детерминированных черт личности и выбирать тактику общения с клиентами, а также их семьями относительно генетических и средовых причин заболевания.

О прошлом, настоящем и будущем зеркальных нейронов участникам конгресса рассказал ученый, который в 1992 году обнаружил эти уникальные клетки мозга, заслуженный профессор физиологии человека, директор Института нейронаук при Национальном совете по науке Италии Джакомо Ризолатти. Зеркальные нейроны активизируются всякий раз, когда мы следим за действиями других людей. Как отметил профессор, зеркальный механизм является базовым в трансформации воспринимаемых сигналов в формат моторных реакций, он помогает нам понимать других, чувствовать происходящее так, как если бы мы сами совершали действия.

Комплексной модели суицидального поведения была посвящена пленарная лекция доктора медицины, профессор психиатрии в Университете Париж Декарт Фабриса Джоллана. Заслуженный профессор Королевского университета (Канада) Джон Берри пригласил вместе поразмышлять над вопросом управления межкультурным взаимодействием в многонациональном обществе (рис. 2).

За 3 дня работы конгресса прошло 160 симпозиумов и круглых столов, выступили 25 ведущих специалистов в области психологии и человеческого поведения. Важнейшим итогом работы этого крупнейшего научного форума стала масштабная презентация достижений российской психологии зарубежным коллегам. Особый интерес у гостей вызвали заседания секций по военной психологии, экстремальной психологии, психологии в особых условиях, на которых психологи – представители силовых ведомств представили практические наработки, накопленные более чем за двадцатилетие оказания психологической помощи в экстренных ситуациях.

Рис. 2. Джон Берри с российскими коллегами после лекции «How shall we all live together?»
[**Figure 1.** Dr. John Berry (Canada) with Russian colleagues after the keynote lecture “How shall we all live together”?]

Рис. 3. «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика» на XVI Европейском психологическом конгрессе: ответственный секретарь редколлегии И.А. Новикова с членами редколлегии В.П. Шейновым (вверху слева) и Христо Кучуковым (внизу справа); с авторами и рецензентами О.В. Масловой и Р.В. Ершовой (вверху справа) и В.С. Меренковой (внизу слева)
[**Figure 3.** RUDN Journal of Psychology and Pedagogics at the 16th European Congress of Psychology: Executive Editor Irina A. Novikova with the Editorial Board members Viktor P. Sheinov (top left) and Hristo Kyuchukov (bottom right); with authors and reviewers Olga V. Maslova and Regina V. Ershova (top right) and Vera S. Merenkova (bottom left)]

Важным событием XVI Европейский психологический конгресс стал и для журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Психология и педагогика». На полях этого научного форума прошли встречи членов редколлегии с авторами, рецензентами и читателями (рис. 3).

Завершился конгресс заседанием Генеральной Ассамблеи Европейской федерации психологических ассоциаций, впервые в состав исполнительного комитета вошел представитель России – сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова Анна Лейбина. Следующий XVII Европейский психологический конгресс пройдет в 2021 году в Любляне (Словения).

История статьи:

Поступила в редакцию: 25 июля 2019 г.

Принята к печати: 26 августа 2019 г.

Для цитирования:

Ershova R.V. Психология: создаем будущее вместе – итоги XVI Европейского психологического конгресса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 480–485. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-480-485>

Сведения об авторе:

Ershova Regina Вячеславовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Государственного социально-гуманитарного университета. E-mail: erchovareg@mail.ru

Scientific report

**Psychology: Creating the Future Together –
Results of 16th European Congress of Psychology**

Regina V. Ershova

State University of Humanities and Social Studies
30 Zelenaya St., Kolomna, 140410, Russian Federation

The report contains a brief overview of the 16th European Congress of Psychology (ECP-2019), which was held in Moscow at July 2–5, 2019. The congress brought together more than 3,000 delegates from 94 countries of the world and became one of the landmark international events in the field of psychology in 2019.

Key words: European Psychological Congress; ECP-2019; European Federation of Psychological Associations; Russian Psychological Society

Article history:

Received: 25 July 2019

Accepted: 26 August 2019

For citation:

Ershova, R. V. (2019). Psychology: Creating the Future Together – Results of 16th European Congress of Psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 480–485. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-480-485>

Bio note:

Regina V. Ershova, Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, is Professor of Department of Psychology at State University of Humanities and Social Studies. E-mail: erchovareg@mail.ru

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в научном журнале «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика»

Прием и подготовка рукописей к печати

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведений об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyj@rudn.ru

2. После поступления статьи в редколлегию главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80 %, статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п. 2), направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2–3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи, наглядность иллюстративного материала (при наличии); 6) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению, дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 7) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации, рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков, не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументировано (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья, и указывает планируемые сроки публикации.

Требования к оформлению рукописей

Компьютерный набор: файл MS Word с расширением *.doc или *.docx; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура текста на русском языке:

- в левом верхнем углу УДК (определить с помощью сайта: <http://teacode.com/online/udc/>);
- название (форматирование по центру);
- инициалы и фамилия автора/авторов (строчные буквы, полужирный шрифт);
- место работы автора (для каждого автора: полное название вуза, организации и др.);
- рабочий адрес автора (последовательность: страна, почтовый индекс, название населенного пункта, название улицы, номер дома, курсив);
- аннотация содержания статьи (150–250 слов);
- список ключевых слов (5–10);
- текст статьи (рекомендуемый объем 15 000–25 000 знаков с пробелами); текст должен быть структурирован и иметь подзаголовки (например, для эмпирической статьи: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение/Выводы); названия рубрик должны соответствовать содержанию статьи;
- таблицы и рисунки должны быть подписаны (все подписи и надписи должны быть продублированы на английском языке) и включены непосредственно в текст статьи; рисунки должны быть четкими, контрастными и только черно-белыми;
- при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «Примечания». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например, (1), (2) и т.д.;

– раздел «Список литературы», в котором по алфавиту указываются выходные данные источников (обязательно указание doi для тех источников, которые его имеют, наличие проверяется на сайте: <http://search.crossref.org/>), на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем – на иностранных языках).

В самом тексте в круглых скобках указываются фамилия автора и год издания, подробнее см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA;

– сведения об авторе/авторах: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность (+ полное название кафедры, вуза/организации), e-mail (будет опубликован).

После всех указанных материалов на русском языке помещаются:

- перевод на английский язык названия статьи;
- транслитерация фамилии, имени, отчества автора/авторов;
- официальный перевод наименования организации;
- транслитерация адреса организации;
- перевод на английский язык аннотации и ключевых слов;
- раздел “References”, в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод), оформленный по правилам Американской психологической ассоциации (APA): http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA. Порядок источников в этом списке может отличаться от библиографического списка, т.к. он составляется согласно английскому алфавиту. Обратите внимание, что оформление источников в этом списке (даже источников на иностранных языках) отличается от оформления в библиографическом списке (см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA);
- перевод на английский язык сведений об авторах.

В случае публикации статьи на английском языке после списка литературы (References) помещаются название; фамилия, имя, отчество автора/авторов; наименование и адрес организации; краткая аннотация; ключевые слова и сведения об авторах на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе “References” они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по адресу psyj@rudn.ru

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

36432

(индекс издания)

Вестник РУДН. Серия:
Психология и педагогика

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ

36432

ПВ	место	литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.
Серия: Психология и педагогика

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

почтовый индекс							
код улицы							
дом	корпус	квартира					

город

село

область

район

улица

фамилия, инициалы

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету
 журнал (индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: _____
 (наименование издания)

Количество комплектов	<input type="text"/>
-----------------------	----------------------

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>											

Куда
 (почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ
КАРТОЧКА (индекс издания)

ПВ	место	литер
----	-------	-------

на газету Вестник РУДН.
 журнал _____ Серия: _____
 (наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов	<input type="text"/>
	каталожная	руб.		
	пере-адресовки	руб.		

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>											

<input type="text"/>															
город															
село															
почтовый индекс						область									
район															
код улицы						улица									
дом				корпус				квартира				фамилия, инициалы			

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

36432

(индекс издания)

Вестник РУДН. Серия:
Психология и педагогика

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ

36432

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.
Серия: Психология и педагогика

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

почтовый индекс							
код улицы							
дом	корпус	квартира					

город

село

область

район

улица

фамилия, инициалы